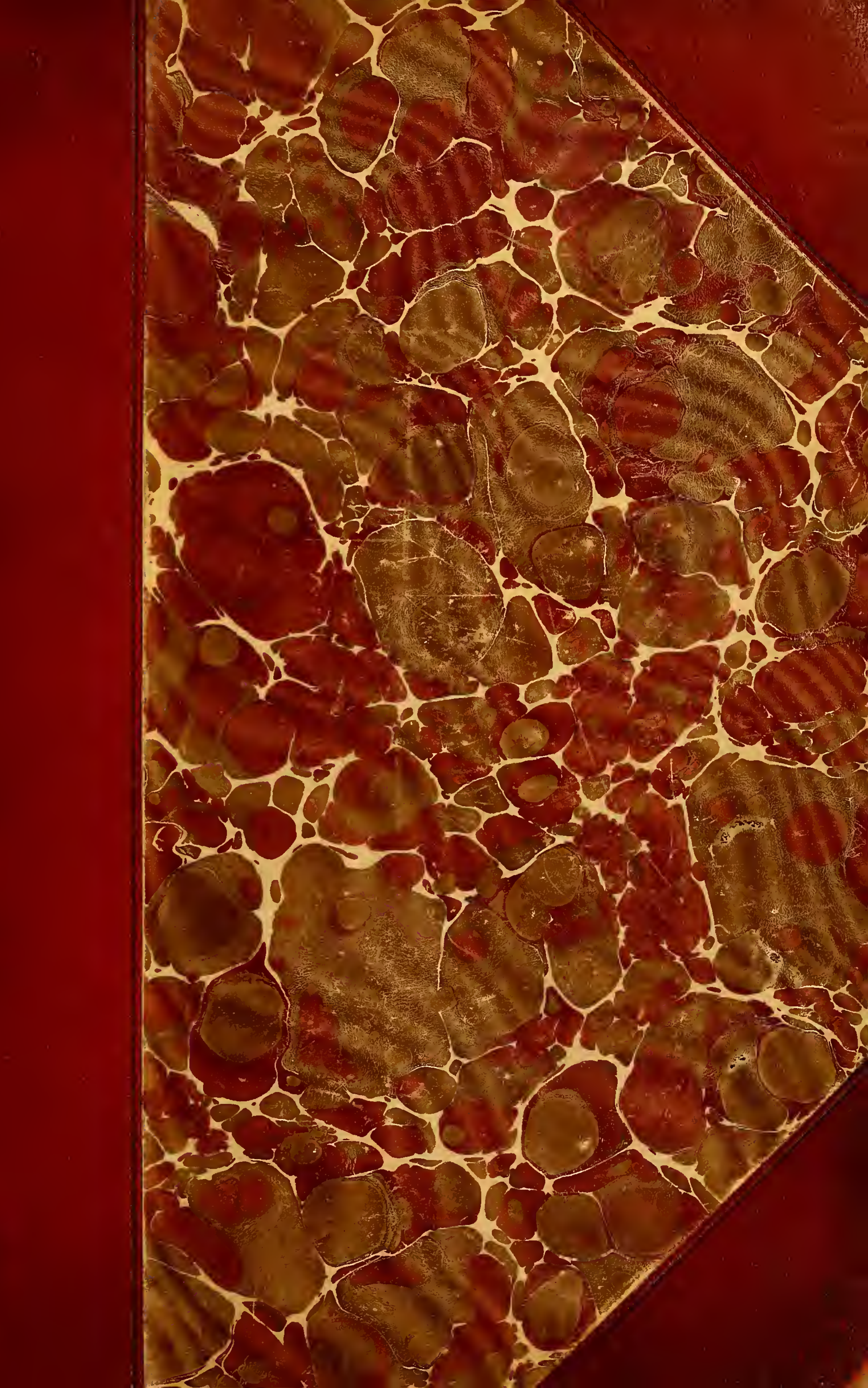



EX LIBRIS C. NARISCHKINE



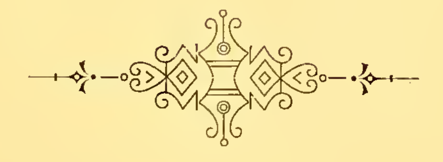
ИМПЕРАТРИЦА

АЛЕКСАНДРА ӨЕОДОРОВНА

(1798—1860 г.).

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ
ИМПЕРАТРИЦЫ
АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ
СУПРУГИ
ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ I.

составилъ И. Н. Божеряновъ.





С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Больш. Подъяческая, д. № 39.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Декабря 1898 г.

ОТЪ АВТОРА.

1-го іюля сего года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія въ Бозѣ почивающей Императрицы Александры Ѳеодоровны, а спустя полтора мѣсяца послѣдовало открытіе въ Московскомъ Кремлѣ памятника Ея первородному Сыну, Императору Александру II.

Имѣя въ виду эти знаменательныя историческія событія, мы сочли своевременнымъ приступить къ составленію біографіи Супруги Императора Николая I, которую будемъ печатать выпусками со многими иллюстраціями. Въ настоящій, первый, выпускъ вошли двѣ главы и начало третьей, въ которой говорится о рожденіи Царя-Освободителя русскаго народа.





ПРЕДИСЛОВІЕ.



Императрицу Александру Θеодоровну соединяла самая искренняя, самая горячая привязанность со своимъ Вѣнценоснымъ Супругомъ. Императоръ Николай I съ неменьшимъ обожаніемъ относился къ своей Августѣйшей Супругѣ, чему вѣчнымъ памятникомъ служатъ Александрія въ Петергофѣ и, наполняющіе его окрестности, роскошные дворцы, которые Императоръ Николай Павловичъ дарилъ своей нѣжнолюбимой женѣ: Царицынъ островъ, Озерки съ сампсоніевскимъ павильономъ, Бельведеръ на Бабьемъ-гонѣ, а также Оріанда на южномъ берегу Крыма.

Юная прусская принцесса Шарлота въ полномъ расцвѣтѣ молодости вступила въ бракъ, 1-го іюля 1817 года, въ день своего рожденія, когда ей исполнилось 19 лѣтъ. Красивое ея лицо имѣло большое сходство съ прелестными чертами прусской королевы Луизы, ея матери. Графиня Шуазель-Гуфье, увидѣвъ въ первый разъ Великую Княгиню Александру Θеодоровну, «была поражена изяществомъ и красотой ея стана. Окруженная придворными дамами, она была выше всѣхъ ихъ головой, точно Калипсо посреди своихъ нимфъ».

И впослѣдствіи, ставъ молодою Императрицею, величественная и стройная фигура Александры Θеодоровны производила на всѣхъ неотразимое впечатлѣніе; поэтъ Пушкинъ съ восторгомъ описываетъ выходы

Государыни на придворные балы, когда она «колеблясь подобно лиліи крылатой», входитъ въ тѣсный кругъ придворныхъ

И надъ поникшею толпою
Сіяетъ царственной главою.

Поселившись послѣ брака въ Аничковскомъ дворцѣ (который впослѣдствіи Императоръ Николай I повелѣлъ именовать Собственнымъ Его Императорскаго Величества Дворцомъ), Великій Князь его совершенно реставрировалъ, уничтожилъ громадныя залы, приспособивъ ихъ для тихой, счастливой семейной жизни, о которой свидѣтельствуютъ слѣдующія слова Николая Павловича:

— «Если кто-нибудь спроситъ тебя,—говорилъ Великій Князь одному изъ своихъ приближенныхъ,—въ какомъ уголкѣ міра скрывается истинное счастье, сдѣлай одолженіе пошли этого человѣка въ Аничковскій рай».

Давъ, въ началѣ сентября 1817 года, великолѣпный маскарадъ въ Аничковскомъ дворцѣ, Николай Павловичъ со своею супругою переѣхали въ Москву. гдѣ 17-го апрѣля 1818 года родился у нихъ будущій Императоръ Александръ II, и Жуковскій, въ то время учившій русскому языку Великую Княгиню Александру Өеодоровну, написалъ посланіе своей царственной ученицѣ, въ которомъ пророчески говорилъ о ея сынѣ:

«Да встрѣтитъ Онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ*.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила Царей великихъ внуку».

Два года спустя тотъ же Жуковскій въ стихотвореніи «Цвѣтокъ» поднесенномъ Великой Княгинѣ Александрѣ Өеодоровнѣ въ день ея рожденія, словами Ея Высочества говорилъ:

«Изъ сѣверной, любовію избранной,
И Промысломъ указанной страны,
Къ вамъ нынѣ шлю мой даръ обѣтованный;
Да скажетъ онъ друзьямъ моей весны,
Что выпалъ мнѣ на часть удѣлъ желанный,
Что младости мечты совершены,
Что не вотще довѣренность къ надеждѣ,
И что теперь плѣнительно, какъ прежде

* * *

Да скажетъ онъ, что въ нашъ союзъ прекрасной
Еще одинъ товарищъ приведенъ:
На путь земной изъ люльки безопасной
Ужъ подаетъ младую руку онъ;
Его лице невинностію ясно
И жизнь надъ нимъ какъ легкій вѣетъ сонъ;
Безпечному предавъ его веселью,
Судьба молчитъ надъ тихой колыбелью.

* * *

Но сладостнымъ предчувствіемъ тѣснится
На сердце мнѣ грядущаго мечта;
Веселый день младенчества промчится,
Разоблачатъ житейское лѣта,
Огнемъ души сей взоръ воспламенится,
И мужески созрѣетъ красота;
Услышитъ онъ возвышенныя вѣсти
О праотцахъ, о доблести, о чести.

* * *

О, да пойметъ онъ ихъ знаменованье,
И жизнь его да будетъ имъ вѣрна,
Да перейдетъ, какъ чистое преданье
Прекрасныхъ дѣлъ, въ другія времена!»

Страстно любилъ Николай Павловичъ своего сына-первенца, но съ дѣтства воспитывалъ его по-спартански. Такъ, дочь Балугьянскаго, бывшаго наставника Императора Николая I, баронесса М. М. Медемъ, разсказываетъ: «Въ 1821 г. послѣ нашего выпуска изъ Екатерининскаго Института, отецъ повезъ меня съ сестрой въ Аничковскій дворецъ представить Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій Великій Князь Николай Павловичъ, который присутствовалъ при этомъ представленіи, объявилъ, что желаетъ похвастать своимъ сыномъ, и, не смотря на протестъ Великой Княгини, ввелъ всѣхъ троихъ въ спальню сына, отодвинулъ ширму, разбудилъ спящаго ребенка и вынулъ его изъ кроватки, утверждая при этомъ, что солдатъ долженъ быть готовъ во всякое время. Потомъ, поставивъ сына на полъ, самъ сталъ рядомъ съ нимъ на колѣни, взялъ громадный барабанъ и, подъ звуки выбиваемаго имъ самимъ марша, заставилъ сына маршировать». («Рус. Арх.» 1885 г., т. III, стр. 418).

*

Точно также съ раннихъ лѣтъ пріучалъ Императоръ Николай и втораго своего сына Константина къ морю, какъ это видно на прилагаемомъ снимкѣ съ литографіи того времени.



Императоръ Николай I на катерѣ съ Императрицею и Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

Поэтъ Жуковскій въ посвященіи поэмы «Наль и Дамаянти» Великой Княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ, вспоминаетъ берлинскій маскарадъ и живыя картины 1821 г., въ которомъ Великая Княгиня Александра Өеодоровна являлась въ сценахъ изъ поэмы Томаса Мура—«Лалла-Рукъ», индѣйскою царевною, приносимою въ паланкинѣ. Декоративная часть и составленіе группъ было ввѣрено извѣстному Шинкелю, пояснительные романсы положены были на музыку композиторомъ Спонтини. Великой Княгинѣ Александрѣ Өеодоровнѣ въ то время было двадцать три года; она находилась въ полномъ расцвѣтѣ своей красоты. Ростъ ея и вся фигура были величественны. Великій Князь Николай Павловичъ, исполнявшій

роль Алариса, настолько же выдавался между мужчинами своей могучей красотою, насколько его супруга выдѣлялась между женщинами своей граціей. Онъ самъ составилъ себѣ костюмъ: голубой кафтанъ, плотно облегавшій тѣло, съ длинными концами широкій поясъ, желтыя туфли и зеленая чалма дополняли нарядъ.

Не менѣе оригинально было и другое торжество, устроенное Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ день рожденія Александры Ѳеодоровны въ первое пребываніе ея въ Берлинѣ послѣ воцаренія Императора Николая Павловича, которому берлинцы поднесли тогда званіе почетнаго гражданина своего города. Зная любовь своей дочери къ цвѣтамъ и особенно къ бѣлымъ розамъ, Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшилъ устроить для нея «праздникъ бѣлой розы».

Для празднества избранъ былъ потсдамскій дворецъ. Главный дворъ былъ отведенъ для турнира; ристалище отдѣлялось отъ мѣстъ, предназначенныхъ для зрителей, баллюстрадою, увѣшанною алыми съ золотомъ драпировками, а самая трибуна декорирована щитами, на которыхъ были прикрѣплены особые значки, украшенные бѣлыми розами. По рединѣ, подъ зеленымъ балдахиномъ, возвышалась трибуна для царицы турнира.

Около 6 часовъ вечера Императрица появилась передъ зрителями: на Ней было бѣлое платье средневѣковаго покроя, вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ украшалъ Ея чело. Такое же украшеніе было на головѣ у всѣхъ сопровождавшихъ дамъ. Когда Императрица заняла свое мѣсто на трибунѣ, къ Ней подъѣхалъ герольдъ, испрашивая разрѣшенія нѣкоторымъ рыцарямъ явиться на арену. Показался рыцарскій поѣздъ, предшествуемый трубачами въ зеленой одеждѣ съ оранжевой отдѣлкой. Весь поѣздъ состоялъ изъ 10 отрядовъ, во главѣ которыхъ было нѣсколько принцевъ прусскаго королевскаго дома: принцъ Фридрихъ Нидерландскій, герцогъ Карлъ Мекленбургскій, герцогъ Вильгельмъ Брауншвейгъ-Эльскій и т. д. Одинъ изъ рыцарей обратился къ Императрицѣ съ рѣчью, въ которой, послѣ привѣтствій, заключалось предупрежденіе, что въ виду всѣмъ извѣстной кротости и миролюбія царицы турнира, обычныя состязанія на этотъ разъ будутъ замѣнены простыми рыцарскими играми.

Такъ баловалъ свою царственную дочь Фридрихъ-Вильгельмъ III, который вообще умѣлъ привести своего гостя въ изумленіе какой-нибудь неожиданностью почему Императрица Марія Ѳеодоровна говорила про него, что «онъ дѣлаетъ всегда болѣе, нежели можно думать или ожидать».

Насколько понравился этотъ праздникъ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, можно судить потому, что впослѣдствіи Императоръ Николай I

устроилъ подобный же рыцарскій турниръ въ Царскомъ селѣ, въ которомъ участвовала вся Царская семья, и картина Зауервейда, изображающая



Турниръ въ Потсдамѣ 1-го іюля 1829 г.

этотъ рыцарскій кортежъ, украшаетъ одну изъ залъ Царскосельскаго дворца. Императоръ Николай I любилъ праздновать день рожденія своей Августѣйшей супруги. Однажды, 1-го іюля, въ Петергофѣ, по выходѣ изъ церкви, Императоръ сталъ во главѣ Кавалергардскаго полка, шефомъ

котораго была Государыня. Какъ простой генералъ, онъ командовалъ полкомъ во время парада, отдавъ воинскія почести своему шефу,—Императрицѣ,—смотрѣвшей на парадъ съ одной изъ дворцовыхъ террасъ. Небо, въ началѣ дня безоблачное, покрылось между тѣмъ тучами; по окончаніи развода, Императоръ подошелъ къ террасѣ и, подобно рыцарю, съ глубокимъ почтеніемъ, склонилъ голову предъ Императрицею, развелъ руки и поднялъ глаза къ небу, какъ бы желалъ этимъ сказать: «я сдѣлалъ все, что могъ, и не моя вина въ томъ, что ненастная погода омрачила праздникъ, начатый столь блистательно».



Императоръ Николай I.

Подъ бюстомъ Императрицы Александры Θеодоровны, работы Рауха, Императоръ приказалъ подписать слова: «счастіе моей жизни».

Императрица Екатерина II воспитывала дѣтей своего сына, строго отдѣляя ихъ другъ отъ друга, а Императрица Александра Θеодоровна, наоборотъ, помня свое воспитаніе, всячески старалась связать и соединить ихъ и по вечерамъ проводила съ ними время, принимая живое участіе въ ихъ играхъ. Заглавная гравюра Райта, представляющая копію съ картины, находящейся въ Романовской галлереѣ Эрмитажа, изображаетъ Государыню, играющую съ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ и Великою Княжною Маріею Николаевною. Привычка эта вошла въ обычай, и впослѣдствіи дѣти Императрицы не проводили дня, чтобы не повидать свою Мать.

Въ одномъ изъ писемъ Плетнева къ Гроту есть слѣдующія строки, подтверждающія вышесказанное: «Мы начали «Руслана и Людмилу», что понадобилось по предстоящей оперѣ Глинки сего самаго сюжета. Начали входить, начиная съ Наслѣдника Цесаревича, всѣ сыновья одинъ за другимъ и тѣмъ прерывали намъ чтеніе, такъ что Великая Княжна Ольга Николаевна въ нетерпѣніи воскликнула при послѣднемъ: «Что это, maman, сколько у васъ сыновей!» («Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. I, стр. 598).



Великая Княгиня Ольга Николаевна,
Королева Виртембергская.

Невольно тутъ вспоминается преданіе, что жена Леонида Спартанскаго, на замѣчаніе одной чужестранки, что только спартанки повелѣваютъ мужьями, отвѣчала: «потому что только мы рождаемъ мужей». Этотъ мудрый отвѣтъ, пробѣжавъ вѣка, бьетъ поучительною стороною своею въ жизнь всякаго народа. Первоначальное воспитаніе ребенка, принадлежащее матери, кладетъ основы нравственнаго его склада. Вотъ гдѣ высокая роль женщины. Еще выше эта задача въ царственной женѣ. Впрочемъ, мы должны оговориться, что Императрица Александра Θеодоровна не любила повелѣвать, и не разъ говорила, что слова Befehl (приказаніе) и befehlen (приказывать) понятны ей только въ устахъ Императора.

По вступленіи Императора Николая I на престолъ, управленію Императрицы Александры Θеодоровны были поручены: 7-го апрѣля 1827 г. Патріотическій Институтъ, а 17-го сентября—Институтъ благородныхъ дѣвицъ въ Полтавѣ, учрежденный малороссійскимъ дворянствомъ. Какъ велики были царственныя заботы о воспитанницахъ этихъ институтовъ, видно изъ того, что Государыня Сама пожелала перевести на лѣто воспитанницъ Патріотическаго Института въ Царскосельскій дворецъ, предоставивъ имъ въ распоряженіе цѣлый флигель. Великая Княжна Марія

Николаевна не только проводила съ ними все свое время, раздѣляя ихъ дѣтскія игры и забавы, но даже носила институтское платье.

Когда принцесса прусская Елизавета прибыла съ мужемъ, наслѣднымъ принцемъ Вильгельмомъ въ Петербургъ, то Императрица Александра Θеодоровна повезла свою невѣстку въ Смольный. Великія Княжны къ тому дню изготовили себѣ институтскіе костюмы и стали каждая въ ряду своего класса. Это былъ сюрпризъ для принцессы, которая никакъ не ожидала встрѣтить своихъ Августѣйшихъ племянницъ въ ряду воспитанницъ.

По кончинѣ Императрицы Маріи Θеодоровны заведенія, находившіяся подъ ея покровительствомъ, поступили 6-го декабря 1828 г. подъ вѣдѣніе Императрицы Александры Θеодоровны, а именно: воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ (Смольный монастырь), находящіеся въ столицахъ воспитательные дома со всѣми принадлежащими къ нимъ учрежденіями, училище ордена св. Екатерины, Александровское училище въ Москвѣ, дѣвичье училище военно-сиротскаго дома (Павловскій Институтъ), харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, училище солдатскихъ дочерей полковъ лейбъ-гвардіи, с.-петербургское и московское коммерческія училища, Павловская въ Москвѣ больница и страннопріимный домъ Таранова-Бѣлозерова въ Симферополѣ; 28-го іюля 1829 г. одесскій институтъ благородныхъ дѣвицъ; 30-го августа того же года — учрежденный въ Царскомъ Селѣ Александровскій малолѣтній кадетскій корпусъ по части ученія и нравственнаго образованія, съ оставленіемъ по всѣмъ прочимъ частямъ управленія въ зависимости отъ главной дирекціи военно-учебныхъ заведеній.

Про этотъ корпусъ М. Θ. Каменская говоритъ: «Помню, что въ 1831 г. въ Александровскомъ корпусѣ были кадетами даже грудныя дѣти, которыхъ мамки въ форменныхъ красныхъ кокошникахъ носили на рукахъ, а сами ребяточки отличались только красными погончиками на бѣлыхъ рубашечкахъ; мѣста офицеровъ при корпусѣ занимали женщины, классныя дамы» («Истор. Вѣстн.», 1894 г., т. 57, стр. 39).

Изъ составленнаго, ко дню двадцатипятилѣтія принятія Императрицею Александрою Θеодоровною подъ свое покровительство учрежденій Императрицы Маріи, «*Обозрѣнія*» этихъ учрежденій съ 1828 по 1853 г., видно, что въ теченіе этихъ 25-ти лѣтъ число женскихъ учебныхъ заведеній возросло съ 14-ти до 38-ми (сюда вошли 7 предположенныхъ, но еще не открытыхъ институтовъ). Изъ открытыхъ въ 1853 г. было 2 въ Петербургѣ, 1 въ Москвѣ, 14 въ губерніяхъ. Къ учрежденіямъ Императрицы Маріи были, послѣ смерти статсъ-секретаря Лонгинова въ 1853 г.,

присоединены и находившіеся въ его вѣдѣніи институты: патріотическій, тамбовскій и полтавскій, три Елизаветинскихъ училища, дома Трудолюбія въ Рязани и Пензѣ, школы патріотическаго общества въ Петербургѣ, школы для бѣдныхъ въ Москвѣ тамошняго благотворительнаго общества 1837 года. Такимъ образомъ, включая сюда и сиротскіе дома, въ вѣдѣніи главнаго Совѣта находилось до 46-ти женскихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній. Въ этомъ числѣ было 39 закрытыхъ и 7 открытыхъ; 1-го разряда 14 заведеній; 2-го — 11; 3-го—13; спеціальныхъ 8.

Изъ общаго числа учащихся 6860 большинство (6298) воспитывалось въ закрытыхъ заведеніяхъ, при чемъ на казенномъ содержаніи было 3626, а пансіонерокъ 3234 («Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи». Е. Лихачевой, часть 3, стр. 54).

Императрица Александра Θеодоровна, чуждая всякаго личнаго честолюбія, далекая отъ желанія властвовать, стремившаяся только дѣлать добро и пользоваться своимъ вліяніемъ, для того, чтобы помогать ближнимъ, чтобы облегчать ихъ страданія, поставила себѣ задачею жизни благотворительность во всѣхъ ея видахъ, которая практиковалась ею съ утонченною деликатностью, служившею какъ бы отголоскомъ прекрасныхъ качествъ ея души. Ничто не можетъ лучше характеризовать эту деликатную заботливость, какъ слова, сказанныя ею молодому чиновнику, на обязанности котораго лежало принимать прошенія бѣдныхъ, поступавшія въ ея канцелярію, и навѣщать ихъ.

— «На васъ возлагается трудная, подчасъ неблагодарная обязанность; не забывайте, однако, никогда, что вы имѣете дѣло съ несчастными, выслушивайте ихъ просьбы, памятуя объ ихъ нуждахъ. Я знаю, что эта задача будетъ иной разъ не легкая, но не забывайте, что вы дѣлаете при этомъ доброе дѣло и исполняете долгъ, достойный похвалы».

Оказывая массу благодѣяній, Государыня всегда тщательно старалась скрыть, что эти добрыя дѣла совершаются ею; истина открывалась иногда только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ... Чтобы дать понятіе о размѣрахъ ея благотворительности, достаточно будетъ сказать, что по кончинѣ Императрицы Александры Θеодоровны, по бумагамъ ея оказалось, что ею тратилось ежегодно двѣ трети ея личныхъ суммъ на пенсіи, раздаваемыя неимущимъ и больнымъ, на содержаніе богадѣльни, учрежденной ею на Васильевскомъ островѣ (на Среднемъ проспектѣ, между 13 и 14 линіями), на случайныя пособія, оказанныя ею по случаю пожаровъ и иныхъ бѣдствій, и на разныя другія пособія («Рус. Стар.», т. 88, стр. 9—11).

Однимъ словомъ, дѣятельность Императрицы Александры Ѳеодоровны лучше всего можетъ быть характеризована стихомъ:

«Кому святая власть дана
Всегда творить, не разрушая,
Мирить печальнаго съ судьбой
И, силу въ сердце водворяя,
Беречь въ немъ ясность и покой!»

Императрица Александра Ѳеодоровна никогда не спѣшила отвѣчать на вопросъ, предложенный ей о какомъ-нибудь важномъ предметѣ, помня всегда о томъ значеніи, какое имѣютъ слова, сказанныя Монархами; въ такихъ случаяхъ она сосредоточивалась на мгновеніе, чтобы обдумать вопросъ, и то, что могло казаться нерѣшительностью, было въ ней признакомъ рѣдкаго качества. Люди, не знавшіе Императрицы близко, не имѣли понятія о твердости, которая скрывалась подъ этой кажущеюся нерѣшительностью; принявъ же извѣстное рѣшеніе, Государыня болѣе не измѣняла его и дѣлала распоряженіе съ видомъ твердой рѣшимости, придававшимъ чертамъ ея лица и походкѣ характеръ величія и твердости.


Великая Княгиня Александра Николаевна.

Въ продолженіе всей своей жизни и особенно по вступленіи своего супруга на престолъ, Императрица Александра Ѳеодоровна подвергалась частымъ болѣзнямъ, упорно сопротивлявшимся всѣмъ усиліямъ врачей. Впослѣдствіи, потеря любимой дочери, Великой Княгини Александры Николаевны [1]), только-что вышедшей замужъ за принца Гессенъ-Кассель-

[1]) Въ память Великой Княгини Александры Николаевны, въ Александріи, у пруда, подъ горою, воздвигнутъ, въ 1846 г. памятникъ, состоящій изъ іонической колонны бѣлаго мрамора съ бронзовымъ крестомъ на верху.

скаго и наконецъ кончина супруга имѣли самое вредное вліяніе на ея здоровье. Глубоко огорченная мать еще ближе, еще дружественнѣе сошлась съ оставшеюся при ней Великою Княгинею Ольгою Николаевною, которая весьма сильно полюбила вступившую въ 1841 г. въ Царскую



Цесаревна Марія Александровна.

семью Цесаревну Марію Александровну; при чемъ ихъ связывала еще искренняя привязанность къ православной вѣрѣ.

Многократныя поѣздки за границу, долговременное пребываніе въ лучшемъ климатѣ приносили Государынѣ лишь временное облегченіе. Упомянемъ въ особенности о пребываніи Императрицы Александры Ѳеодоровны въ Ниццѣ и въ Палермо съ 23-го октября 1845 г. по 16-е марта 1846 г., а также и о послѣднемъ ея пребываніи въ Ниццѣ, гдѣ память о ней увѣковѣчена сооруженіемъ прекрасной православной церкви, которая своимъ бѣлымъ куполомъ, сверкающимъ на этомъ далекомъ отъ Россіи

берегѣ, служитъ напоминаніемъ о Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, пожертвовавшей въ нее весь иконостасъ.

Населенія этихъ мѣстъ, осыпанныя милостями Государыни, встрѣчали ее съ восторгомъ, бросали ей цвѣты при проѣздѣ, а поэты писали въ честь ея хвалебныя поэмы: въ Публичной Библіотекѣ находятся—описаніе пребыванія Александры Ѳеодоровны въ Виттенбергѣ въ 1834 г. Августа Берингера и небольшая поэма на латинскомъ языкѣ, съ переводомъ на французскій, Николаса ди Карло, въ которой описанъ отъѣздъ ея изъ Палермо. По возвращеніи Императрицы изъ Палермо построена въ Петергофѣ, въ 1858 г., бесѣдка въ итальянскомъ вкусѣ *Ренелла*, видъ изъ которой, въ ясную погоду, на берегъ Александріи съ зеркальною поверхностію залива, весьма живописенъ.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ бывали иногда у Императрицы Александры Ѳеодоровны небольшіе домашніе концерты, на которыхъ она и Великія Княжны играли на фортепіано и пѣли вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ числа придворныхъ дамъ, фрейлинъ и кавалеровъ. Графъ М. Ю. Віельгорскій игралъ на віолончели, А. Ѳ. Львовъ на скрипкѣ и т. д. Были сочиняемы инструментальныя пьесы, нарочно для царственнаго персонала (обыкновенно А. Ѳ. Львовымъ) и для Государя самого была назначаема партія на трубѣ, т. е. cornet à piston, инструментѣ, на которомъ онъ любилъ играть. Во время репетицій Государь обыкновенно уводилъ Львова

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

къ себѣ въ кабинетъ, и тамъ послѣдній долженъ былъ нѣсколько разъ сыграть ему на скрипкѣ его партію. Внимательно прослушавъ ее два или три раза, Государь возвращался къ Императрицѣ и принималъ участіе въ исполненіи назначенной пьесы, никогда не ошибаясь ни во времени своего вступленія, ни въ ритмѣ, ни въ нотахъ («Сбор. Рус. Истор. Общ.», т. 98; стр. 48).

Въ своихъ «*Запискахъ*» М. И. Глинка говоритъ: «Иногда приглашали меня на вечера къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ, гдѣ Ея Величество принимала меня весьма ласково. Государыня говорила, бывало, фрейлинѣ Бартеневой [1]), говоря обо мнѣ: «Dites à votre ami de jouer ou chanter telle ou telle chose».



Великая Княгиня Марія Николаевна.

Знаменитая пѣвица Генріетта Зонтагъ была также искренне любима Государыней.

А. Ѳ. Львовъ также пишетъ: «Одинъ разъ я былъ приглашенъ на вечеръ къ Императрицѣ, и меня провели въ ея купальню. Это маленькая комната, прекрасно убранная, низкій диванъ, комелекъ, мраморная ванна, пушистый коверъ, нѣсколько низкихъ табуретокъ, одно окно и двѣ двери, изъ которыхъ одна ведетъ на круглую лѣстницу и прямо въ кабинетъ Государя. Вошедъ, я увидалъ на диванѣ Императрицу, у ногъ которой сидѣли три ея дочери и Наслѣдникъ, графъ Вельегорскій и флигель адъютантъ Толстой стояли у комелька. Слабый свѣтъ покрытой лампы освѣщалъ комнату. Послѣ нѣсколькихъ минутъ Императрица предложила всѣмъ пѣть гимнъ: «Боже, Царя храни!» въ полголоса, и сама начала первая. Въ это самое время Государь спускался по лѣстницѣ. Услыша

[1]) Глинка съ извѣстною пѣвицею-любительницею Прасковьею Арсеньевной Бартеневою познакомился въ Москвѣ, и она съ нимъ проходила романсы его сочиненія.

пѣніе, онъ остановился, слезы покатились изъ глазъ его, наконецъ онъ вошелъ, кинулся цѣловать жену и дѣтей; легко можно вообразить, какъ мы всѣ были тронуты до глубины сердца, видя истинное счастіе семейное въ домѣ Царскомъ; а я, конечно, болѣе другихъ былъ счастливъ, что сочинилъ музыку, которая при подобныхъ минутахъ была пѣта». («Рус. Арх.», 1884 г., т. II, стр. 247»).


Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій.

Великія Княжны, слѣдуя примѣру матери, занимались охотно музыкою и искусствами. Изъ нихъ Великая Княгиня Марія Николаевна по смерти своего мужа герцога Лейхтенбергскаго была назначена президентомъ Академіи Художествъ, а Великая Княжна Ольга Николаевна также работала карандашемъ и кистью подъ руководствомъ профессора Зауэрвейда. Въ день своего бракосочетанія она прислала въ даръ Училищу дѣвицъ духовнаго званія картину своей работы: Пречистая Дѣва еще отроковицей, на колѣняхъ своей матери поучается Закону Божію («Церковныя Вѣдомости», №46, 1892 г.)

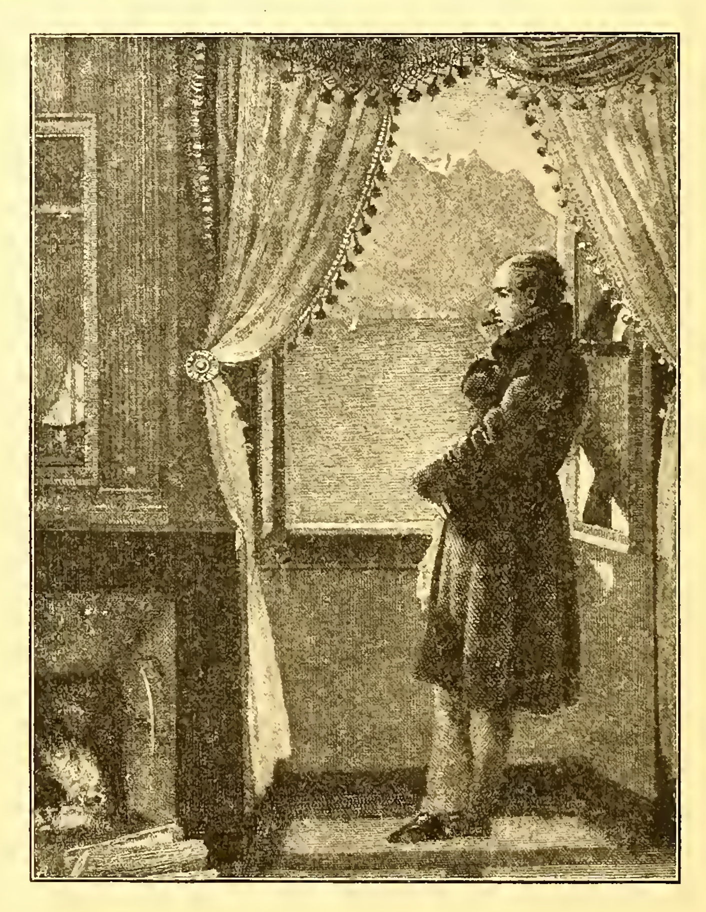
Духъ воспитанія, господствовавшій въ Императорской семьѣ, достаточно извѣстенъ; во главѣ воспитанія стоялъ В. А. Жуковскій, въ привѣтствіи къ которому князь П. А. Вяземскій сказалъ:

«Еще предъ нимъ раскрылся жребій славный:
Святой залогъ пріявъ изъ царскихъ рукъ,
Онъ пробудилъ въ младой семьѣ державной
Благой разсвѣтъ познаній и наукъ».

Насколько любилъ и былъ преданъ Жуковскій своей Царственной ученицѣ и послѣ оставленія Двора, могутъ служить заключительныя строки его письма отъ 7 го (19-го) августа 1841 г.: «Оканчиваю письмо мое повтореніемъ моей глубочайшей благодарности предъ Вами, Всемилостивѣйшая Государыня, за всѣ благотворенія, коими такъ щедро

Вы осыпали меня въ прошедшемъ. Однимъ изъ главнѣйшихъ изъ сихъ благотвореній почитаю *возможность*, которую Вы даровали мнѣ *знать близко Вашу высокую душу*. Это знаніе всегда было и навсегда останется моимъ любезнымъ сокровищемъ» (Пол. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. IX).

Другъ Жуковскаго П. А. Плетневъ, учившій русскому языку Великую Княжну Ольгу Николаевну, въ своихъ письмахъ къ Я. К. Гроту



В. А. Жуковскій.

разсказываетъ, какъ Императрица Александра Ѳеодоровна любила читать Квитку, и какъ ее смѣшилъ Плетневъ, разсказывая его біографію. Книга «Писемъ» Гоголя очень понравилась Императрицѣ, и она просила Плетнева доставить ей еще два экземпляра ея. Государыня Александра Ѳеодоровна интересовалась и всѣмъ тѣмъ, что появлялось въ свѣтъ за границей касательно Россіи. Такъ князь П. А. Вяземскій пишетъ, что «Государыня говорила о княгинѣ Дашковой и о запискахъ ея, пере-

веденныхъ недавно на нѣмецкій языкъ. Спрашивала, почему Иванъ Воронцовъ наслѣдовалъ имя Дашкова, но никто изъ насъ не умѣлъ отвѣчать» (Полное собр. соч. кн. Вяземскаго, т. X, стр. 175). Точно также извѣстно, что баронъ Гакстгаузэнъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ 1843 г. съ письмомъ къ Императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ отъ ея брата, короля прусскаго Фридриха-Вильгельма IV, получилъ около 12.000 тысячъ руб. на изданіе и переводы своего труда: «Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands», въ которомъ собранъ цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ наблюденій надъ различными явленіями внутренней жизни Россіи того времени. Императоръ Вильгельмъ I по кончинѣ своей сестры, Императрицы Александры Өеодоровны, поручилъ Гримму, бывшему воспитателю Великаго Князя Константина Николаевича, написать ея біографію, которая и вышла въ свѣтъ въ 1866 г. Библіотека Императрицы Александры Өеодоровны вошла въ составъ Московскаго Музея и помѣщается какъ-разъ въ центрѣ зданія, подъ тѣмъ мѣстомъ, откуда отецъ составительницы этой библіотеки, Вильгельмъ-Фридрихъ III, со своими сыновьями привѣтствовалъ Москву, какъ спасительницу Германіи.



Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Тревоги 1848 г. въ Европѣ въ связи со смутами снова подорвали слабыя силы Государыни. Въ то время даже путешествіе на нѣмецкія воды, обыкновенно подкрѣплявшія Императрицу, было немыслимо.

Въ 1849 г. Венгерская кампанія отозвала отъ Государыни ея втораго сына, а неожиданная кончина Великаго Князя Михаила Павловича имѣла гибельное вліяніе на ея здоровье. Въ Бозѣ почившій Великій Князь Михаилъ Павловичъ еще при жизни своей указалъ себѣ преемникомъ по званію генералъ-фельцейхмейстера своего племянника и крестника Его Императорское Высочество Великаго Князя Михаила Николаевича.

Грустно текла жизнь Императрицы Александры Феодоровны до 1852 г., когда старшая ея дочь Марія Николаевна схоронила своего супруга герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго. Вскорѣ послѣ этого Государыня отправилась на шлангенбадскія воды, гдѣ она тихо провела нѣсколько недѣль въ особомъ выстроенномъ для нея chalet въ швейцарскомъ вкусѣ, изъ оконъ котораго любовалась прекрасными окрестностями. Какъ бы предчувствуя новое ожидавшее ее горе, грустно простилась она со своимъ chalet и возвратилась въ Россію. Тутъ ее ожидали вѣсти о бѣдствіяхъ крымской кампаніи, видъ постепенно угасающихъ силъ Императора Николая I и, наконецъ, его кончина, которая для всѣхъ была неожиданною. Имя «Незабвеннаго», данное покойному Родителю вступившимъ на престолъ его преемникомъ, пронеслось до самыхъ отдаленныхъ уголковъ обширнаго Русскаго Царства, могучимъ властелиномъ котораго былъ Императоръ Николай I.



Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

Московскій митрополитъ Филаретъ въ письмѣ своемъ къ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ говорилъ:

«По истинѣ, Матерь благословенно-воцарившагося Царя, Праматерь Наслѣдника Царева, въ сихъ наименованіяхъ не заключается-ли для Тебя утѣшеніе такъ же праведное и сильное, какъ Твоя печаль? Да утѣшитъ Тебя воспоминаніе, что Твой Державный Супругъ, во все продолженіе царствованія, среди неутомимыхъ трудовъ и въ часъ скорби или огорченій, всегда своимъ любящимъ сердцемъ находилъ успокоеніе близъ Твоего любящаго сердца. Храня Его спокойствіе, Ты хранила сокровище Россіи.

«Да утѣшаетъ Тебя воспоминаніе, какъ значительно Господь благословилъ Его жизнь въ Его послѣднихъ дняхъ и часахъ, въ которыхъ свѣтлыя черты Царя и Отца семейства—христіанина, несмотря на изнеможеніе внѣшняго человѣка, сіяли такъ сильно, такъ назидательно и благотворно. Твоя молитва соединилась съ Его послѣднею молитвою. Надъ

симъ союзомъ не имѣетъ власти смерть: онъ простирается отъ времени въ вѣчность. Молитва приближаетъ къ Богу и близъ сего средоточія существъ и міровъ неразлученно то, что является разлученнымъ въ мірѣ перемѣнъ. *Молитвою вѣры и упованія возверзи на Господа печаль Твою.* Съ утѣшеніемъ помышляемъ, что и Твоя любовь къ Твоему Державному Сыну побуждаетъ Тебя умѣрить Твою печаль, чтобы ею не увеличивать тяготу души Его тогда, какъ онъ взялъ на свои рамена великое бремя—Россію» и т. д.

Въ отвѣтъ на это письмо Императрица писала митрополиту:

«Письмо вашего высокопреосвященства, отъ 25-го февраля, дошло до меня на сихъ дняхъ Спѣшу благодарить Васъ отъ всего сердца, проникнутаго горестью невыразимою, но и глубоко тронутаго вашими словами утѣшенія. Такъ можетъ утѣшать, такъ можетъ говорить только религія чрезъ своихъ проповѣдниковъ. Она одна, показывая намъ свѣтъ во тмѣ бѣдствій, коихъ цѣль для насъ непостижима, увѣряя насъ въ необходимости и спасительности самыхъ болѣзненныхъ испытаній, — имѣетъ власть повелѣвать намъ и давать силу жить для исполненія долга. Но то же завѣщалъ Мнѣ и Супругъ, Мною оплакиваемый.



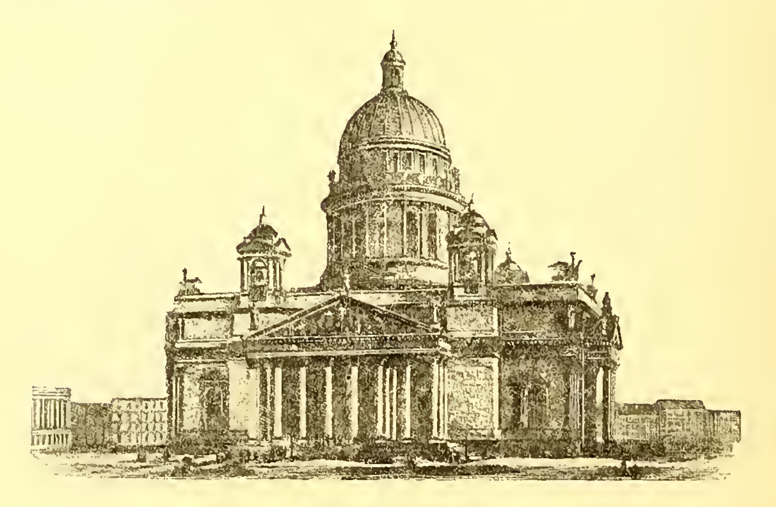
Великій Князь Николай Николаевичъ.

«На одрѣ смертномъ, почти въ часъ кончины, равно ознаменованной умилительными чувствами христіанина съ спокойною твердостью Царя, Онъ еще просилъ Меня беречь жизнь Мою для семейства, для тѣхъ, которыхъ Онъ, конечно, не перестаетъ любить и нынѣ. Семействомъ своимъ Онъ называлъ всю Россію; при послѣднемъ прощаніи съ Наслѣдникомъ своего Престола, сказалъ, что идетъ молиться за нее и за насъ. Смѣемъ думать, что сей обѣтъ Его уже совершается, что Богъ правды и милости принялъ въ свои отеческія объятія исполненную благихъ и чистыхъ намѣреній душу Его.

«Оканчиваю отвѣтъ мой вашему высокопреосвященству такъ же,

какъ Вы заключили письмо свое, изъявленіемъ сердечнаго желанія Васъ видѣть и испросить вашего архипастырскаго благословенія, и съ тѣмъ вмѣстѣ и сожалѣнія, столь же искренняго, что сему препятствуютъ обстоятельства и состояніе вашего здоровья». («Рус. Стар.», т. 88, стр. 355—56).

Какъ любилъ свою супругу Императоръ Николай, это видно изъ его духовнаго завѣщанія, въ которомъ онъ писалъ: «Завѣщаю всѣмъ дѣтямъ и внучатамъ моимъ любить и чтить ихъ родительницу и пещись объ ея успокоеніи, предупреждать ея желанія и стараться утѣшать ея старость нѣжною ихъ попечительностію. Никогда и ничего важнаго во всю ихъ



Исакіевскій соборъ.

жизнь не предпринимать, не спрося предварительно ея совѣта и материнскаго благословенія».

По кончинѣ Императора наружность Государыни измѣнилась до неузнаваемости; Она сохранила лишь свою обычную доброту и величественную походку.

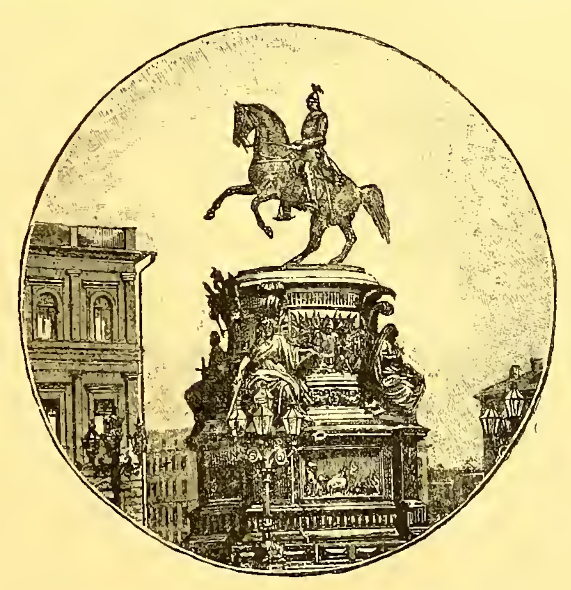
Первое, что хотя на время прервало тоску Императрицы, была свадьба младшаго ея сына Великаго Князя Николая Николаевича на дочери принца Ольденбургскаго.

Когда же политическій горизонтъ нѣсколько прояснился, Императрица Александра Өеодоровна, для возстановленія своего здоровья, снова отправилась за границу на вильдбаденскія воды близъ Штутгарта. Воды возстановили силы Императрицы и дали ей возможность вернуться къ концу лѣта въ Россію, чтобы принять участіе въ коронаціонныхъ торже-

ствахъ своего сына-первенца. Но зиму провести въ Петербургѣ доктора не позволили Государынѣ, и ей снова пришлось ѣхать въ Ниццу и осуществить свою давнюю мечту—побывать въ Римѣ, для осмотра музеевъ и достопримѣчательностей вѣчнаго города.

Императрица возвратилась въ Россію въ сравнительно очень хорошемъ состояніи здоровья и здѣсь провела слѣдующую зиму, мало видясь съ людьми, окруженная книгами. Но это кажущееся отчужденіе отъ свѣта не мѣшало ей принимать живѣйшее участіе въ общественныхъ событіяхъ того времени, готовившихъ освобожденіе крестьянъ. «Два брата, сказала она, Императоръ Александръ и Императоръ Николай, полстолѣтія подготовляли это дѣло: да поможетъ Богъ сыновьямъ моимъ осуществить его!»

Но Богъ не судилъ дожить Государынѣ до радостнаго дня 19-го февраля 1861 года, этого величайшаго дня въ исторіи Россіи. 30-го мая 1858 г. Императрица Александра Θеодоровна присутствовала на освященіи Исаакіевскаго собора, начатаго своимъ сооруженіемъ въ 1818 г., т. е. въ годовщину рожденія Императора Александра II.



Памятникъ Императору Николаю I.

Точно также Императрица Александра Θеодоровна видѣла памятникъ, поставленный Императору Николаю I, на площади Маріинскаго дворца, нынѣ зданія Государственнаго Совѣта.

Между тѣмъ здоровье Государыни все замѣтнѣе стало ослабѣвать, и доктора опять потребовали ея отъѣзда на берега Средиземнаго моря. Это извѣстіе было встрѣчено больною почти съ испугомъ. «Неужели же, говорила она, я не могу провести послѣдніе мои дни моей жизни спокойно, въ кругу моихъ дѣтей? Устала я скитаться! Покойный Государь, умирая, завѣщалъ мнѣ жить для семьи, значитъ, въ ея средѣ, а не вдали отъ нея, на чужбинѣ». Однако, врачи настояли на отъѣздѣ въ Ниццу. Живя за границею, Императрица постоянно выражала сожалѣніе по поводу того,

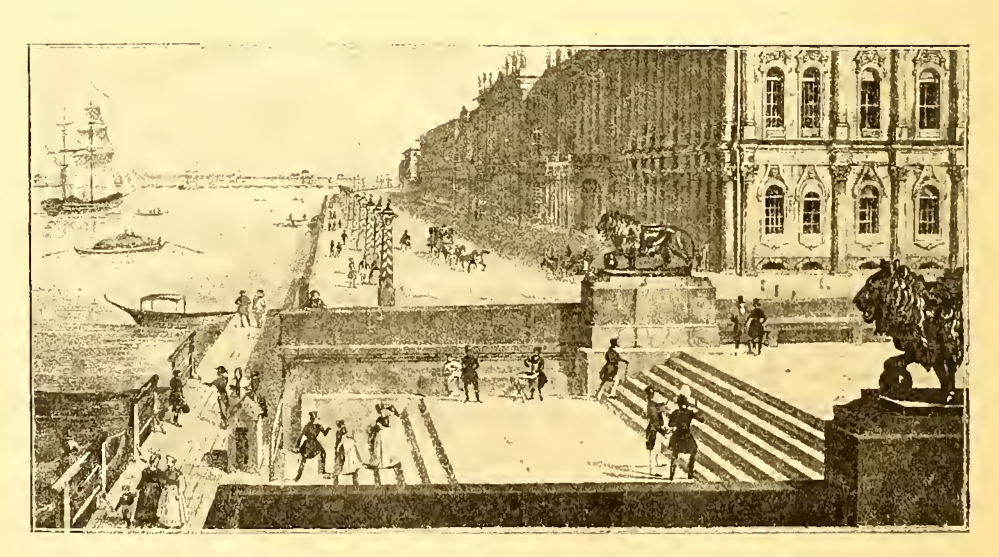
что многіе русскіе бываютъ вынуждены жить въ чужихъ краяхъ для своего здоровья, и находила, что жить вдали отъ родины - большая жертва, которая ложится тяжелымъ бременемъ на страну. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній, она отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ на просьбу своего Августѣйшаго сына, который умолялъ ее подчиниться совѣтамъ врачей и вторично поѣхать за границу осенью въ 1860 году.

Въ концѣ лѣта Государыня изъ Петергофа переѣхала въ Царское Село, гдѣ 8-го сентября, испуганная паденіемъ съ лошади Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, не участвовала въ парадномъ обѣдѣ въ честь дня его рожденія и кушала отдѣльно съ нѣкоторыми приближенными лицами; за столомъ съ ней случился обморокъ.

Послѣ этого состояніе Государыни все ухудшалось, и, наконецъ, 19-го октября 1860 г., она тихо въ Бозѣ почила.

За нѣсколько дней до своей кончины Императрица Александра Ѳеодоровна писала:

«Я желаю, чтобы мои комнаты въ Зимнемъ дворцѣ не стояли долгое время пустыми и чтобы чрезъ годъ послѣ моей смерти онѣ были предназначены для кого-либо изъ новобрачныхъ въ Царской Фамиліи, которые, поселившись въ нихъ, будутъ пользоваться, надѣюсь, тѣмъ же семейнымъ счастьемъ, какимъ пользовалась въ нихъ я. Когда изъ окна моего кабинета будутъ смотрѣть на прекрасную Неву, на которой такъ часто отдыхалъ мой взоръ, пусть почтутъ воспоминаніемъ любви крестъ на куполѣ Петропавловскаго собора, гдѣ я буду покоиться».



Видъ Дворцовой набережной въ 1842 году.



Глава I.

ДО БРАКА.



ольшимъ и тяжкимъ испытаніямъ подверглась Пруссія, когда 16-го ноября 1797 г. принялъ прусскую корону Фридрихъ-Вильгельмъ III [1]).

Вѣнецъ побѣды, закрѣпившій за Фридрихомъ-Великимъ земли послѣ семилѣтней войны и 25-ти лѣтняго славнаго его царствованія, былъ присвоенъ въ полтора года въ Италіи генераломъ Бонапартомъ, которому шелъ всего 28-й годъ отъ роду.

Когда въ маѣ мѣсяцѣ 1798 г. король Фридрихъ-Вильгельмъ поѣхалъ въ Кенигсбергъ для принятія присяги, въ то самое время Бонапартъ отплылъ въ Египетъ, и Александрія была во власти молодого завоевателя—прежде, чѣмъ Фридрихъ-Вильгельмъ возвратился въ Берлинъ, чтобы и здѣсь принести присягу.

---

[1]) Старшій сынъ Фридриха-Вильгельма II, отъ Гессенъ-Дармштадтской принцессы Луизы, родившійся 3-го августа 1770 г.

Вскорѣ послѣ этого событія королева Луиза [1]) разрѣшилась отъ бремени, именно 1-го іюля 1798 года, первою дочерью, названною Шарлотою, будущею русскою императрицею. Королева Луиза, прославляемая всею артистическою и мыслящею Германіею того времени, спокойно занималась первоначальнымъ воспитаніемъ своей дочери до 8-го года, развивая въ ней преимущественно религіозныя чувства.

Императоръ Александръ I видѣлся въ первый разъ послѣ вступленія на престолъ съ прусскимъ королемъ въ Мемелѣ, въ 1802 г.; онъ тутъ же завязалъ съ нимъ узы искреннѣйшей дружбы, которыя имѣли огромнѣйшее вліяніе на послѣдующія взаимныя отношенія Россіи и Пруссіи. Въ продолженіе всего своего царствованія Александръ I поддерживалъ постоянную собственноручную переписку съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, въ которой затрогивались самые важные текущіе политическіе вопросы. Поэтическая натура прусской королевы Луизы, обожаемой народомъ, произвела на Императора Александра сильнѣйшее чарующее впечатлѣніе, и къ ней онъ сохранялъ, до самой ея преждевременной кончины, чувства глубочайшаго почтенія и искреннѣйшей преданности.

Съ 1803 года русская политика выбивалась изъ силъ, чтобы заставить Пруссію препятствовать французскимъ завоевательнымъ планамъ, направленнымъ также противъ Германіи. Когда французскія войска, вопреки постановленіямъ базельскаго трактата, стали подвигаться все больше на сѣверъ Германіи и наконецъ угрожали занять Ганноверъ, прусское правительство сильно испугалось и стало опасаться за свою собственную судьбу. Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Гаугвицъ, сталъ умолять русское правительство не допускать такого посягательства на самостоятельность всей сѣверной Германіи.

Александръ I согласился исполнить это желаніе и препроводилъ къ прусскому королю проектъ союзной конвенціи съ

[1]) Дочь герцога Карла Мекленбургъ Стрелицкаго, родилась въ 1776 г.; вышла замужъ за кронпринца въ 1793 году. Лейбъ-акушеромъ у ней былъ Рибке, котораго королева, несмотря на свою беременность, предлагала отправить въ Петербургъ для Императрицы Маріи Θеодоровны на мѣсто умершаго Моренгейма. («Рус. Стар.» 1873 г., т. VIII, стр. 263).

Россіей, въ силу которой русскія войска должны были придти на помощь прусскимъ, если Наполеонъ приступитъ къ завладѣнію Ганноверскимъ курфиршествомъ.

Но король не рѣшился соединиться съ Россіей противъ Франціи. Наконецъ самъ Наполеонъ принудилъ Пруссію выйти изъ своего нейтральнаго положенія и искать союза съ Россіею. Убійство герцога Энгіенскаго, совершенное Наполеономъ, и постоянныя нарушенія его войсками неприкосновенности территоріи Германской Имперіи убѣдили короля въ необходимости соединиться съ Россіей.



Король
Фридрихъ-Вильгельмъ III.

Въ маѣ 1804 года былъ подписанъ секретнѣйшій союзный договоръ между Россіей и Пруссіей, получившій въ 1805 году болѣе торжественную форму въ видѣ конвенціи, подписанной въ Потсдамѣ, между Россіей, Пруссіей и Австріей. Однако, даже эти акты не могли заставить прусскаго короля открыто соединить свои войска съ русскими арміями, которыя должны были въ 1805 году вступить въ предѣлы Пруссіи для военныхъ дѣйствій противъ Наполеона, противъ котораго Россія и Австрія объявили войну. Король никакъ не желалъ понять, что подписанный имъ договоръ обязываетъ его идти противъ Франціи.

«Вступленіе вашихъ войскъ», писалъ онъ Императору Александру 21-го сентября 1805 года, «въ мои области невозможно при настоящихъ обстоятельствахъ. Оно предрѣшитъ всѣ вопросы, разрушитъ всѣ наши отношенія, оно приведетъ Европу къ неминуемой погибели» [1]).

---

[1]) См. статью профессора Мартенса: «Россія и Пруссія въ началѣ нынѣшняго столѣтія», «Новь», 1885 г., т. V.

*

Наконецъ, 11-го (23) октября, съ разрѣшенія короля прусскаго, русская армія, подъ начальствомъ Михаила Иларіоновича Кутузова, впослѣдствіи князя Смоленскаго, вступила въ прусскую Силезію и двинулась въ Баварію на соединеніе съ австрійцами.

Тогда же Императоръ Александръ отправился въ Берлинъ, куда и прибылъ 13 (25) октября. Населеніе приняло его съ неописаннымъ восторгомъ. За милю до Берлина Государя встрѣтили братья короля. Онъ сѣлъ въ коляску съ старшимъ принцемъ Генрихомъ и въѣхалъ въ Берлинъ при пушечной пальбѣ. Весь гарнизонъ стоялъ подъ ружьемъ. Молодой, статный и красивый, русскій Царь обворожилъ всѣхъ своимъ обращеніемъ. Видя въ немъ безкорыстнаго поборника справедливости, мужчины бѣгали за нимъ толпами, а дамы придумывали разныя средства, чтобы доказать ему свое расположеніе. Такъ, во время пребыванія Государя въ Берлинѣ среди дамъ явилась мода носить букеты подъ названіемъ *Александровскихъ*, которые составлялись изъ цвѣтовъ, названія которыхъ заключало имя *Alexander* [1]). Большіе букеты носились на груди, а маленькіе въ волосахъ, и ни одна женщина высшаго общества не являлась безъ букета ни въ общество, ни въ театръ, ни на гулянье. Это новое свиданіе Императора съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и еще болѣе близкое знакомство съ королевою Луизою упрочило ихъ дружбу и положило основаніе многолѣтнему союзу Россіи съ Пруссіею. Александръ I всегда сохранялъ сердечную симпатію къ королевѣ, «прекраснѣйшей женщинѣ съ еще болѣе прекраснѣйшею душою». Луиза обладала даромъ слова и страстью ко всему высокому и изящному. Ея большіе голубые глаза блистали свѣтомъ ума, силой мужества и добротою, въ высшей степени женственною. Все это подходило къ душевному настроенію и къ особенностямъ увлекающагося характера Александра. «Всѣ нѣмцы бредили молодою королевою, которая, какъ звѣзда, сіяла тогда на сѣверѣ Германіи». Примѣру истыхъ нѣмцевъ слѣдовали и русскіе

---

[1]) Anemon, Lilie, Eicheln, Xeranthemum, Accazie, Nelke, Dreifoltigkeistblume, Ephen et Rosa.

нѣмцы, въ числѣ которыхъ были Вигель и Константинъ Бенкендорфъ, сочинившіе акростихъ на имя королевы Луизы.

Les grâces aujourd'hui favorisent nos armes.
O Reine, c'est vous dont les yeux, pleins de charmes
Usant du pouvoir qu'ils ont sur nos guerriers,
Inspirent le desir de cueillir les lauriers,
Soyez pour les Russes et pour leur Souverain,
Et nos drapeaux bientot flotteront sur le Rhin.

Она много содѣйствовала заключенію договора, подписаннаго въ Потсдамѣ 3-го ноября нов. стиля. По этому договору постановлено было требовать отъ Наполеона независимости Германіи, Голландіи, Швейцаріи и Неаполя, востановленія сардинской династіи и самостоятельности Итальянскаго королевства.

Къ сожалѣнію, политическія событія шли такъ быстро, что австрійская армія была уничтожена ранѣе, чѣмъ союзники успѣли придти къ ней на помощь. По Пресбургскому миру, подписанному 14-го (26) декабря 1805 г., Австрія принуждена была уступить Франціи Венецію съ Венеціанскою областью и признать Наполеона королемъ Италіи. Тироль съ Форарльбергомъ переданы Баваріи, нѣкоторыя владѣнія Австріи по верхнему Дунаю и Рейну перешли къ Виртембергу и Бадену, въ вознагражденіе за союзъ ихъ съ Наполеономъ Такимъ образомъ Австрія лишилась до 1.114½ квадр. миль съ населеніемъ въ 2.785.090 человѣкъ и осталась только тѣнью великой державы.

Такая хирургическая операція была необходима Наполеону для полнаго господства въ Германіи и удержанія въ повиновеніи Пруссіи, которая одинаково боялась войны, какъ въ случаѣ побѣды Наполеона, такъ и въ случаѣ успѣха союзниковъ; она опасалась, что и послѣдніе, при успѣхѣ. возьмутъ себѣ львиную долю и что легко можетъ послѣдовать усиленіе Австріи, столь нежелательное для Пруссіи. Эта зависть и всегдашнія стремленія къ преобладанію другъ надъ другомъ дали возможность Наполеону бить ихъ по частямъ, каждую отдѣльно, и заставили Фридриха-Вильгельма еще 3-го (15) декабря, ранѣе Прес-

[1]) Записки Вигеля, «Рус. Арх.», 1892 г. № 1, приложеніе, стр. 177.

бургскаго мира, заключить союзный договоръ съ Франціею. По этому договору Франція передала Пруссіи всѣ свои права на Ганноверъ, чтобы скорѣе поссорить ее съ Англіею, а въ замѣнъ того получила княжество Невшательское и заставила Пруссію уступить Аншпахъ въ пользу Баваріи. Такимъ образомъ во второй половинѣ декабря 1805 г. оба союзника отложились отъ Россіи, что́, вмѣстѣ съ неудачею нашею подъ Аустерлицемъ, сильно подѣйствовало на Императора Александра.

Зная нерѣшительный характеръ Фридриха, Наполеонъ относился къ нему съ презрѣніемъ, старался изолировать Пруссію, лишить ее посторонней помощи и унизить въ глазахъ бывшихъ ея союзниковъ. Фридрихъ-Вильгельмъ пытался, однако, выйти изъ такого подчиненнаго положенія, велъ тайные переговоры съ Россіею. Императоръ Александръ обнадежилъ его своею помощью и приводилъ свою армію на военное положеніе. Опираясь на поддержку Россіи, но не принявъ въ соображеніе, что русскія войска могутъ прибыть на помощь не ранѣе трехъ мѣсяцевъ, Фридрихъ-Вильгельмъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ послалъ Наполеону ультиматумъ, въ которомъ требовалъ, чтобы расположенныя въ Германіи французскія войска немедленно отошли за Рейнъ, чтобы со стороны Наполеона не было никакого препятствія къ образованію Сѣвернаго союза изъ государствъ, не вошедшихъ въ составъ Рейнскаго союза, и чтобы безотлагательно были открыты переговоры для рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ.

Наполеонъ отвѣтилъ на ультиматумъ воззваніемъ къ своей арміи о началѣ войны и оскорбительною выходкою въ бюллетенѣ противъ короля и королевы Пруссіи [1]). Произошло то, что случилось съ Австріею въ 1805 г., когда она, не дождавшись прибытія союзныхъ войскъ, рѣшилась одна вступить въ борьбу съ сильнѣйшимъ противникомъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1806 г. королева послѣдовала за королемъ, выступившимъ въ Тюрингію, на встрѣчу французскимъ войскамъ, но громъ Іенскихъ пушекъ заставилъ ее поспѣшить обратно въ Берлинъ, съ извѣстіемъ о совершенномъ пораженіи

---

[1]) «Рус. Вѣстн.» 1895 г. Апрѣльская книга, статья Н. Дубровина: «Наполеонъ I. въ современномъ ему русскомъ обществѣ».

прусской арміи, и здѣсь, на-скоро собравшись къ бѣгству, она уѣхала въ Кенигсбергъ, куда еще прежде отправила дѣтей.

Въ переполненномъ всякимъ сбродомъ городѣ явился тифъ. Маленькій сынъ короля, принцъ Карлъ занемогъ нервической горячкой такъ опасно, что вызвали съ курьеромъ доктора Гуфеланда. «Въ два часа ночи пріѣхалъ я, писалъ Гуфеландъ, и нашелъ ребенка больнымъ при смерти. Я рѣшился посадить его въ ароматическую ванну, хотя, при его ужасной слабости, онъ могъ и не вынести ея. Но Богъ благословилъ, и съ этой минуты началось выздоровленіе. Почти всѣ переселенцы подверглись заразительному тифу. Почти цѣлые дни и ночи просиживалъ я у больныхъ и только по какому-то чуду уцѣлѣлъ. Наконецъ наша безподобная королева заразилась злокачественнымъ тифомъ; она слегла опасно больная, и я не забуду никогда ночь на 22-е декабря 1806 г., когда жизнь ея висѣла на ниточкѣ; я сидѣлъ у изголовья, а на дворѣ ревѣла и рвалась страшная буря и снесла шпиль стараго замка, въ которомъ лежала королева; и корабль, нагруженный цѣнными вещами, послѣдними драгоцѣнностями, которыя спасли отъ непріятеля, находился въ морѣ. Однако и тутъ Господь благословилъ леченіе, и ей стало лучше. Въ самое это время пришло извѣстіе, что французы наступаютъ. Королева объявила рѣшительно: «Лучше отдамъ душу Богу, нежели отдамъ себя въ руки этихъ людей». И такъ пришлось снести королеву на рукахъ изъ ея комнаты и положить въ карету, укутанную одѣялами и подушками, 3-го января 1807 года, въ сильный морозъ, въ страшную бурю и снѣжную мятель, и везти ее по берегу Куришгафа, за 20 миль (140 верстъ) до Мемеля. Ѣхали мы три дня и три ночи, при самыхъ плохихъ ночлегахъ. Первую ночь королева провела въ комнатѣ, гдѣ стекла окошекъ были выбиты и заносило снѣгомъ кровать, на которой больная лежала, и лежала даже безъ подкрѣпляющей пищи. Я тутъ сидѣлъ около нея въ безпрестанномъ тревожномъ опасеніи, чтобы у нея не сдѣлалось паралича. Но и въ этомъ положеніи она сохраняла всю бодрость духа, всю *свою* свѣтлую вѣру въ милость Божію и упованіе на Него. Онъ насъ всѣхъ сохранилъ. Даже этотъ слишкомъ свѣжій воздухъ благодѣтельно подѣйствовалъ: вмѣсто того чтобы ухудшиться, здоровье стало

поправляться въ это бѣдственное путешествіе. Наконецъ увидѣли мы издали Мемель на другомъ берегу залива; въ первый разъ проглянуло солнце сквозь туманъ и тучи, освѣщая городъ, который долженъ былъ сдѣлаться нашимъ убѣжищемъ и главной квартирой. Съ какой радостію мы привѣтствовали этотъ добрый признакъ» [1]).

Въ теченіе весны королева оправилась, и дворъ воротился въ Кенигсбергъ, но не на долго: 2-го іюня пришлось ей опять уѣхать съ дѣтьми въ Мемель.

Въ Мемелѣ, какъ и въ мрачномъ Кенигсбергѣ, огорченная королева Луиза не переставала внушать своей дочери религіозныя правила, и впослѣдствіи Императрица Александра Ѳеодоровна вспоминала съ благодарностію, что религіозное чувство руководило ею во всѣхъ случаяхъ жизни и было лучшимъ наслѣдствомъ, завѣщаннымъ ей матерью [2]).

Въ это же время королева Луиза, не будучи сама въ состояніи заставить своего супруга уволить министра Гаугвица, обратилась секретнѣйшимъ образомъ къ Императору Александру и просила его написать королю энергичное письмо съ указаніемъ на весь вредъ, который приноситъ его министръ общему дѣлу союзниковъ. Александръ I исполнилъ эту просьбу, но только было уже поздно, чтобъ увольненіемъ графа Гаугвица поправить дѣла Пруссіи.

Побѣды Наполеона при Іенѣ и Ауэрштедтѣ рѣшили судьбу Пруссіи: Берлинъ былъ занятъ французами, и король просилъ мира. Наполеонъ потребовалъ, чтобы Фридрихъ не допускалъ въ свои владѣнія никакихъ чужеземныхъ войскъ, т. е. русскихъ. Такое требованіе было равносильно уничтоженію самобытности Пруссіи, и король, отказавшись подписать мирныя условія, поручилъ свою судьбу великодушію Императора Александра I. Послѣдній 22-го октября (9 ноября) писалъ ему:

«Соединимся тѣснѣе, нежели когда-либо; пребудемъ вѣрны чести и славѣ и предоставимъ прочее Промыслу, который, рано

[1]) «Рус. Арх.» 1873 г., стр. 2094.

[2]) П. А. Плетневъ писалъ Я. К. Гроту, отъ 21-го апрѣля 1843 года: «Государыня была удивительно сообщительна. Она такъ чувствуетъ для блага жизни цѣну нравственно-религіознаго преобладанія» (см. т. II ихъ переписки, стр. 61).

[3]) Біографія его написана Минуталли въ 1844 г. «Graf von Haugwitz».



Королева Луиза съ принцами Карломъ и Вильгельмомъ.
Съ портрета Стефека.

или поздно, положитъ конецъ успѣхамъ хищенія и тиранства, даруя торжество святому дѣлу».

Фридрихъ отвѣчалъ:

«Нѣтъ ничего столь неизмѣннаго, Государь, какъ мною принятое намѣреніе—слѣдовать вмѣстѣ съ Вами одной и той же политикѣ. Каждый день утверждаетъ меня въ этомъ намѣреніи, потому что въ каждый день болѣе и болѣе развиваются обширные планы необыкновеннаго властолюбія Наполеона, побуждая всѣ государства, сохранившія независимость, соединиться противъ отъявленнаго врага ихъ самостоятельности».

Отвѣтомъ на это письмо былъ манифестъ отъ 16-го ноября о войнѣ съ Франціею [1]).

Русскія войска перешли прусскую границу, и въ апрѣлѣ 1807 г., въ Бартенштейнѣ, былъ подписанъ новый союзный договоръ, который уже не остался мертвою буквою, но дѣйствительно былъ приведенъ въ исполненіе. Русскія и прусскія арміи сражались съ рѣдкою храбростью при Эйлау и Фридландѣ, но, несмотря на побѣду, одержанную въ первомъ сраженіи, все-таки война противъ Наполеона была неудачна для обоихъ союзниковъ, къ которымъ не примкнули ни Англія, ни Австрія, ни Швеція. Вся Пруссія, вмѣстѣ съ столицею Берлиномъ, была во власти французовъ, и самъ король принужденъ былъ просить у Александра I убѣжища для себя и своей семьи на русской территоріи.

Но эта чаша минула короля и королевской четы. Императоръ Александръ, убѣдившись въ физической невозможности продолжать войну противъ Наполеона одними своими средствами, согласился принять предложенія Наполеона вступить въ переговоры о мирѣ. Въ Тильзитѣ имѣла мѣсто личная встрѣча двухъ Императоровъ и короля прусскаго, и здѣсь былъ подписанъ знаменитый мирный трактатъ, въ силу котораго Россія пріобрѣла Бѣлостокскую область, бывшую подъ прусскою властью. Пруссія была уменьшена на цѣлую треть своихъ владѣній и должна была принять на себя обязательства, исполненіемъ которыхъ Наполеонъ желалъ низвести ее на ступень незначительнаго государства.

[1]) Пол. Собр. Законовъ, т. XIX, № 22356.

Въ іюнѣ 1807 г. Жозефъ де-Местръ писалъ: «Между Наполеономъ и королемъ прусскимъ происходили сильныя, личныя сцены. Одинъ разъ, между прочимъ, они до того возвысили голосъ, что Императоръ Александръ I принужденъ былъ стать между ними, и это—буквально. Бонапартъ однажды внезапно спросилъ короля прусскаго:—Вы все еще занимаетесь тактикой? Король, приложивъ палецъ къ шляпѣ, какъ гренадеръ, отдающій честь, отвѣчалъ: точно такъ, Государь!»

Сокрушаясь о бѣдственной участи Пруссіи, въ Тильзитъ пріѣхала и королева Луиза, которая рѣшилась ходатайствовать предъ Наполеономъ и испросить у надменнаго завоевателя нѣкоторое снисхожденіе «ради ея прекрасныхъ глазъ». Она разсчитывала плѣнить Наполеона своимъ невиннымъ кокетствомъ, но попытка не удалась, и ей не суждено было стать Юдиѳью, а ему Олоферномъ, хотя дѣло шло вовсе не о томъ, чтобы ему отрубить голову, а только вскружить ее. Какъ-бы въ вознагражденіе за грубую холодность Наполеона, Императоръ Александръ оказывалъ королевѣ Луизѣ въ Тильзитѣ истинно рыцарскую внимательность, и съ того времени ихъ связала взаимная сердечная пріязнь, идеальная симпатія, сродство душъ, нѣмецкое Wahlverwandschaft.

11-го іюля, послѣ Тильзитскаго свиданія, королева Луиза писала: «Чтобы смягчить участь Пруссіи, черезъ какую пытку я прошла, знаетъ цѣлый свѣтъ; и какъ мало пользы изъ всего этого! Я должна была исполнить мою обязанность, какъ вѣрная жена къ мужу, какъ любящая мать къ моимъ дѣтямъ, какъ королева къ моему народу. Но чувство исполненія долга одно служитъ мнѣ наградой».

Въ октябрѣ 1807 г. королева Луиза писала: «Послѣднія предложенія или лучше сказать, *приказанія,* которыя намъ присланы уже въ видѣ формальной конвенціи, такого свойства, что я въ первый разъ видѣла, какъ баронъ Штейнъ окаменѣлъ [1]).

— «Савари увѣряетъ, что посредничество Россіи не по-

[1]) Dass Stein zum ersten Mal wie zu Stein würde. По требованію Наполеона король долженъ былъ удалить отъ себя Штейна; за него королева Луиза просила Императора Александра, который принялъ его на русскую службу, но не ранѣе 1812 года.

можетъ, а совѣтуетъ намъ лучше свои драгоцѣнности и бриллiанты вытащить изъ кладовыхъ и продать. Оскорбительная насмѣшка»!

Дѣйствительно очевидцы, послѣ посѣщенiя короля и королевы въ Мемелѣ, разсказывали, что «обѣдъ у нихъ такой простой и несытный, что у любого мѣщанина тогда лучше ѣли». Золотой столовый сервизъ, родовое наслѣдство, былъ давно расплавленъ на монетномъ дворѣ не для собственныхъ нуждъ, но на расходы для подданныхъ, обремененныхъ тяжестью военныхъ издержекъ.

Въ 4-й статьѣ мира, заключеннаго 9-го iюня между Францiей и Пруссiей, было сказано: «Изъ уваженiя къ Императору Всероссiйскому императоръ Наполеонъ соглашается отдать королю прусскому нижепоименованныя покоренныя владѣнiя»[1]). «Вашъ король», сказалъ Наполеонъ графу Гольцу, «всѣмъ обязанъ рыцарской привязанности къ нему Императора Александра: безъ него династiя короля лишилась бы престола, и я бы отдалъ Пруссiю брату моему Iерониму».

Относительно Пруссiи, спасенной отъ окончательной гибели заступничествомъ Императора Александра, въ манифестѣ было сказано: «Союзнику нашему возвращены многiя страны и области, жребiемъ войны отторгнутыя и оружiемъ покоренныя».—«Чувство скромности,—говоритъ Н. К. Шильдеръ[2]), свойственное Государю, не позволяло сказать болѣе».

Вообще, положенiе Пруссiи послѣ Тильзитскаго мира останется навсегда памятнымъ для прусскаго народа. Трудно себѣ представить, чтобъ въ самое короткое время могло обрушиться на одинъ народъ столько невзгодъ, несчастiй и ударовъ, наносимыхъ систематически рукою неумолимаго врага, сколько Наполеонъ I нанесъ Пруссiи и ея королевскому дому съ 1807 г. по 1813 годъ. Несмотря на заключенiе мира съ Пруссiей, Наполеонъ все-таки оставилъ на содержанiе въ этой разоренной и опустошенной странѣ армiю въ 160.000 чел. и занялъ сю главнѣйшiя прусскiя крѣпости, вопреки буквальному тексту Тиль-

[1]) «Всеобщая Исторiя» Iегера, т. 4, стр. 185.

[2]) «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованiе» Т. II. стр. 194 и 208.

зитскаго трактата. Въ продолженіе двухлѣтней оккупаціи французскими войсками прусскихъ провинцій, населеніе ихъ уплатило, въ видѣ денежныхъ контрибуцій, реквизицій и всевозможныхъ поставокъ, громаднѣйшую сумму въ одинъ милліардъ 129 милліоновъ франковъ. Одна провинція Прусская уплатила 119 милліоновъ [1]).

Послѣ Тильзитскаго мира Императоръ Александръ I вступилъ въ союзъ съ заклятымъ врагомъ своего сердечнаго друга и долженъ былъ удерживать Пруссію отъ такой политики, которая могла бы вызвать новую войну противъ нея со стороны Франціи и привести ее къ окончательной гибели. Этого мало: соглашенія, подписанныя въ Тильзитѣ, могли заставить Россію поднять оружіе на свою недавнюю союзницу, Пруссію. Въ виду такихъ обстоятельствъ, Императоръ Александръ I повторялъ въ продолженіе трехъ лѣтъ своему вѣнценосному другу: «сохраните пока миръ, въ немъ одномъ ваше спасеніе». Во время заключенія Тильзитскаго мира, дочери королевы Луизы было девять лѣтъ; необходимо было приступить къ серьезнымъ занятіямъ, но кто бы повѣрилъ, что королевской семьѣ не доставало къ тому средствъ. Одинъ французскій эмигрантъ, молодой Шамбо, сопутствовалъ въ бѣгствѣ королевѣ Луизѣ и всѣмъ дѣтямъ ея давалъ уроки. Жизнь въ сыромъ, нездоровомъ климатѣ Мемеля была не только проста, но положительно бѣдна. Съ королевскаго стола исчезла всякая роскошь украшеній, потому что король все превратилъ въ деньги, чтобы хотя нѣсколько облегчить гнетъ своихъ подданныхъ отъ налоговъ, возложенныхъ на нихъ Наполеономъ. Самая маленькая сумма имѣла тогда во дворцѣ небывалую дотолѣ цѣну. Принцессѣ Шарлотѣ какъ-то разъ понадобилось сшить платье, и король на эту покупку могъ дать ей всего пять талеровъ. Такая нужда давала себя чувствовать и въ воспитаніи дѣтей. Трудно было рѣшиться взять чужого въ такую скудную домашнюю жизнь. И при всемъ томъ, пишетъ Гриммъ [2]),

---

[1]) Treitschke, «Deutsche geschichte» I, 276, 321 flg.

[2]) Авторъ сочиненія: «Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland». Leipzig 1866 г. Гриммъ былъ въ числѣ наставниковъ Великаго Князя Константина Николаевича, поэтому вторая часть труда его отличается бо́льшимъ

біографъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, одинъ старикъ проведшій цѣлый вечеръ въ Мемелѣ въ тѣсномъ кружкѣ королевской семьи, разсказывалъ о видѣнномъ тутъ, что онъ не промѣнялъ-бы на воспоминаніе о тысячѣ придворныхъ праздниковъ. «За бѣдно-убраннымъ столомъ, лишеннымъ, какъ и сама королева, всякаго внѣшняго украшенія, сидитъ Луиза и возлѣ нея, какъ нѣжный бутонъ близъ пышно-расцвѣтшей розы, старшая принцесса, и обѣ онѣ, раздѣляя маленькія хозяйственныя обязанности, восхищали своимъ вниманіемъ, и оставили въ душѣ моей живой образъ, котораго ни одно послѣдовавшее событіе не изгладило изъ памяти».

Около того же времени королева, описывая своему отцу характеры своихъ дѣтей, говорила: «Дѣти наши сокровище. Дочь моя Шарлота сосредоточена и замкнута сама въ себѣ, но, подобно отцу своему, скрываетъ за холодной повидимому оболочкой, теплое, полное участія сердце. Вслѣдствіе этого въ ея пріемахъ есть что-то величавое. Если Господь ее сохранитъ, предчувствую для нея блестящую будущность».

Въ 1808 году королевская семья вновь переѣхала въ Кенигсбергъ и зажила въ довольствѣ, но съ прежней простотой, устраняя стѣснительный этикетъ придворнаго церемоніала. Жизнь въ Кенигсбергѣ, чуждая суетнаго блеска, согрѣвала юныя сердца королевскихъ дѣтей несравненно болѣе, чѣмъ способна къ тому обыкновенная придворная жизнь. Принцы и принцессы наслаждались вполнѣ счастьемъ золотого дѣтства. Будучи уже Императрицею Всероссійскою, Александра Ѳеодоровна относила Кенигсбергъ къ лучшимъ воспоминаніямъ своей молодости.

интересомъ, чѣмъ первая, разработанная очень сжато. Въ 1856 г. Гриммъ вновь былъ вызванъ въ Петербургъ В. П. Титовымъ, завѣдывавшимъ ученіемъ дѣтей Императора Александра II; онъ вовсе не зналъ русскаго языка, но слылъ почему-то отличнымъ педагогомъ, говоритъ покойный Я. К. Гротъ (см. «Нѣсколько данныхъ къ его біографіи». Спб. 1895 г.). «Этотъ знатокъ древнихъ языковъ, пишетъ Н. И. Пироговъ, глухой на одно ухо отъ роду, какъ онъ самъ полагалъ, пріѣхавъ съ Государынею въ Ревель, обратился къ доктору Эренбушу, боясь, чтобъ не оглохнуть на другое ухо, но какъ же Гриммъ и всѣ мы были удивлены, когда, послѣ нѣсколькихъ спринцовокъ водой, изъ глухого отъ роду уха выскочила горошина» («Рус. Стар.», т. 46, стр. 261).

Любимою прогулкою ея съ братьями бывала ходьба на дачу Бузольта, гдѣ небольшой садъ доставлялъ имъ такъ много радостей: они играли здѣсь въ мячикъ, рвали цвѣты, ловили бабочекъ, и принцесса Шарлота несказанно бывала рада и счастлива, когда могла принести своей матери вѣнокъ, собственноручно сплетенный ею изъ васильковъ. Уѣзжая въ Россію, принцесса Шарлота подарила своимъ сестрамъ по простому полевому цвѣтку, какъ залогъ ихъ взаимнаго воспоминанія. Это обстоятельство дало поводъ написать В. А. Жуковскому стихотвореніе «Цвѣтокъ завѣта», помѣченное имъ 1-го іюля 1819 года, которое мы и приведемъ подъ этою датою.

Вотъ его начало:

«Мой милый цвѣтъ, былинка полевая,
Скорѣй покинь пріютъ твой луговой;
Теперь тебя нашла рука родная;
До нынѣ ты, съ непышной красотой,
Цвѣла въ тиши, очей не привлекая,
И путника не радуя собой;
Ты здѣсь была желанью не примѣтна,
Чужда любви, и сердцу безотвѣтна.

* * *

Но для меня твой видъ очарованье!
Въ твоихъ листкахъ вся жизнь минувшихъ лѣтъ;
Въ нихъ тайное цвѣтетъ воспоминанье,
И вѣетъ съ нихъ бывалаго привѣтъ.
Смотрю... и все, что мило, на свиданье
Съ моей душой, къ тебѣ, родимый цвѣтъ,
Воздушною примчалося толпою,
И прошлое воскресло предо мною, и т. д.

Жизнь въ Кенигсбергѣ сблизила королевскихъ дѣтей со многими ихъ сверстниками изъ другихъ сословій и тѣмъ рано пріучила ихъ различать разнообразіе, представляемое человѣческими характерами. Все это сильно дѣйствовало на принцессу Шарлоту, нѣжная и стройная фигура которой тогда уже очаровывала всѣхъ встрѣчавшихся съ нею. Нѣмецкіе офицеры, присутствовавшіе при играхъ королевскихъ дѣтей во время своихъ дежурствъ, уже стариками съ одушевленіемъ разсказывали о легкости движеній и милой улыбкѣ принцессы Шарлоты, съ

которою она кланялась, хотя улыбку эту всегда какъ-бы сдерживала какая-то серьезность. Подъ материнскимъ надзоромъ, принцесса Шарлота ознакомилась въ это время съ произведеніями нѣмецкой литературы. Она внимательно прислушивалась къ бесѣдамъ королевы съ серьезными людьми, и если не всегда понимала о чемъ шла рѣчь, за то многоиспытавшая горя мать внушала дочери ту глубокую вѣру въ Бога и дѣтски-покорный взглядъ на ходъ міровыхъ событій, съ которыми легче вѣрится въ способность человѣчества къ развитію и въ непреложность побѣды истины и добра, олицетвореніемъ которыхъ являлся Императоръ Александръ I.

Насколько были искренни дружескія чувства Императора Александра I къ королю прусскому и ко всему его семейству, наглядно обнаружилось это во время пребыванія королевской четы въ С.-Петербургѣ.

Въ концѣ 1808 г. королева Луиза съ своимъ супругомъ пріѣзжала въ Петербургъ. Въ день Рождества Христова, 25-го декабря 1808 г., прибыли въ Стрѣльну король и королева прусскіе, сопровождаемые братомъ короля, принцемъ Вильгельмомъ, и дядею, принцемъ Августомъ; здѣсь они были встрѣчены Императоромъ Александромъ. На слѣдующій день царственные гости въ сильнѣйшій морозъ имѣли «церемоніальный въѣздъ» въ Петербургъ при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. Гвардія была размѣщена въ городѣ по пути слѣдованія Высочайшихъ особъ до Зимняго дворца, Государь и король ѣхали верхомъ [1]). По этому поводу сардинскій посланникъ графъ де-Местръ [2]), въ своемъ письмѣ отъ 5-го января 1809 г., разсказываетъ слѣдующее:

«Имъ былъ сдѣланъ пріемъ великолѣпный и исполненный самой дружеской внимательности. Кавалергарды раздѣлились на два отряда: одинъ дожидался Августѣйшихъ путешественниковъ у Петергофской заставы, другой у подъѣзда дворца.

[1]) «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе», Н. К. Шильдера, т. II, стр. 237; въ книгѣ, указанной нами на стр. 225, помѣщена гравюра Лемана: «Въѣздъ въ Петербургъ короля прусскаго Вильгельма въ 1808 г.».

[2]) Письма графа Жозефа де-Местра, «Рус. Арх.» 1871 г. № 6, стр. 54—192.

Императоръ и Великій Князь (Константинъ Павловичъ) были также верхомъ».

«Послѣдній, принявшій тогда команду надъ войсками, на этотъ разъ былъ очень любезенъ. Онъ позволилъ кавалеріи ѣхать рысью, что̀ въ сильные холода большое облегченіе; далѣе, онъ позволилъ пѣхотѣ быть въ шинеляхъ и велѣлъ зажечь на Дворцовой площади большіе костры, около которыхъ всѣ могли грѣться поочередно. Было всего 10 градусовъ мороза, что̀ здѣсь бездѣлица».

Любопытенъ также разсказъ о пріѣздѣ королевы Луизы въ воспоминаніяхъ А. Д. Блудовой [1]), записанный со *словъ* ея тетки Маріи Андреевны Поликарповой, находившейся въ свитѣ Императрицы Маріи Өеодоровны.

«Весь дворъ собрался въ сѣняхъ посольскаго подъѣзда. Государь выѣхалъ на встрѣчу; Императрицы Марія Өеодоровна и Елисавета Алексѣевна ожидали на верху великолѣпной лѣстницы. Тетушка была тутъ и разсказывала весь этотъ пріемъ. Изъ кареты вышла королева Луиза. Государь подалъ ей руку, и они съ королемъ вошли на лѣстницу. Королева была во всемъ блескѣ своей молодой, необыкновенной красоты; ослѣпительная бѣлизна и свѣжесть ея лица выступали еще ярче на темномъ фонѣ синей бархатной шубы на собольемъ мѣху (подарокъ Императора Александра). Ласковымъ взглядомъ и привѣтливымъ склоненіемъ головы отвѣчала она на поклоны ожидавшихъ ее придворныхъ, на которыхъ оставила впечатлѣніе самое симпатичное. Для королевской четы были приготовлены комнаты, носившія названіе «короля прусскаго» [2]). Нечего говорить о роскоши, съ которою онѣ были отдѣланы; я еще хо-

---

[1]) «Руск. Арх.» 1873 г., стр. 2090—92.

[2]) Однако не тутъ останавливалась королева: тетушка сказала мнѣ, что кто-то изъ приближенныхъ императрицы, осматривая комнаты, замѣтилъ, что эти бѣлыя каріатиды у постели королевы могли бы ей напомнить *Бѣлую Даму* и сдѣлать непріятное впечатлѣніе. Тогда приготовили комнаты для нея и короля въ Эрмитажѣ. *Примѣчаніе А. Д. Блудовой. Бѣлая Дама*—призракъ графини Орламюнде, являвшійся членамъ Гогенцоллернскаго дома предъ ихъ смертью. Королева Луиза вѣрила въ него и даже сама видѣла его. Литографированный посмертный портретъ ея продавался въ лавкахъ съ описаніемъ явленій ей Бѣлой Дамы.

рошо помню ихъ: особенно каріатиды въ спальнѣ, отдѣланной атласными шпалерами въ позолоченныхъ рамахъ, съ тяжелыми атласными занавѣсками. Шкапы и комоды были наполнены дорогими подарками; въ однихъ висѣли разныя бархатныя и шелковыя одежды, подбитыя мѣхомъ; въ другихъ лежали турецкія шали, сибирскіе камни въ брилліантовой отдѣлкѣ, которою такъ славились петербургскіе брилліантщики. Гостепріимство истинно царское, со всею утонченностію пріемовъ европейскихъ и почти сказочною роскошью азіатскою. На другой или на третій день, было большое представленіе королевѣ всѣхъ «ко двору имѣющихъ пріѣздъ». Королева Луиза, съ ногъ до головы залитая золотомъ и брилліантами, была еще болѣе ослѣпительна своею юною царственною красотой, чѣмъ нарядомъ; прекрасный станъ, нѣжный оттѣнокъ бѣлокурыхъ волосъ, свѣтлый взглядъ голубыхъ глазъ и особенная грація и достоинства, ей свойственныя, обращали на нее всѣ глаза; не могли на нее налюбоваться. Красавица изъ красавицъ! Ей нѣтъ соперницы, кажется, во всемъ мірѣ, поговаривали въ нарядной, раззолоченной толпѣ. Всѣ дамы постарались въ этотъ день быть особенно богато одѣтыми; бархатъ, парчи, золотое шитье, жемчуги, брилліанты, драгоцѣнные каменья, пестрѣя, сверкали всюду кругомъ. Вдругъ подошла поклониться королевѣ другая знаменитая красавица того времени Марья Антоновна Нарышкина (урожденная княжна Четвертинская). Такая же ослѣпительная свѣжесть, такая же безукоризненность формъ, такія же тонкія черты; только темные волосы и совершенная простота наряда: вся въ бѣломъ; ни золота, ни брилліантовъ; никакихъ дорогихъ украшеній; на



Королева Луиза
съ портрета Каннегисера.

головѣ простой вѣнокъ изъ васильковъ. Королева невольно выпрямилась, и одну секунду онѣ молча поглядѣли другъ на друга. Рѣшительно нельзя было сказать кто лучше. Умная уловка Нарышкиной была верхъ искусства кокетки. Это презрѣніе всякаго украшенія было высшее торжество красоты».

Радушный и почетный пріемъ, оказанный прусской королевской четѣ, былъ своего рода демонстраціей нашего двора Наполеону. Понятно, что его посланникъ, Коленкуръ, былъ этимъ возмущенъ и, не обладая способностями истиннаго дипломата, позволялъ себѣ казарменныя выходки.

1-го января 1809 г. въ Большой церкви Зимняго Дворца происходило обрученіе Великой княжны Екатерины Павловны[1]) съ принцемъ Петромъ-Фридрихомъ-Георгомъ Ольденбургскимъ. «На парадномъ балѣ, который происходилъ во дворцѣ, пишетъ де-Местръ, въ день сговора (обрученія), Коленкуръ въ качествѣ французскаго герцога, заявилъ притязаніе танцовать съ принцами Вильгельмомъ и Августомъ прусскими, которые находились возлѣ Государей. Таково было постоянное притязаніе Наполеона, и его уважили въ Эрфуртѣ, гдѣ герцогамъ, которыхъ онъ создалъ, былъ данъ шагъ впереди находившихся тамъ нѣмецкихъ принцевъ. Тутъ однакоже Императоръ не уступилъ, и Коленкуръ отказался отъ танцевъ. Онъ небрежно сѣлъ играть въ карты со вдовствующею Императрицей (Маріею Ѳеодоровною), говоря, что у него болитъ нога».

Не менѣе интересенъ и другой разсказъ, слышанный отъ очевидца, который Н. И. Гречъ приводитъ въ своихъ *Запискахъ* [2]).

«Въ началѣ 1809 г., въ пребываніе здѣсь Прусскаго короля и королевы, всѣ знатнѣйшія государственныя и придворныя особы давали великолѣпные балы въ честь знаменитыхъ гостей. А. Л. Нарышкинъ сказалъ при этомъ о своемъ балѣ: «J'ai fait ce que je dois, mais je dois aussi tout ce que j'ai fait» [3]). Въ

---

[1]) Очеркъ ея жизни изданъ нами въ 1888 г., подъ заглавіемъ: «Великая Княгиня Екатерина Павловна, Герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская».

[2]) «Рус. Арх.», 1871 г., стр. 264—56.

[3]) «Я сдѣлалъ все то, что было моимъ долгомъ, но я дѣлалъ все это въ долгъ».

числѣ первыхъ лицъ Двора былъ графъ А. С. Строгановъ, врагъ Наполеона, тогдашняго нашего союзника, удалявшійся отъ всякаго соприкосновенія съ Коленкуромъ. На балѣ у Нарышкина Александръ сказалъ старику Строганову: «Ты дашь балъ и не будешь дурачиться. Понимаешь?» Графъ безмолвно поклонился. Это значило пригласить и Коленкура. Графъ исполнилъ приказаніе. Но вотъ что̀ случилось. Наканунѣ бала пріѣзжаетъ къ нему чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ и привозитъ записку Коленкура, къ графу Румянцеву, съ жалобой, что онъ не приглашенъ на завтрашній вечеръ къ графу Строганову. Посылаютъ за секретаремъ графскимъ, Ласковскимъ.«Какъ не приглашенъ!» сказалъ Ласковскій чиновнику: «Его имя стоитъ первымъ въ спискѣ. Ваши же курьеры развозили билеты». «Призвать курьеровъ». Явились. «Развезли-ли билеты по адресамъ?»—Развезли, только одного не нашли. «А кого?»—«Дюка де Висанса». Тутъ недоразумѣніе объяснилось. Новый титулъ посла не дошелъ еще до свѣдѣнія экзекутора въ министерствѣ. Ласковскій отправился съ чиновникомъ къ Коленкуру и объяснилъ причину ошибки. Великолѣпный балъ кончился ужиномъ. Въ одномъ концѣ залы [1]) накрытъ былъ круглый столъ на девять кувертовъ, по числу царственныхъ особъ, удостоившихъ балъ своимъ посѣщеніемъ. Отъ этого круглаго стола̀ тянулись два длинные стола для прочихъ гостей. Предъ самымъ окончаніемъ танцевъ, Коленкуръ вошелъ въ столовую, увидѣлъ распоряженіе, по которому онъ исключался изъ общества царскихъ особъ, и рѣшился захватить свое мѣсто наглостью: сталъ у круглаго стола и взялся за стулъ. Входятъ гости. Императоръ Александръ, въ первой парѣ, велъ королеву; взглянулъ на Коленкура, догадался и сказалъ королевѣ:—«сегодня позвольте мнѣ не садиться подлѣ васъ. Ужъ и такъ мнѣ нѣтъ покоя отъ моей жены. Буду ходить вокругъ стола и ухаживать за всѣми». Королева стала смѣясь возражать. Императрица Елисавета Алексѣевна, понявъ мысль Государя, начала играть роль ревнивой жены. Государь не садился и былъ до крайности любезенъ со всѣми и особенно

---

[1]) Домъ графа А. С. Строганова, построенный знаменитымъ Растрелли, сохранился до сихъ поръ, онъ находится у Полицейскаго моста на Невскомъ.

съ Коленкуромъ, который жестоко поплатился за свою наглость.

Княгиня З. А. Волконская [1]), въ неизданномъ стихотвореніи «Пѣснь Невская», которое начинается словами:

Стоитъ царскій дворецъ на Невѣ рѣкѣ,
Передъ нимъ лежитъ площадь бѣлая.

и далѣе вспоминаетъ пребываніе королевы Луизы въ Зимнемъ дворцѣ такъ:

Изъ Порусьи давно тамъ являлася
Королева—краса чужеземная,
Словно лунный свѣтъ въ окна царскія.
Она много терпѣла за свой край родной,
И въ день черный ему всѣмъ пожертвовала,
Ему все отдала, камни, золото—
И одни жемчуга сохранила себѣ
Въ жемчугахъ и въ слезахъ она помнится мнѣ» [2]).

Отъѣздъ прусскихъ гостей состоялся 19-го (31) января 1809 г. Пребываніе въ столицѣ Сѣвера не оставило въ сердцѣ Луизы *особенно пріятныхъ впечатлѣній*; вѣрнѣе наоборотъ, такъ какъ, вскорѣ по возвращеніи своемъ, она писала: «Я воротилась съ тѣмъ же предчувствіемъ бѣды. Ничто теперь не можетъ ослѣпить меня и еще разъ скажу: мое царство уже не отъ міра сего».

Спустя ровно годъ, послѣ въѣзда въ Петербургъ, 23-го декабря 1809 г., королева Луиза съ принцессою Шарлотою и съ семействомъ возвратилась, послѣ трехлѣтняго изгнанія, въ Берлинъ, куда въѣхала, сидя въ богатой каретѣ, присланной ей въ подарокъ отъ города.

Услыша радостные клики народа, привѣтствовавшаго Фридриха-Вильгельма III, королева была ими потрясена до глубины души.

«Боже мой, какая божественная музыка!» воскликнула

---

[1]) Письма Императора Александра I къ княгинѣ З. А. Волконской, см. въ III томѣ «Сбор. Рус. Импер. Истор. Общ.», стр. 910—14. Писательница и музыкантша, Зинаида Алекс., урожденная Бѣлосельская-Бѣлозерская, жена кн. Никиты Гр. Волконскаго, которую воспѣвали и Пушкинъ, и Баратынскій, и Козловъ, и Веневитиновъ. Она скончалась въ Римѣ, въ 1862 г.

[2]) «Рус. Арх.», 1872 г., стр. 1980.

она, обращаясь къ дочери;—для меня она также полна гармоніи, какъ священные звуки органа: весь городъ кажется мнѣ сегодня обширнымъ храмомъ. Дорогая Шарлота, слушай эти радостные крики и звонъ колоколовъ съ благоговѣніемъ; нѣтъ ничего священнѣе, нѣтъ ничего драгоцѣннѣе и пріятнѣе для Монарха, какъ радостные возгласы его народа, спѣшащаго ему навстрѣчу. Тотъ, кто хочетъ заслужить это, долженъ отвѣчать любовью на любовь своего народа, долженъ имѣть сердце, способное раздѣлять его страданія и радости, главное—онъ долженъ быть съ людьми человѣкомъ; запомни это, дочь моя, и если тебѣ когда-нибудь суждено носить корону, вспомни этотъ торжественный часъ» [1]).

Несомнѣнно, событія этой памятной для Пруссіи эпохи оставили глубокій слѣдъ въ душѣ молодой принцессы Шарлоты, которая, вступивъ на русскій престолъ, исполнила завѣтъ матери и относилась къ Россіи и ея народу съ той же любовью, какую доблестная ея мать питала къ своей странѣ и къ своему народу.

Однако долголѣтній рядъ невзгодъ и тревогъ гибельно отозвался на черезчуръ нѣжномъ организмѣ королевы Луизы, и ей недолго суждено было наслаждаться порою спокойствія, наступившей для нея съ возвращеніемъ въ Берлинъ. Она сознавала сама быстрый упадокъ своихъ надломленныхъ силъ и съ особеннымъ чувствомъ тихой грусти встрѣтила день своего рожденія (10-го марта 1810 г.), сказавъ при этомъ пророчески: «Я въ послѣдній разъ праздную этотъ день». Дѣйствительно, 19-го іюля того же года ея не стало. На горе короля и семьи его болѣзненно откликнулась вся Германія, считавшая почившую королеву Луизу своей поэтической звѣздою, путеводнымъ лучомъ, свѣтившимъ лучшимъ геніямъ страны [2]).

При дворѣ королевы Луизы находились: профессоръ Сю-

---

[1]) Mühlbach, «Napoleon und Königin Luise», т. IX, стр. 215.

[2]) Послѣ кончины королевы Луизы Фридрихъ-Вильгельмъ собралъ всѣ ея портреты и, руководствуясь ими, поручилъ молодому художнику Терните написать ея изображеніе. Мало этого, желая видѣть словно живою покойную супругу, онъ предложилъ тому же живописцу даже раскрасить ея бюстъ (см. романъ Грегора Самарова «Безъ вѣсти пропавшій», гл. V, переводъ Назарьевой. Спб. 1879 г.).

вернъ, принцъ Гогенцоллернскій, аббатъ Оливскій, епископъ Эрмеландскій. Знаменитый Жанъ-Поль-Рихтеръ былъ другомъ королевской семьи и лучшее свое произведеніе «Титанъ» написалъ для принцессы Шарлоты и ея сестры.



Жанъ-Поль-Рихтеръ

Вспоминая короля Фридриха-Вильгельма въ своихъ «Запискахъ» [1]), графиня Антонина Дм. Блудова заключаетъ: «Героическая фигура его жены, блескъ ея красоты, восторженность ея характера, энергія, инициатива, съ которыми она подняла духъ Германіи и, какъ древняя Валькирія, повела ее на подвигъ, весь этотъ лучезарный образъ Луизы слишкомъ затмевалъ короля. Но въ сущности онъ положилъ основаніе новой жизни Пруссіи».

Кончина королевы Луизы произвела въ семейномъ кругу ничѣмъ ненаполнимую пустоту, но для воспитанія принцессы Шарлоты это печальное событіе не имѣло тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыхъ можно было бы ожидать отъ внезапнаго прекращенія надзора такой умной матери. Швейцарка Маргарита Вильдерметъ [2]), состоявшая при принцессѣ Шарлотѣ въ

[1]) «Рус. Арх.» 1872 г., стр. 1283.

[2]) Сестры этой Вильдерметъ—Цецилія и Викторія были гувернантками въ Петербургѣ: первая у княженъ Волконскихъ, а вторая у княженъ Репниныхъ; послѣдняя потомъ вышла замужъ за профессора Раупаха. (См. «Рус. Арх.» 1897 г., т. II, стр. 483).

качествѣ наставницы съ 1805 года, успѣла усвоить воззрѣнія на дѣло воспитанія королевы Луизы, особенно чтившей ученіе Песталоцци и примѣнявшей его къ образованію всѣхъ своихъ дѣтей, при чемъ еще она руководствовалась самобытно выра-



Барельефъ королевы Луизы.

ботаннымъ убѣжденіемъ, что однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ преподаванія для дѣтей царскихъ должна быть исторія, которая не только научаетъ познавать пути, которыми народы дошли до настоящаго, но развиваетъ и возвышаетъ душу такъ, какъ ни одна наука послѣ религіи. Недаромъ говорилъ Диз-

раэли, что «лучшая біографія—представляетъ единеніе съ человѣческой жизнью въ ея лучшей формѣ».

Такимъ образомъ г-жа Вильдерметъ добросовѣстно продолжала исполнять задачу, возложенную на нее, а графиня Фоссъ [1]), имѣвшая большое значеніе въ королевской семьѣ, являлась также воспитательницею будущей русской Императрицы, для образованія которой было приглашено нѣсколько ученыхъ лицъ; среди нихъ особенно выдавался молодой богословъ Гарнишъ, а также Вольтманъ и Гиртъ, ознакомившіе принцессу Шарлоту съ исторіею и искусствами.

Возвращаясь изъ Ниццы въ Россію, въ іюлѣ 1856 г., Императрица Александра Ѳеодоровна освѣдомилась въ Берлинѣ о своихъ бывшихъ учителяхъ и профессорахъ. Всѣ они уже умерли, кромѣ одного, именно Гарниша, который былъ въ то время ректоромъ въ одномъ маленькомъ прусскомъ городкѣ. Ему было въ то время уже 80 лѣтъ; Императрица пригласила его къ себѣ и долго бесѣдовала съ нимъ. Часъ спустя она говорила одной изъ своихъ фрейлинъ:

— «Я до сихъ поръ глубоко растрогана; я только-что видѣлась съ однимъ изъ моихъ бывшихъ наставниковъ. Онъ былъ тронутъ не менѣе меня. Мы вспоминали то время, когда были оба молоды, и когда оба мечтали о свободѣ Германіи. Поручаю вамъ, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, напомнить мнѣ о моемъ старикѣ Гарнишѣ».

Императрица послала ему изъ Петербурга въ подарокъ прекрасный вызолоченный кубокъ, работы Сазикова (извѣстнаго въ то время фабриканта серебряныхъ издѣлій), на которомъ было изображено два вида Кремля, при рескриптѣ, въ коемъ говорилось, что въ память радости, испытанной ею при свиданіи съ нимъ, она посылаетъ ему вещь, на которой изображены «два вида зданій той страны, которая сдѣлалась моимъ вторымъ отечествомъ». Отпуская чиновника, которому было поручено передать этотъ подарокъ по назначенію, Го-

---

[1]) Эта придворная особа записала въ дневникѣ своемъ (69 Jahre am preussischen Hofe) подъ 24 февраля 1813 г. слѣдующія строки: «Ich höre das man mit den Stafetten vorsichtig sein muss. General Benckendorff soll in Müncheberg, wo er sich befindet, alle Brief öffnen die er auffangen kann» (см. «Арх. князя Воронцова», т. 35, стр. 125).

сударыня сказала ему: «Поспѣшите отправить его, ибо Гарнишъ такъ старъ, что можетъ умереть до его полученія» [1]). Однако старый богословъ пережилъ бывшую свою ученицу.

Возвращаемся къ годамъ воспитанія принцессы Шарлоты, которые проходили въ безмятежномъ спокойствіи, такъ какъ прерывались только на часы, посвящаемые ею отцу, который всецѣло привязался къ своей старшей дочери и съ нею одною отчасти дѣлилъ заботы и грусть, прежде раздѣляемые съ нимъ его любимою женою. Но жизнь не дремлетъ, изрѣдка лишь притихая, словно для того, чтобы дать отдыхъ, и снова влечетъ въ невѣдомую даль. Настала новая пора. Европа ополчилась.

Прусскій король писалъ Императору Александру:

«Если война начнется, мы сдѣлаемъ другъ другу вреда настолько, насколько требуется крайнею необходимостью, и мы всегда вспомнимъ, что мы друзья и что мы должны когда-нибудь опять сдѣлаться союзниками, и уступая непреодолимой силѣ, мы сохранимъ свободу и искренность нашихъ чувствъ.

Добрый братъ, другъ и союзникъ сердцемъ и душою».

И дѣйствительно, поведеніе Пруссіи во время нашествія великой французской арміи было настолько же двусмысленно, насколько и участіе Австріи въ этой войнѣ. Обѣ державы вынуждены были обстоятельствами и въ особенности страхомъ соединиться съ Наполеономъ, но обѣ имѣли намѣреніе ограничить свое участіе самыми тѣсными рамками.

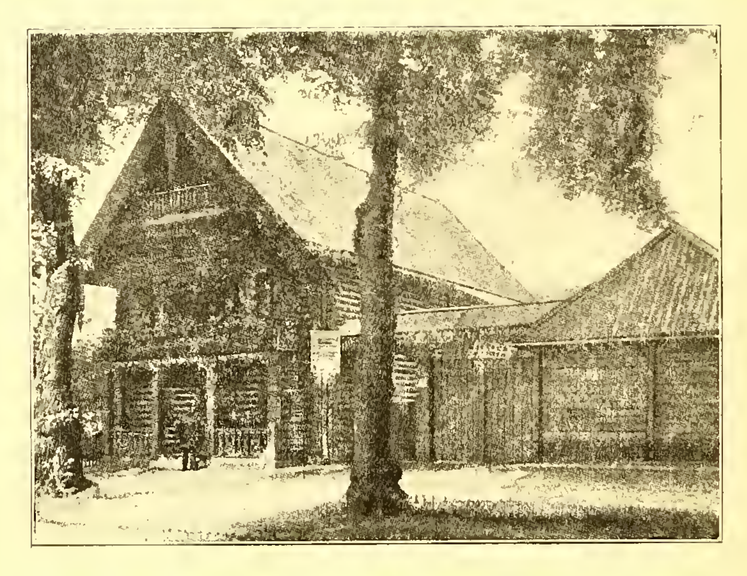
Пруссія принуждена была выставить 20.000 войскъ; но когда Наполеонъ нашелъ неожиданную для себя гибель въ Россіи, то генералъ Іоркъ заключилъ съ нами перемиріе: русскія войска явились на границахъ Пруссіи и вездѣ были приняты съ восторгомъ, какъ друзья. Россія и Пруссія заключили, 15-го февраля 1813 г., въ Калишѣ договоръ, въ которомъ было опредѣлено возстановленіе прусской монархіи въ прежнемъ ея объемѣ.

23-го марта 1813 г. Императоръ Александръ I подарилъ прусскому королю хоръ русскихъ пѣсельниковъ, въ числѣ:

---

[1]) Изъ брошюры, изданной въ 1860 г.: «A la mémoire de l'impératrice Alexandra Féodorovna».

4 фельдфебелей, 3 унтеръ-офицеровъ и 13 рядовыхъ, къ которымъ 15-го ноября 1815 г., при возвращеніи изъ Парижа черезъ Берлинъ русской гвардіи, для пополненія хора, прикомандировано было еще 7 человѣкъ изъ С.-Петербургскаго гренадерскаго имени короля прусскаго полка. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III на собственныя средства построилъ для этихъ пѣсельниковъ русскую колонію «Александровку», изъ 12 бревенчатыхъ домиковъ близъ Потсдама, существующихъ до сихъ поръ, въ которыхъ живутъ онѣмечившіеся внуки русскихъ пѣсельни-



Одинъ изъ домиковъ русской архитектуры въ колоніи «Александровкѣ» близъ Потсдама.

ковъ, носящіе фамиліи Яблоковыхъ и др., сохранившихъ впрочемъ православную вѣру. Хоръ этотъ часто пѣвалъ у Фридриха-Вильгельма, и юная принцесса Шарлота слушала русскія пѣсни.

Позже Пруссія заняла видное мѣсто между державами, свергнувшими грозный колоссъ гигантскимъ напоромъ своихъ совокупныхъ силъ, во главѣ которыхъ стоялъ Александръ Благословенный. Оба Монарха видѣлись въ Бреславлѣ, и свидѣтельницей ихъ союза была юная принцесса Шарлота. Ея воспріимчивую душу охватилъ могучею волною всеобщій энтузіазмъ. Она была свидѣтельницею, какъ берлинская молодежь для войны бросала университетъ, какъ сыновья разставались съ отцами и матерями своими, какъ невѣсты безропотно от-

пускали жениховъ, и сама она съ трепетомъ провожала отправлявшихся на бой своими напутственными пожеланіями. Въ 1814 г. братъ принцессы Шарлоты—Вильгельмъ, получилъ отъ Александра I орденъ Георгія 4-й степени; вотъ какъ это случилось: 15-го февраля въ семь часовъ утра, король Фридрихъ-Вильгельмъ III, приказавъ позвать двухъ старшихъ сыновей, сказалъ имъ: «Сегодня будетъ сраженіе; поѣзжайте впередъ, я васъ догоню; не подвергайте себя безъ нужды опасности; вы меня понимаете?» Оба принца поспѣшили сѣсть на коней и поскакали къ командующему русскими войсками князю Витгенштейну. Немного спустя выѣхалъ на русскихъ полевыхъ дрожкахъ и король, который затѣмъ также сѣлъ на коня. Бой кипѣлъ изъ-за обладанія виноградниками на небольшой возвышенности. Французы занимали виноградники и упорно защищались противъ атакъ русскихъ войскъ. Сначала противъ французской позиціи двинута была русская кавалерія—это былъ кирасирскій Псковскій полкъ,—которая, не достигнувъ цѣли, вынуждена была отступить, вслѣдствіе чего въ атаку пошли два русскихъ пѣхотныхъ полка, Калужскій и Могилевскій, за дѣйствіями которыхъ слѣдилъ съ своего мѣста король. Одинъ изъ этихъ полковъ рвался впередъ съ особеннымъ мужествомъ и упорствомъ: съ мѣста боя уносили множество раненыхъ. Король, желая узнать названіе полка, сказалъ принцу Вильгельму: «Поѣзжай назадъ и освѣдомись, какой это полкъ и къ какому полку принадлежатъ раненые, число которыхъ такъ быстро увеличивается». Не долго думая, принцъ далъ шпоры коню и поскакалъ къ сражающимся баталіонамъ, къ виноградникамъ, откуда возвращались раненые Калужскаго полка. Появленіе подъ огнемъ молодого прусскаго принца обрадовало солдатъ, которые съ удвоеннымъ мужествомъ бросились на непріятеля. Съ полнымъ спокойствіемъ, какъ будто увѣренный въ томъ, что ни одна пуля его не тронетъ, принцъ освѣдомился о названіи полка, сосчиталъ раненыхъ и затѣмъ рапортовалъ своему державному родителю обо всемъ, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ. Король выслушалъ молча донесеніе, ни взглядомъ, ни выраженіемъ лица не показывая, что во всемъ этомъ онъ видитъ что-нибудь чрезвычайное. Но въ главной квартирѣ поведеніе принца возбудило

много толковъ, и Императоръ Александръ рѣшилъ пожаловать принцу первый знакъ отличія, украсившій его грудь, Георгіевскій крестъ 4-й степени, который жалуется только за личные подвиги. Вслѣдъ затѣмъ принцъ получилъ также Желѣзный крестъ. Спустя 55 лѣтъ, полученный въ сраженіи подъ Бар-сюр-Обомъ крестъ Императоръ промѣнялъ на самую высшую степень военнаго ордена. Въ 1869 году, въ день Георгіевскаго праздника, Императоръ Александръ II пожаловалъ своему державному дядѣ орденъ св. Георгія первой степени, единственнымъ кавалеромъ котораго былъ тогда Императоръ. Въ то же время Императоръ Александръ сообщилъ въ присланной императору Вильгельму телеграммѣ, «что орденъ пожалованъ былъ отъ имени всѣхъ кавалеровъ и на основаніи уставовъ ордена, что всѣ кавалеры гордятся тѣмъ, что грудь прусскаго короля украшаетъ лента ордена и что король долженъ видѣть въ этомъ новое доказательство дружбы обоихъ монарховъ, дружбы, которая основана на воспоминаніи о той достопамятной эпохѣ, когда русская и прусская арміи вмѣстѣ сражались за святое дѣло» [1]).



Александръ I въ образѣ Родомысла.
(Медаліонъ работы гр. Толстого).

[1]) Въ 1884 г. 15-го (27) февраля въ Берлинѣ происходило военное торжество по случаю 70-ти лѣтней годовщины со времени полученія Вильгельмомъ I русскаго ордена св. Георгія IV степени Къ этому дню въ Берлинъ прибыла депутація русскихъ георгіевскихъ кавалеровъ, во главѣ съ генералъ-фельдмаршаломъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ и нижними чинами Калужскаго полка, шефомъ котораго покойный германскій императоръ состоялъ съ 15-го февраля 1818 года.

День 16-й годовщины принцессы Шарлоты былъ отпразднованъ среди ликованій побѣды, а годъ спустя, когда ей минуло семнадцать лѣтъ, она привѣтствовала старика Блюхера, возвратившагося въ Берлинъ послѣ вторичнаго паденія Наполеона.

Бурные мѣсяцы, такъ внезапно смѣнившіе воинственными тревогами мирное учебное уединеніе принцессы Шарлоты, зажгли въ душѣ ея не одно возбужденіе политическихъ идей, они рѣшили всю ея будущность, какъ женщины.

Еще до взятія Парижа союзными войсками, Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичи пріѣхали, 21-го февраля 1814 г. въ Берлинъ, проѣздомъ изъ Петербурга во Францію [1]. Пребываніе Великихъ Князей въ Берлинѣ хотя было самое кратковременное, тѣмъ не менѣе рѣшительное для будущности Великаго Князя Николая Павловича и старшей прусской принцессы. По прибытіи своемъ къ арміи, вступившей уже въ Парижъ, Великій Князь Николай открылся брату — Императору Александру и королю Фридриху-Вильгельму въ чувствахъ своихъ къ принцессѣ Шарлотѣ, которая въ свою очередь рѣшилась на подобное же признаніе въ письмѣ къ брату своему, Вильгельму, будущему объединителю Германіи. Оба Монарха были рады такому обоюдному влеченію. Здѣсь нельзя не замѣтить, что до начала XVIII столѣтія, при заключеніи браковъ нашихъ Государей, супруги для нихъ выбирались не изъ иностранныхъ принцессъ, но изъ среды своихъ подданныхъ. Такіе браки нашихъ Самодержавцевъ имѣли большое неудобство, такъ какъ съ новой царицей обыкновенно поднимался и весь ея родъ. Нестроенія эти иногда достигали до размѣровъ государственныхъ смутъ. Несомнѣнно, желаніе избѣжать внутреннихъ неурядицъ руководило отчасти Петромъ Великимъ, когда онъ, заботясь о сближеніи Россіи съ Европой, женилъ наслѣдника своего Алексѣя Петровича на Брауншвейгской принцессѣ Софіи-Шарлотѣ, сестрѣ германской императрицы. А дочь Петра I — Императрица Елизавета Петровна, отличавшаяся чисто-русскими чувствами, послѣдовала примѣру своего

[1]) Подробности этого путешествія описаны въ нашемъ біографическомъ очеркѣ: «Первый Царственный Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Великій Князь Михаилъ Павловичъ». Спб. 1898 г.

отца и выбрала въ супруги Великому Князю Петру Θеодоровичу германскую принцессу изъ мелкаго княжескаго дома— Ангальтъ-Цербскую. Въ этомъ дѣлѣ принималъ живѣйшее участіе прусскій король Фридрихъ, который, въ теченіе всей своей жизни, былъ, такъ сказать, постояннымъ сватомъ Русскаго Двора и при посредничествѣ его были избраны три супруги для наслѣдниковъ Русскаго престола: Екатерина II, Наталія Алексѣевна и Марія Θеодоровна [1]). Имѣя все это въ виду, Фридрихъ-Вильгельмъ, обязанный спасеніемъ Пруссіи Императору Александру I, желалъ брака этого, а русскій Монархъ, обожавшій покойную королеву Луизу, видѣлъ въ чертахъ принцессы Шарлоты, напоминавшей собою свою прекрасную мать, идеалъ супруги для своего брата; но это желанное дѣло естественно должно было уступить первенству безотлагательныхъ и всепоглощавшихъ тогда интересовъ европейской войны и политики.

Въ это же время произошелъ слѣдующій любопытный случай изъ области семейной хроники. Дочь принца-регента англійскаго, принцесса Шарлота, отличавшаяся довольно капризнымъ нравомъ, бывъ нареченною невѣстою принца Оранскаго, получившаго свое воспитаніе въ Англіи, и сама его избравшая, вдругъ совершенно измѣнила свое поведеніе въ отношеніи своего жениха, надъ фигурою, умомъ и манерами котораго она стала насмѣхаться самымъ безпощаднымъ образомъ. Наконецъ она объявила, что не выйдетъ замужъ за принца Оранскаго, потому что она не желаетъ жить 6 мѣсяцевъ въ году въ Голландіи.

Принцъ-регентъ былъ въ отчаяніи и не могъ себѣ объяснить причину такой внезапной перемѣны. Но когда ее нашелъ, то пригласилъ къ себѣ нашего посла Ливена и объявилъ ему слѣдующее: Тайный Совѣтникъ Татищевъ, нашъ посланникъ при Мадридскомъ дворѣ, бывшій проѣздомъ въ Лондонѣ, былъ принятъ принцессою Шарлотою, которой онъ будто бы сказалъ, что Великій Князь Николай Павловичъ пріѣдетъ со своимъ братомъ Императоромъ въ Англію и что

---

[1]) Подробности сватовства послѣдней см. въ біографіи «Императрицы Маріи Θеодоровны» Е. С. Шумигорскаго, т. I, гл. III.

онъ охотно на ней женится, тѣмъ болѣе, что таково также искреннее желаніе самого Государя. Принцъ-регентъ выразилъ русскому послу полное свое негодованіе, что «иностранецъ» вмѣшивается въ дѣла его семьи и вноситъ въ нихъ раздоръ. Онъ далъ свое слово принцу Оранскому, котораго лично очень уважаетъ, и его дочь должна выйти замужъ за него, а не за другого.

Графъ Ливенъ старался защитить Татищева предъ принцемъ-регентомъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принужденъ былъ донести Государю объ этомъ дѣлѣ. Однако, извѣстно, что принцъ Оранскій женился впослѣдствіи на Великой Княжнѣ Аннѣ Павловнѣ [1]), а англійская принцесса Шарлота вышла замужъ за принца Саксенъ-Кобургскаго Леопольда. Понятно, что Императоръ Александръ сильно разсердился на Татищева и повелѣлъ ему немедленно отправиться къ своему посту. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ поручилъ графу Ливену конфиденціально сообщить принцу-регенту, что король Прусскій и Императрица-мать Марія Θеодоровна уже согласились между собою относительно женитьбы Великаго Князя Николая Павловича на прусской принцессѣ Шарлотѣ. Слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о бракѣ Великаго Князя съ дочерью принца-регента. А чтобы предупредить всякіе разговоры, Государь рѣшилъ не брать съ собою въ Англію Великихъ Князей, которые первоначально должны были его сопровождать [2]). Такимъ образомъ цѣлый годъ не было оффиціальнаго слуха о готовившемся бракѣ, и только на слѣдующій годъ, послѣ того, какъ разыгрался послѣдній сто-дневный эпизодъ наполеоновской драмы, въ Берлинѣ стало замѣтно необыкновенное движеніе, предвѣщавшее чрезвычайное торжество.

Изъ Парижа свита Императора Александра I слѣдовала на почтовыхъ лошадяхъ разными городами. «Въ Дижонѣ, говоритъ государственный секретарь Марченко [3]), съ Государемъ

[1]) Ранѣе того графъ Блака именемъ короля Людовика XVIII просилъ руки Великой Княгини Анны Павловны для герцога Беррійскаго, будущаго наслѣдника французскаго престола.

[2]) «Собраніе Трактатовъ и Конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами». Ф. Мартенсъ, т. XI, стр. 206—7.

[3]) «Русск. Стар.» 1896 г. апрѣльская книга, стр. 18.

были Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичи и при нихъ генералъ Коновницынъ. Ихъ Высочества отправились оттуда прямо въ Берлинъ, гдѣ прожили двѣ недѣли по случаю свадебнаго сговора Великаго Князя Николая Павловича.»



Великая Княгиня Марія Павловна.

Первымъ прибылъ Великій Князь Николай Павловичъ 22-го октября 1815 года, въ день, крайне знаменательный для Гогенцоллернскаго дома; въ этотъ день праздновалась 4-хъ сотая годовщина владычества этой династіи надъ бранденбургскимъ курфюршествомъ. Два дня спустя прибылъ и Императоръ Александръ I, а вслѣдъ за нимъ сестры его: Великая Княгиня Екатерина Павловна, вдовствующая герцогиня Ольденбургская и Великая Княгиня Марія Павловна, герцогиня Веймарская [1]). 4-го ноября, въ Берлинъ вступилъ С.-Петербургскій гренадерскій полкъ, шефомъ котораго былъ прусскій король. «Въ русскомъ мундирѣ, говоритъ А. Михайловскій-Данилевскій [2]), ѣхалъ онъ передъ первымъ взводомъ и салютовалъ Государю. Офицеры обѣдали во дворцѣ за королевскимъ столомъ, а солдатъ угощала прусская гвардія. Примѣчательнѣе

[1]) Въ нынѣшнемъ году 12-го іюня исполнилось 80 лѣтъ ея сыну великому герцогу Карлу-Александру Саксенъ-Веймарскому, и въ числѣ подношеній маститому юбиляру была поднесена книга: «Goethe und Maria Pawlowna», въ которой говорится отъ отношеніяхъ Великой Княгини къ Гете и о ея заслугахъ возвышенія Веймара въ культурномъ отношеніи; приведены стихотворенія Гете, посвященныя Маріи Павловнѣ, и письма ея къ женѣ Шиллера, свидѣтельства совмѣстной дѣятельности Великой Княгини и отзывы о ней современниковъ. Дочь Великой Княгини Маріи Павловны—Марія-Августа-Елисавета, родившаяся 30-го сентября 1811 г., вышла замужъ 11-го іюня 1829 г. за брата Императрицы Александры Ѳеодоровны—Вильгельма I, объединителя Германіи.

[2]) См. его «Записки 1814—15 гг.» изданія 1841 г, стр. 233.

всего, что въ тотъ день караулы были заняты въ Берлинѣ русскими солдатами. Людовикъ XIV, возведя своего внука на испанскій престолъ, сказалъ: «Пиренейскія горы болѣе не существуютъ!» Русскимъ можно было, въ подражаніе ему, но съ бо́льшимъ правомъ, сказать, что при Александрѣ I Россія и Германія составляли одно семейство».

Въ тотъ же день, во дворцѣ, послѣдовалъ большой парадный обѣдъ, на которомъ за королевскій столъ, кромѣ членовъ



Графъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ.

Императорской Фамиліи, сѣли только фельдмаршалъ Барклай-де-Толли и старикъ Блюхеръ. Прочіе приглашенные находились въ смежной залѣ. Вдругъ съ мѣстъ своихъ поднялись оба Монарха и провозгласили тостъ за здоровье нареченныхъ жениха и невѣсты, Великаго Князя Николая Павловича и принцессы Шарлоты. Блюхеръ и Барклай передали этотъ тостъ въ сосѣднюю залу, и всѣ приглашенные къ королевскому столу поспѣшили принести свои поздравленія.

*

На слѣдующій день помолвки Великій Князь Николай Павловичъ съ невѣстой посѣтили гробницу королевы Луизы въ Шарлоттенбургѣ. Двухъ-недѣльное пребыванія Государя и Великихъ Князей и Княгинь въ Берлинѣ было рядомъ непрерывныхъ праздниковъ. Въ оперномъ театрѣ данъ былъ балъ, который открыли помолвленные [1]); такой же балъ дало и городское общество въ драматическомъ театрѣ. Свадьба состоялась черезъ два года, но женихъ часто въ это время посѣщалъ Берлинъ. Образовательная поѣздка Великаго Князя Николая Павловича по Европѣ и въ Англію, совершенная подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Павла Васильевича Голенищева-Кутузова, который былъ посланъ Императоромъ Александромъ I вѣстникомъ въ Петербургъ къ Императрицамъ о взятіи Парижа, давала случай царственному жениху выказать свое вниманіе къ нѣжно любимой невѣстѣ. Такъ изъ сохранившихся счетовъ [2]) расходовъ этого путешествія, встрѣчаются слѣдующія записи:

	Ст.	Шил.	Пен.
За наряды для принцессы Шарлоты выдано Вигу.	30	8	3
тоже Штуцу	38	9	6
	Черв.	**Франк.**	**Су.**
По счету француженки Перронъ выдано.	—	1.596	—
ей же	165	4	—
ей же	—	1.410	—
За шляпу для принцессы	2	11	6
За гребень въ подарокъ	—	718	—
Кормилицѣ принцессы Шарлоты, принесшей, по мѣстному обычаю, башмаки принцессы	25	—	—

Въ это же время нареченные вели переписку, и письма своей невѣсты, какъ святыню, хранилъ Великій Князь Николай Пав-

[1]) Этотъ вальсъ, подъ музыку котораго принцесса Шарлота въ первый разъ танцовала въ Берлинѣ съ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ, исполнялся неизмѣнно въ утренней серенадѣ, бывавшей почти ежегодно, 1-го іюля, въ день рожденія и свадьбы Императрицы Александры Θеодоровны.

[2]) «Рус. Арх.» 1877 г., т. II, стр. 203—220:

ловичъ. «Когда, въ 1837 г., Зимній дворецъ пылалъ въ огнѣ, пишетъ въ своихъ «Запискахъ» Каролина Бауэръ [1]), онъ говорилъ: «оставьте, пусть все сгоритъ, достаньте мнѣ только изъ моего рабочаго кабинета портфель съ письмами, которыя жена писала мнѣ, бывши моею невѣстою».

Какимъ жизнерадостнымъ былъ въ то время Великій Князь, тому доказательствомъ служитъ письмо [2]) леди Пемброкъ, изъ Лондона въ Москву, къ графинѣ М. В. де-Бальменъ:

«Нашъ дорогой Великій Князь Николай провелъ здѣсь два дня со своею свитою; въ его присутствіи всѣмъ намъ было легко: до такой степени онъ былъ любезенъ и добродушенъ. Конечно принцесса прусская Шарлота будетъ счастлива. Мери и Сидней очень ему понравились въ своихъ хорошенькихъ русскихъ нарядахъ, присланныхъ вами. Онъ былъ такъ любезенъ, что написалъ въ моемъ альбомѣ: «Уѣзжая отъ васъ я, прощаюсь съ вами и прошу, чтобы вы не совсѣмъ меня изгладили изъ своей памяти» (c'est ainsi qu'en partant je vous fais mes adieux en vous suppliant se ne pas m'effacer entièrement de votre souvenir)

Великій Князь Николай Павловичъ посѣтилъ и загородный дворецъ вышеупомянутой принцессы Шарлоты, вышедшей замужъ за Леопольда Саксенъ-Кобургскаго. Стокмаръ, докторъ англійской королевы Викторіи, съ восторгомъ описываетъ[3]) красоту Великаго Князя, восхищаясь «его большимъ и прямымъ, какъ дубокъ (droit comme un chêne) ростомъ, высокимъ лбомъ, глазами, носомъ и рѣзко обрисованнымъ подбородкомъ. Красота двадцатилѣтняго Князя выигрывала еще болѣе отъ простоты костюма конныхъ егерей; на немъ былъ темнозеленый сюртукъ, украшенный красными шнурками, серебряные эполеты, маленькая звѣзда на груди, бѣлая шапка и сабля безъ всякихъ украшеній, на простой кожанной портупеѣ. Онъ шутилъ мило, говоря прекрасно по-французски. За обѣдомъ Великій Князь ѣлъ умѣренно и пилъ лишь воду, что удивляло англичанъ, точно также, когда Николай Павловичъ поцѣловалъ руку

---

[1]) «Историч. Вѣст.», т. VII, 1888 г.

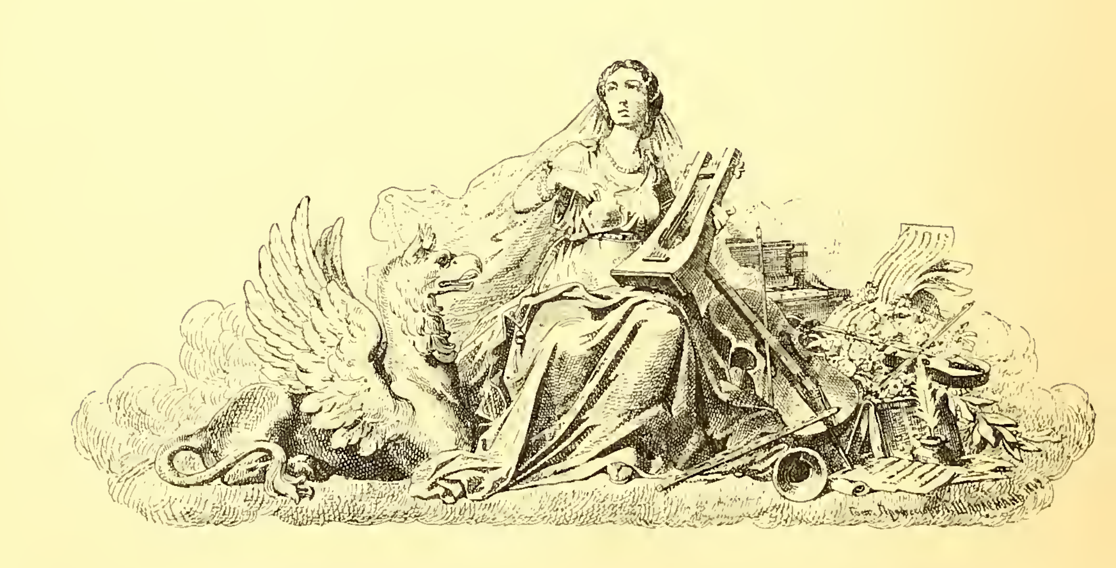
[2]) «Рус. Арх.», 1877 г., т. III, стр. 292.

[3]) «Revue des deux mondes», 1-er Janvier, 1876, page 79.

княгини Ливенъ, послѣ того какъ послѣдняя сыграла пьесу на фортепіано. Мистриссъ Камбель не переставала говорить: «Jl est diaboliquement beau, ce sera le plus bel homme de l'Europe». Но еще болѣе поразилъ Николай Павловичъ всѣхъ тѣмъ, что когда всѣ улеглись въ замкѣ, онъ отправился на конюшню и приказалъ набить кожанный мѣшокъ сѣномъ; это была его обычная постель».

Сопровождавшій Великаго Князя Николая Павловича Григорій Андреевичъ Глинка писалъ Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ, изъ Потсдама («Рус. Ар.» 1877 г., т. VI) отъ 22-го апрѣля 1817 г. слѣдующее:

«Какъ занятія, такъ и увеселенія Его Высочество ищетъ и находитъ въ кругу Августѣйшей королевской фамиліи, которой посвящено все время его здѣсь пребыванія, такъ что всякій наступающій день есть самый вѣрный отпечатокъ дня протекшаго. Сегодняшнее утро назначено для маневра, имѣющаго быть и полѣ завтра, по окончаніи коего Государь Великій Князь въ непродолжительномъ времени располагаетъ отправиться въ путь для возвращенія въ Россію».





Глава II

БРАКЪ.



юня 13-го выѣхала изъ Берлина въ Петербургъ принцесса Шарлота. Разлука съ нею была очень тяжела для короля, любимицей котораго она стала со смерти матери. Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ принцессу Шарлоту, находился ея старшій братъ Вильгельмъ, которому исполнилось лишь 20 ть лѣтъ, графиня Трухзесъ, въ качествѣ оберъ-гофмейстерины, графиня Гаакъ, рожденная Таунценъ, дѣвица Вильдерметъ и французъ Шамбо, въ качествѣ секретаря [1]), тотъ самый, который оказалъ такую преданность королевскому семейству во время его бѣдственнаго изгнанія.

---

[1]) Въ этой должности онъ скончался отъ холеры въ іюнѣ 1848 года, въ Петергофѣ. Павелъ Ивановичъ Шамбо училъ нѣмецкому языку въ юности Императора Александра II.

Въ Мемелѣ встрѣтилъ свою невѣсту Великій Князь Николай Павловичъ со свитою [1]), назначенною сопровождать принцессу, состоявшею изъ престарѣлой княгини Волконской, дѣвицы Варвары Ушаковой, оберъ-мундшенка графа Захара Чернышева, гофмейстера Альбедиля, камергера князя Василія Долгорукова и камеръ-юнкера Соллогуба. Въ Митавѣ и Ригѣ принцессѣ была представлена мѣстная аристократія. Несмотря на блескъ и радушный пріемъ, вездѣ встрѣчавшіе молодую путешественницу, благодаря стараніямъ ея царственнаго жениха, принцесса вполнѣ сознавала всю тяжесть трудной задачи, принятой ею на себя, и скромная неувѣренность въ собственныхъ силахъ, не разъ во время долгаго и утомительнаго пути, совершаемаго по невозможнымъ дорогамъ и при невыносимой жарѣ, заставляла ее не разъ проливать тайныя слезы.

«17-го іюня, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Императрица Александра Θеодоровна [2]), я много плакала при мысли, что мнѣ придется встрѣтиться со вдовствующей Государыней, разсказы о которой меня пугали».

День спустя Императоръ Александръ I писалъ графу А. А. Аракчееву [3]).

«У насъ, благодаря Бога, все хорошо, принцесса пріѣхала вчера въ Каськовъ, сегодня будетъ въ Павловскѣ, а завтра парадный въѣздъ въ городъ».

Вотъ что о своемъ пріѣздѣ писала потомъ Императрица Александра Θеодоровна: «18-го іюня, вечеромъ, въ Каськовѣ, я очутилась въ объятіяхъ моей будущей свекрови, которая отнеслась ко мнѣ такъ нѣжно и ласково, что сразу завоевала мое сердце. Императоръ Александръ и Михаилъ Павловичъ также выѣхали мнѣ на встрѣчу. Императоръ привѣтствовалъ меня съ тѣмъ изяществомъ и въ тѣхъ сердечныхъ и изысканныхъ выраженіяхъ, которыя ему одному были свойственны».

Она представила Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ принца

[1]) «Помню, говоритъ баронесса М. П. Фредериксъ, какъ отецъ разсказывалъ, до чего всѣ русскіе были восхищены этой «богиней красоты и граціи», какъ онъ выражался, когда она явилась взорамъ свиты своего Августѣйшаго жениха («Истор. Вѣст.» 1898 г. январская книга. стр. 61).

[2]) «Рус. Стар.» 1896 г. т. 88, стр. 1—60.

[3]) «Руск. Стар.» 1896 г. т. 86, стр. 326.

Вильгельма, сопровождавшаго сестру въ Россію, словами: «Рекомендую вамъ моего новаго брата»; на что вдовствующая Императрица, обнимая принца, сказала: «Значитъ, я буду еще однимъ сыномъ богаче».

— «Я нашла вдовствующую Государыню, пишетъ Александра Θеодоровна, гораздо моложе, стройнѣе и лучше сохранившеюся, нежели привыкла видѣть женщинъ лѣтъ подъ 60. (Ей было въ то время 58 лѣтъ).



Великій Князь Николай Павловичъ.

«На слѣдующій день я продолжала, съ невыразимымъ чувствомъ, путешествіе, и проѣхала черезъ Гатчину и вдоль ограды Царскосельскаго парка; меня сопровождалъ отрядъ лейбъ-казаковъ, чтó, прибавлю въ скобкахъ, доставляло мнѣ истинно дѣтское удовольствіе. Мы подъѣхали къ Павловску, который на первыхъ же порахъ произвелъ на меня самое благопріятное впечатлѣніе, благодаря прекраснѣйшей погодѣ. Мой экипажъ остановился у собственнаго садика Ея Величества вдовствующей Государыни, которая прижала меня къ своему сердцу. Императоръ Александръ поцѣловалъ меня; я узнала тетушку Анту-

анету Виртембергскую [1]) и ея дочь Марію; тутъ вдругъ ласковый голосъ произнесъ, обращаясь ко мнѣ: «А для меня вы не имѣете и взгляда!» и вотъ я бросилась въ объятія къ Императрицѣ Елисаветѣ [2]), которая тронула меня своимъ радушнымъ привѣтствіемъ, безъ всякихъ преувеличеній, безъ всякихъ показныхъ излишнихъ чувствъ. Весь Дворъ былъ, кажется, собранъ въ садикѣ, но я ничего не различала; помню только прекрасные розаны въ полномъ цвѣту, а особенно бѣлые [3]), которые тѣшили мой взоръ и какъ бы привѣтствовали меня. Мнѣ представили нѣкоторыхъ, но я оказалась въ состояніи обдумать и



Императрица Марія Өеодоровна.

[1]) Жена герцога Александра Виртембергскаго, бѣлорусскаго генералъ-губернатора, а потомъ начальника путей сообщеній; его два сына, Александръ и Эрнестъ, служили въ Кавалергардскомъ и Конногвардейскомъ полкахъ. Дочь Марія была крестницей Императрицы, очень любившей ее и называвшей ma biche.

[2]) Державинъ въ торжественной одѣ, написанной въ 1815 году на отъѣздъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны за границу, къ своему супругу, въ первой строфѣ, трогательно изобразилъ ея характеръ:

«Ужь двадцать лѣтъ какъ украшаешь
Ты Росска трона вышину;
Ужь двадцать лѣтъ изображаешь
Щедроту, кротость, тишину.
Кто зрѣлъ лицо твое сурово?
Виною чьихъ была ты слезъ?
Во храмѣ-ль ты благочестива;
Въ чертогахъ-ли—ласкорѣчива;
Твой свѣтлый взглядъ есть взглядъ небесъ».

[3]) Въ семейномъ кругу Императрицу Александру Өеодоровну за ея любовь къ бѣлымъ розамъ называли «Blanchfleur».

отдать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ только, когда наконецъ очутилась одна, въ прелестномъ помѣщенiи, мнѣ отведенномъ. Только-что я усѣлась предъ зеркаломъ, чтобы заняться



Великая Княгиня Александра Θеодоровна.

туалетомъ, какъ вошла ко мнѣ безъ церемонiй какая-то пожилая женщина и промолвила по-нѣмецки: «Вы очень загорѣли, я пришлю вамъ огуречной воды умыться вечеромъ».

Эта дама была пожилая, почтенная княгиня Ливенъ [1]), ко-

[1]) Шарлота Карловна Ливенъ, воспитательница Великихъ Княженъ, дочерей Императрицы Марiи Θеодоровны. См. о ней «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», Дм. Кобеко. Спб. 1887 г.

торую я впослѣдствіи искренно полюбила, но признаюсь, эта первая фамильярная сцена показалась мнѣ весьма странной. Такъ какъ фургоны съ моею кладью еще не прибыли, то мнѣ пришлось явиться на большой обѣдъ въ закрытомъ платьѣ, весьма впрочемъ изящномъ, изъ бѣлаго гроденапля, отдѣланномъ блондами, и въ хорошенькой маленькой шляпкѣ изъ бѣлаго крепа съ султаномъ изъ перьевъ марабу. То была самая новѣйшая парижская мода. Въ длинной галлереѣ, ведущей въ церковь и наполненной нарядною публикою, я увидѣла въ амбразурѣ окна Цецилію [1]), и, ни у кого не спрашиваясь, бро-

[1]) Цецилія Владиславовна Фредериксъ, рожденная графиня Гуровская, была внучкой, по своей матери, пишетъ М. П. Фредериксъ въ своихъ воспоминаніяхъ (см. «Истор. Вѣст.» 1898 г., январскую книжку, стр. 57) извѣстнаго прусскаго фельдмаршала—графа фонъ-Бишофсфердеръ, родилась 24-го октября (5-го ноября) 1794 г. и воспитывалась съ самыхъ юныхъ лѣтъ, при прусскомъ дворѣ, въ семьѣ короля Фридриха Вильгельма III и супруги его королевы Луизы, съ дочерью ихъ принцессою Шарлотой. Онѣ были связаны самой нѣжной дружбой, которая не измѣнилась до ихъ смерти. Дружба эта была до того велика, что не проходило дня, до ихъ преклонныхъ лѣтъ, чтобы Императрица съ матерью моею не видалась; а если что либо помѣшаетъ ихъ свиданію, разлука, или болѣзнь той и другой въ одно время (потому что, если, напримѣръ, матушка моя была нездорова, то Императрица сейчасъ же пріѣзжала къ ней), тогда онѣ другъ другу писали хоть нѣсколько словъ каждый день. Онѣ дали себѣ это обѣщаніе при ихъ первой разлукѣ въ 1807 г., когда прусскій королевскій домъ бѣжалъ отъ Наполеона I, а мать моя оставалась въ Берлинѣ у своей тетки графини Бишофсфердеръ, которая была статсъ-дамой королевы Луизы. Это обѣщаніе, данное въ такіе юные годы, обѣ подруги свято исполняли до старости лѣтъ. Дружбу такую, признаюсь, я никогда не встрѣчала больше; это—рѣдкое и очень замѣчательное явленіе. Провидѣнію угодно было, чтобы эти двѣ подруги и въ замужествѣ не разставались, и отечество свое промѣняли на одно и то же. Мать моя въ 1814 г. поѣхала навѣстить свою матушку, проживавшую въ то время въ Бреславлѣ, и тамъ встрѣтила случайно молодого русскаго офицера—барона Петра Андреевича Фредерикса, жившаго у ея матери и лечившагося отъ раны, полученной подъ Кульмомъ. Молодые люди другъ другу понравились и въ тотъ же годъ были обвѣнчаны при дворѣ прусскаго короля въ дворцовой капеллѣ Шарлотенбурга, послѣ чего уѣхали въ Петербургъ. Это было за три года до пріѣзда принцессы Шарлоты въ Россію—въ 1817 г., невѣстой Великаго Князя Николая Павловича.

При торжественномъ въѣздѣ принцессы Шарлоты въ новое отечество,

силась къ ней; мы обѣ расплакались, не видавшись цѣлыхъ три года. Говорятъ, что это проявленіе нѣжности не только не возбудило неудовольствія, но даже тронуло большинство присутствующихъ. Сколько разъ впослѣдствіи мнѣ говорили о моемъ первомъ появленіи въ этой галлереѣ; юную принцессу осматривали съ головы до ногъ и нашли, повидимому, не столь красивой, какъ предполагали; но всѣ любовались моей ножкой, моей легкостью походки, благодаря чему меня даже прозвали птичкой («*голубкой*», говоритъ Гриммъ). Императоръ Александръ представилъ мнѣ кавалеровъ, въ числѣ которыхъ я нашла не мало знакомыхъ мнѣ еще со времени войны 1813 и 1814 г.г. Дамы, представленныя мнѣ вслѣдъ затѣмъ вдовствующею Государынею, были для меня все новыя лица: m-lle Нелидова Екатерина Ивановна, какъ образецъ воспитанницъ Смольнаго [1]), поразила меня своею некрасивою наружностью, отсутствіемъ изящества. Графиня Орлова (Анна Алексѣевна) произвела на меня пріятное впечатлѣніе предупредительностью своего обращенія, и мнѣ показалось, что ей было жаль меня,—юной принцессы, бывшей вновѣ и столь чуждой всей величественной обстановки! Мы обѣдали въ большой четыреугольной залѣ. Я помню, что Императоръ указалъ мнѣ на княгиню Варвару Долгорукую и на княгиню Софію Трубецкую [2]), какъ на двухъ

такъ какъ мать моя не имѣла оффиціальнаго пріѣзда къ Высочайшему Двору, по невысокому еще чину мужа,—то Императоръ Александръ I, движимый всегда своимъ добрымъ и любящимъ сердцемъ, устроилъ такъ: онъ поставилъ матушку мою въ оконную амбразуру церковной галлереи Павловскаго дворца, по которой слѣдовало шествіе прямо въ церковь, дабы принцесса Шарлота, при первомъ своемъ шагѣ подъ кровъ своей новой семьи, имѣла сюрпризъ и удовольствіе увидать свою подругу дѣтства. Принцесса Шарлота была этимъ глубоко тронута и обрадована. Въ преклонныхъ лѣтахъ, уже вдовою, Императрица Александра Θеодоровна любила вспоминать объ этомъ сердечномъ вниманіи Императора Александра I и не разъ мнѣ о немъ говорила».

[1]) Перваго выпуска; въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ находится ея портретъ, писанный Левицкимъ, въ числѣ другихъ воспитанницъ Смольнаго: Алымовой, Левшиной и др., а біографія Е. И. Нелидовой издана въ нынѣшнемъ году Е. С. Шумигорскимъ.

[2]) Кавалерственная дама ордена Св. Екатерины (съ 1816 г.), Софія Андреевна Вейсъ, супруга князя Василія Сергѣевича Трубецкаго, который во всю Отечественную войну находился при особѣ Императора Александра I.

молодыхъ женщинъ, самыхъ красивыхъ при Дворѣ и наиболѣе пользующихся успѣхомъ. Вечеръ проведенъ былъ въ семейномъ кругу».

19-го іюня 1817 года былъ назначенъ торжественный въѣздъ принцессы въ Петербургъ.

«На 7-ой верстѣ отъ Петербурга, пишетъ камеръ-пажъ Великой Княгини Александры Θеодоровны—Дараганъ [1]), по царскосельской дорогѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ шоссе, стоялъ двухъ-этажный каменный домъ съ бельведеромъ и садомъ. Этотъ домъ принадлежалъ пастору Коленсу, который считался тогда однимъ изъ лучшихъ частныхъ училищъ. Здѣсь обѣ Императрицы и принцесса должны были перемѣнить свой дорожный туалетъ, и здѣсь же въ первый разъ я представился Великому Князю Николаю Павловичу. Онъ тотчасъ же повелъ меня къ принцессѣ Шарлотѣ, бывшей еще въ сѣромъ, дорожномъ платьѣ и соломенной шляпкѣ. «Voilà votre page» — «Ah, je suis charmée», сказала она, протягивая мнѣ руку, и тотчасъ прибавила: «je vous prie, monsieur, apportez moi mon parasol! il doit être dans la voiture».

Я бросился на дворъ къ дорожной каретѣ и съ гусарами Императрицы перерылъ всѣ подушки, перешарилъ всѣ углы, но зонтикъ не отыскался. Возвращаться наверхъ съ пустыми руками мнѣ было совѣстно. Эта неудача казалась мнѣ почти несчастіемъ, я былъ смущенъ, близокъ къ отчаянію. Вѣроятно все это отразилось на моемъ лицѣ, потому что Великій Князь, встрѣтивъ меня на лѣстницѣ, съ удивленіемъ спросилъ:

— «Что съ тобой?»

Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ разсмѣялся и сказалъ: «не велика бѣда! найдется другой, ступай скорѣй наверхъ; Императрицы сейчасъ выйдутъ».

И точно, едва успѣлъ я присоединиться къ своимъ товарищамъ, какъ вышли Императрицы и принцесса. Проводивъ ихъ до кареты, я едва успѣлъ сѣсть на приготовленную мнѣ лошадь, какъ это умное животное понеслось догонять карету и, пробравшись къ лѣвому, заднему колесу, пошло церемоніальнымъ маршемъ».

---

[1]) «Рус. Стар.» 1875 г т. VIII.

«Обѣ Императрицы, говоритъ Александра Θеодоровна, сѣли вмѣстѣ со мною и обѣими принцессами Виртембергскими въ золоченое, но открытое ландо; меня посадили по ту сторону, на которой были разставлены войска, т е. по лѣвую сторону отъ обѣихъ Императрицъ. Я чрезвычайно обрадовалась, когда увидѣла опять войска гвардіи, а особенно полки Семеновскій, Измайловскій и Преображенскій, знакомые мнѣ еще по смотру, произведенному въ Силезіи, близъ Петерсвальдена во время перемирія, въ 1813 году. Увидѣвъ кавалергардовъ, стоявшихъ возлѣ Адмиралтейства, я вскрикнула отъ радости, такъ они мнѣ напомнили дорогихъ моихъ берлинскихъ тѣлохранителей. Я не думала тогда, что буду современемъ шефомъ этого полка. Поднявшись по большой парадной лѣстницѣ Зимняго дворца, мы направились въ церковь, гдѣ я впервые приложилась ко кресту. Затѣмъ съ балкона мы смотрѣли на прохожденіе войскъ, что̀ совершилось не особенно удачно, какъ я узнала впослѣдствіи. Съ этого же балкона показывали меня народу—балконъ этотъ болѣе не существуетъ; онъ былъ деревянный. Я познакомилась съ нѣсколькими статсъ-дамами. Графиня Литта [1]) показалась мнѣ еще красавицей,—она была бѣлолицая, пухленькая, съ дѣтскою улыбкою. Престарѣлая гра-

[1]) Графиня Екатерина Васильевна Литта, дочь подполковника Василія Андреевича Энгельгардта и Маρθы Александровны, сестры свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, была пожалована фрейлиною въ 1775 г.; 10-го ноября 1781 г. вступила въ супружество съ графомъ Павломъ Мартыновичемъ Скавронскимъ, тайн. сов., полномочнымъ министромъ въ Неаполѣ. Въ статсъ-дамы возведена 17-го августа 1786 г. необыкновеннымъ образомъ: въ спальнѣ князя Потемкина, на столикѣ, лежалъ портретъ Государыни, имъ носимый; 26-ти-лѣтняя графиня Скавронская, шутя, взяла его и, подойдя къ зеркалу, приколола на себя!—«Катенька, воскликнулъ Потемкинъ, поди благодарить Императрицу,—ты статсъ-дама!»—«Что вы со мною дѣлаете?» возразила Скавронская.—«Я тебѣ приказываю», повторилъ князь и, написавъ записочку, заставилъ идти къ Императрицѣ, которая, по словамъ Анны Никитичны Нарышкиной, тутъ бывшей, приняла это съ большимъ неудовольствіемъ, но впослѣдствіи имѣла большую привязанность къ графинѣ Скавронской, которая 31-го октября 1798 г. вступила во второй бракъ съ графомъ Юліемъ Помпеевичемъ Литта († 24-го января 1838 г.) («Рус. Стар.», 1870 г., т. II, стр. 477).

фиия Пушкина была набѣлена и нарумянена, съ разрисованными жилами (на вискахъ), и все это дѣлало ея старое лицо еще болѣе некрасивымъ».

«Послѣ парада, замѣчаетъ Дараганъ, я проводилъ Великаго Князя и его невѣсту въ назначенныя для нея комнаты, гдѣ ожидалъ ея законоучитель Музовской, въ черной одеждѣ, въ бѣломъ галстухѣ и безъ бороды; трудно было признать въ немъ нашего православнаго священника. Онъ постоянно долженъ былъ находиться въ пріемной принцессы, чтобы, пользуясь каждымъ свободнымъ часомъ, помогать ей выучить наизусть символъ вѣры, который она должна была произнести при обрядѣ мvропомазанія».

«Я любовалась новымъ моимъ помѣщеніемъ, говоритъ Александра Θеодоровна, меблированнымъ и драпированнымъ совершенно заново великолѣпными тканями. Съ этого дня вплоть до 24-го іюня, я, когда оставалась одна, не переставала плакать— ужъ очень для меня была тягостна перемѣна религіи—она сжимала мое сердце! На слѣдующій день былъ большой обѣдъ у вдовствующей Государыни, а затѣмъ мы заключились въ уединеніе. Священникъ Музовской, знакомившій меня съ догматами греческой церкви, долженъ былъ подготовить меня къ принятію св. тайнъ; онъ былъ прекрасный человѣкъ, но далеко не краснорѣчивъ на нѣмецкомъ языкѣ. Не такой человѣкъ былъ нуженъ, чтобы пролить миръ въ мою душу и успокоить ея смятеніе въ подобную минуту; въ молитвѣ однако же я нашла то, что одно можетъ дать спокойствіе, читала прекрасныя назидательныя книги, не думала о земномъ и была преисполнена счастіемъ пріобщиться въ первый разъ Святыхъ тайнъ! 24-го іюня я отправилась въ церковь, ввелъ меня туда Императоръ. Съ грѣхомъ пополамъ прочла я символъ вѣры по-русски; рядомъ со мною стояла игуменья въ черномъ, тогда какъ я была одѣта вся въ бѣломъ, съ маленькимъ крестомъ на шеѣ; я имѣла видъ жертвы; такое впечатлѣніе произвела я на всю нашу прусскую свиту, которая съ состраданіемъ и со слезами на глазахъ взирала на участіе бѣдной принцессы Шарлоты въ церковномъ обрядѣ, естественно странномъ въ глазахъ протестантовъ. Конфирмація моей невѣстки, Цесаревны (супруги Императора Але-

ксандра II) [1]), совершалась совершенно при иныхъ условіяхъ: она нашла здѣсь прекраснаго священника, который объяснилъ ей слово въ слово всѣ догматы и обряды нашей церкви, къ которымъ она къ тому же имѣла время привыкнуть въ двухъмѣсячное пребываніе въ Россіи. Со мною же все это производилось быстро, все совершилось и окончилось въ какихъ-нибудь шесть дней. Съ той минуты, какъ я пріобщилась Св. тайнъ, я почувствовала себя примиренною съ самой собою и не проливала болѣе слезъ».

Въ своихъ *Запискахъ* графъ М. Д. Бутурлинъ [2]) говоритъ: «Тетка разсказывала намъ подробности церковной церемоніи обращенія въ православіе принцессы Александры Θеодоровны, и говорила, что новая русская Великая Княжна была восхитительно хороша, съ распущенными по плечамъ волосами, со свѣчей въ рукѣ».

25-го іюня, въ день рожденія Великаго Князя Николая Павловича, происходило обрученіе, и въ этотъ день былъ обнародованъ слѣдующій манифестъ [3]), замѣчательный, какъ своимъ пророчествомъ, такъ и выраженіемъ того христіанскаго чувства смиренія и пламенной вѣры, которая такъ сильно была возбуждена въ Александрѣ I счастливымъ исходомъ Отечественной войны.

«Божіею милостію, мы, Александръ первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и проч. Всемогущій Богъ, управ-

---

[1]) Учили Цесаревну два священника на нѣмецкомъ языкѣ: Бажановъ—догматамъ, а Пѣвницкій (изъ Штутгарда) исторіи церкви (см. «Переписку Плетнева съ Гротомъ», т. I, стр. 54).

Принявъ православіе, Императрица Марія Александровна не удовлетворялась наружнымъ выполненіемъ обрядовъ; она стала изучать церковь и сдѣлалась самою ревностнѣйшею ея дочерью и, можно сказать, защитницею Ея жажда къ духовному просвѣщенію изумительна. Когда она была уже больна и доктора предписали ей ложиться въ 11 часовъ въ постель, она, оставаясь одна, предавалась чтенію книгъ богословскаго содержанія. (См. «Рус. Арх.» 1885 г., т. III, стр. 289).

[2]) «Рус. Арх.» 1897 г., т. I, стр. 436.

[3]) Напечатанныя курсивомъ строки въ подлинномъ манифестѣ, составленномъ А. С. Шишковымъ, написаны собственноручно Александромъ I. См. «Рус. Стар.» 1870 г., т. I, стр. 146, а также «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1817 г., № 52, отъ 29-го іюня.

ляющій судьбами царствъ и народовъ, изліявшій въ недавнія времена толикія милости и щедроты на Россію, обращаетъ и нынѣ милосердный на нее взоръ свой. Волѣ Его Святой угодно, да умножится Россійскій Императорскій Домъ, и да укрѣпится въ силѣ и славѣ своей родственными и дружескими союзами съ сильнѣйшими на землѣ державами. Помазанію и благословенію Того, въ Его же десницѣ сердце Царей, и съ согласія вселюбезнѣйшей Родительницы Нашей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, *Мы, совокупно съ Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, положили на мерѣ, избрать дщерь его, свѣтлѣйшую принцессу Шарлоту, въ супруги вселюбезнѣйшему брату Нашему, Великому Князю Николаю Павловичу, согласно собственному его желанію. Сего іюня въ 24 день*, по благословенію и благодати Всевышняго, воспріяла она православное *греко-россійской церкви исповѣданіе* и при святомъ муропомазаніи наречена *Александрой Ѳеодоровной*, а сего-жъ іюня 25-го дня, въ присутствіи Нашемъ и при собраніи духовныхъ и свѣтскихъ особъ, въ придворной Зимняго дворца соборной церкви, совершено предшествующее браку высокосочетавающихся обрученіе. Возвѣщая о семъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ, повелѣваемъ ее, свѣтлѣйшую принцессу именовать Великой Княжной, съ титуломъ Ея Императорскаго Высочества. Данъ въ престольномъ Нашемъ градѣ Санктъ-Петербургѣ, іюня 25-го, въ лѣто отъ Рождества Христова 1817, царствованія Нашего въ седьмое на десять».

По собственнымъ словамъ Александры Ѳеодоровны, она въ этотъ день: «впервые надѣла розовый сарафанъ, брилліанты и немного подрумянилась, что̀ оказалось очень къ лицу; горничная Императрицы, Яковлева, одѣла меня, а ея парикмахеръ причесалъ меня; эта церемонія сопровождалась обѣдомъ и баломъ съ полонезами. Меня возили по улицамъ Петербурга каждый вечеръ; свѣтлыя ночи показались мнѣ необычайными, но пріятными. Городъ не произвелъ на меня величественнаго впечатлѣнія, за исключеніемъ вида на Неву изъ комнатъ Императрицы Елисаветы. Мы обѣдали ежедневно въ саду Эрмитажа или въ прилегающихъ къ нимъ галлереяхъ. Признаюсь, все было для меня ново и я чувствовала себя настолько вновѣ въ этихъ новыхъ мѣстахъ, что мысль моя была этимъ болѣе

поглощена, нежели глаза; все было для меня смутно. Помнится мнѣ, что когда Великій Князь Константинъ Павловичъ пріѣхалъ изъ Варшавы, я нашла его весьма некрасивымъ, хотя я, будучи ребенкомъ, видѣла его въ Берлинѣ въ 1805 году.

Приближалось воскресенье, 1-го іюля—день нашей свадьбы. Мой женихъ становился все нѣжнѣе и съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня, когда назоветъ меня своей женой и поселится въ Аничковскомъ дворцѣ. Наканунѣ 1-го іюля, который былъ въ то же время и днемъ моего рожденія, я получила прелестные подарки, жемчугъ, бриллiанты; меня все это занимало, такъ какъ я не носила ни одного бриллiанта въ Берлинѣ, гдѣ отецъ воспиталъ насъ съ рѣдкой простотой. Съ какимъ чувствомъ проснулась я по утру 1-го іюля! Мои прислужницы-пруссачки убрали мою кровать цвѣтами, а добрая Вильдерметъ поднесла мнѣ букетъ изъ роскошнѣйшихъ бѣлыхъ розъ. Я не хочу здѣсь распространяться о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, но въ этотъ день невозможно пройти ихъ молчаніемъ. Меня одѣли на половину въ моей комнатѣ, а остальная часть туалета совершилась въ Бриллiантовой залѣ, прилегавшей въ то время къ спальнѣ вдовствующей Императрицы. Мнѣ надѣли на голову корону и, кромѣ того, безчисленное множество крупныхъ коронныхъ украшеній, подъ тяжестью которыхъ я была едва жива. Посреди всѣхъ этихъ уборовъ, я приколола къ поясу одну бѣлую розу».



Великій Князь Константинъ Павловичъ.

Брачное вѣнчаніе совершено въ церкви Зимняго дворца; вѣнцы держали: надъ Его Высочествомъ — Великій Князь Михаилъ Павловичъ, а надъ Принцессою— братъ ея Вильгельмъ. По окончаніи бракосочетанія, Ново-

брачные приносили поздравленія Ихъ Величествамъ, а затѣмъ совершено было благодарственное молебствіе и, при пѣніи: «Тебѣ, Бога, хвалимъ», произведена пушечная пальба съ крѣпости.

«Я почувствовала себя очень, очень счастливой,—говоритъ Александра Θеодоровна,—когда руки наши, наконецъ, соединились; съ полнымъ довѣріемъ отдавала я свою жизнь въ руки моего Николая, и онъ никогда не обманулъ этой надежды! Остальную часть дня поглотилъ обычный церемоніалъ, этикетъ и обѣдъ. Во время бала, происходившаго въ Георгіевскомъ залѣ, я получила письма изъ Берлина, отъ отца и отъ родныхъ».



Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

Передъ окончаніемъ бала, Государь Императоръ и Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна отбыли во дворецъ Высоконовобрачныхъ. Туда же поѣхали Императрица Марія Θеодоровна, вмѣстѣ съ новобрачными, и прусскій принцъ Вильгельмъ. Впереди парадной золотой кареты, запряженной 8-мью лошадьми, шелъ эскадронъ лейбъ-гусаръ, а у самой кареты ѣхалъ оберъ-шталмейстеръ и личные адъютанты Великаго Князя Николая Павловича. Въ золотыхъ же каретахъ ѣхали: Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, Михаилъ Павловичъ и герцогиня Виртембергская Антуанета [1]).

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 52 за 1817 г.

Великому Князю Николаю Павловичу былъ подаренъ Государемъ Аничковскій дворецъ, который ранѣе былъ данъ для жительства любимѣйшей сестрѣ Александра I—Екатеринѣ Павловнѣ, при вступленіи ея въ бракъ съ принцемъ Ольденбургскимъ. Существуетъ преданіе, будто бы рисунокъ рѣшетки, окружающей садъ Аничкова дворца, составленъ отцемъ супруги Николая Павловича, королемъ Прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III.

Водворившись послѣ брака въ Аничковскомъ дворцѣ, Великій Князь Николай Павловичъ реставрировалъ его совершенно, уничтожилъ громадныя залы и приспособилъ ихъ для тихой и счастливой семейной жизни.

«Я въ первый разъ увидѣла этотъ прекрасный дворецъ, говоритъ Александра Өеодоровна, описывая свою свадьбу. На верху у лѣстницы Императоръ Александръ и Императрица Елисавета встрѣтили насъ съ хлѣбомъ-солью. Статсъ-дамы присутствовали при моемъ раздѣваньи; мнѣ надѣли утреннее платье изъ брюссельскихъ кружевъ на розовомъ чахлѣ; ужинали мы въ семейномъ кругу съ нѣкоторыми изъ старѣйшихъ приближенныхъ: графомъ Ламсдорфомъ (воспитателемъ Николая и Михаила Павловичей, пожалованнаго въ этотъ день въ графское достоинство), княгиней Ливенъ и нашими прусскими дамами».

«Съ прибытіемъ поѣзда въ Аничковъ дворецъ, говоритъ камеръ-пажъ Дараганъ, моя служба кончилась, но возвращаться въ корпусъ еще было рано и не хотѣлось, и я, съ товарищемъ княземъ Голицынымъ, пошли на Невскій бульваръ. Въ то время этотъ бульваръ, обсаженный съ обѣихъ сторонъ тощими липками, занималъ средину проспекта по образцу «Unter den Linden» въ Берлинѣ. Ночь была теплая, свѣтлая, тихая; плошки мерцали по тротуарамъ; тогда не знали другой иллюминаціи. На бульварѣ двигалась пестрая, веселая толпа гуляющихъ, въ ожиданіи обратнаго проѣзда Императора и Императрицъ въ Зимній дворецъ.

«Въ память совершившагося бракосочетанія, я, какъ камеръ-пажъ Великой Княгини Александры Өеодоровны, получилъ перстень съ аметистомъ и брилліантами. На другой день я былъ дежурнымъ и въ 11 часовъ утра явился въ Аничковъ дворецъ. Не зная, гдѣ ожидать приказаній, я прошелъ до большого

пріемнаго зала съ балкономъ въ садъ. Въ комнатѣ никого не было, двери на балконъ были открыты, я пошелъ къ нимъ, но въ это самое время отворились двери внутреннихъ покоевъ и вышли новобрачные. Великій Князь, въ сюртукѣ Сѣверскаго конно-егерскаго полка, обнявъ Великую Княгиню, которая была вся въ бѣломъ, подошли ко мнѣ. Я проговорилъ поздравленіе. Великая Княгиня подала мнѣ поцѣловать руку, а Великій Князь говорилъ о неудачѣ съ синимъ воротникомъ [1]). Меня отпустили съ приказаніемъ ожидать Великую Княгиню въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ въ тотъ день былъ назначенъ большой обѣдъ на половинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны».

«На слѣдующій день, замѣчаетъ Александра Ѳеодоровна, вдовствующая Государыня пріѣхала къ намъ первая. Императоръ привезъ великолѣпные подарки. Мы радовались, словно дѣти, удовольствію выѣхать впервые послѣ свадьбы въ коляскѣ вмѣстѣ, и сдѣлали визиты Императрицамъ, Великому Князю Константину и тетушкѣ принцессѣ Виртембергской. Свадебныя празднества, различные балы, baise-mains,—все это прошло для меня словно сонъ, отъ котораго я пробудилась лишь въ Павловскѣ, безконечно счастливая тѣмъ, что очутилась въ деревнѣ».

По случаю всѣхъ этихъ торжествъ В. А. Николаи [2]) писалъ графу С. Р. Воронцову слѣдующія строки:

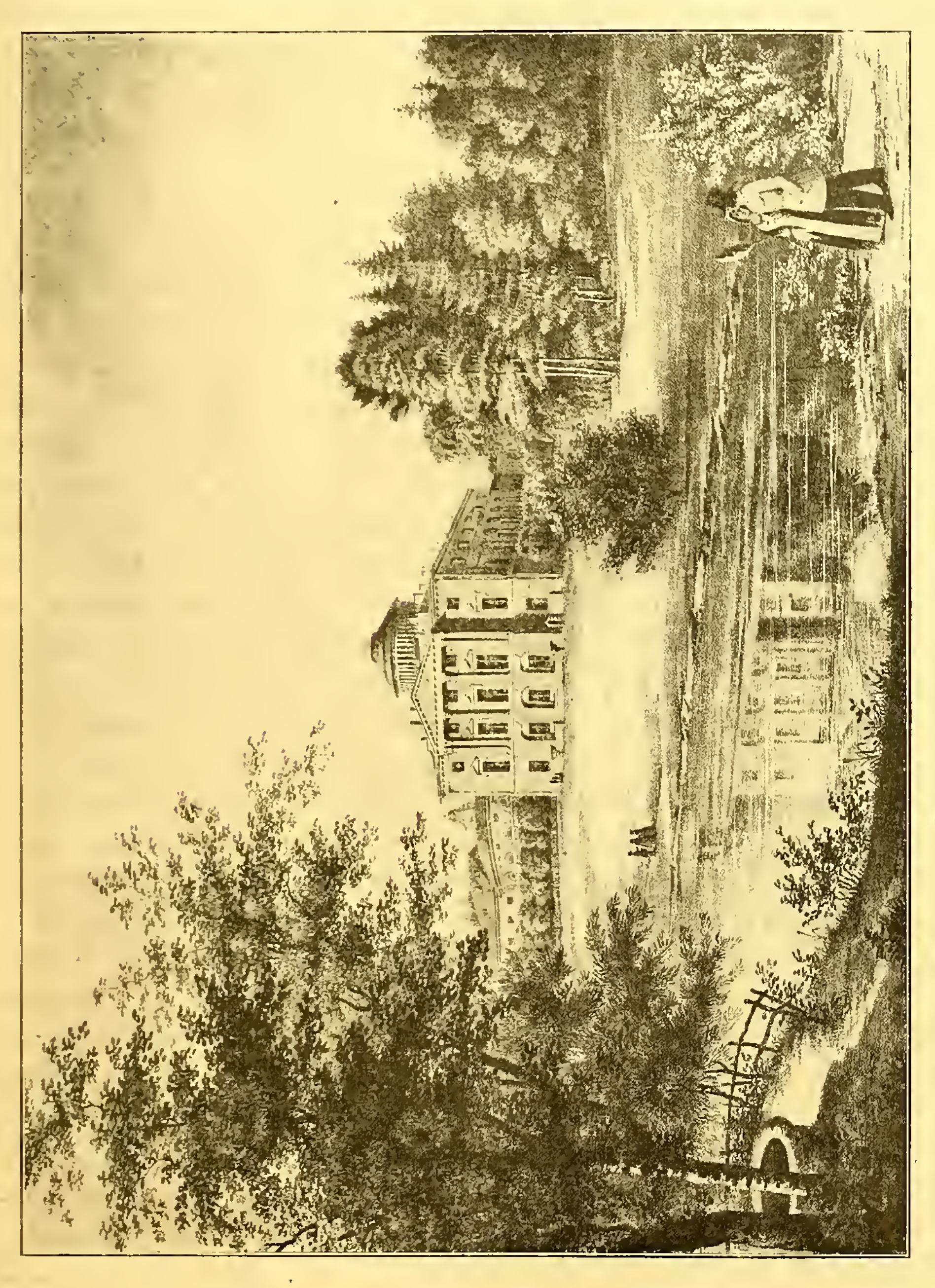
«Vous apprendrez par les gazettes les détails concernant les fiançailles et le mariage du grand-duc, qui a eu lieu dimanche dernier; mais je ne puis m'empêcher de vous parler de l'enchantement général que notre nouvelle grande-duchesse Александра Ѳеодоровна a produit ici par la manière dont elle a paru des sa première arrivée à Pawlowsk, qui à précede d'un jour l'entrée publique en ville. Elle a fait preuve d'un grand caractère (ce n'est

---

[1]) Великій Князь Николай Павловичъ желалъ, чтобы камеръ-пажи его супруги носили на мундирахъ синіе воротники, цвѣта, присвоеннаго придворному штату его двора. Но Государь рѣшилъ, что такъ какъ камергеры и камеръ юнкера, состоящіе при Его Высочествѣ, были отъ большого двора, то и камеръ-пажи не должны были носить другого мундира.

[2]) «Арх. князя Воронцова», т. XXII, стр. 474; письмо отъ 16-го іюля 1817 года.

plus la même personne que nous avons vue à Berlin) et de beaucoup de jugement et de tact, et elle a déployé une reunion admi-



Видъ дворца въ Павловскѣ.

rable de dignité et de grace, d'ingénuité et d'abandon au milieu de sa nouvelle famille et d'affabilité envers le public. Le grand-duc sent profondement le tresor qu'il possède dans cette princesse et il

manifeste son bonheur d'une manière charmante et la plus naturelle».

Гофмаршаломъ при дворѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Павловича повелѣно было быть камергеру Кириллу Нарышкину, а шталмейстеромъ—генералъ-маіору Ушакову; въ фрейлины къ Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ пожалованы были: графиня Екатерина Шувалова и дѣвица Варвара Ушакова [1]).

Скоро Императорская фамилія оставила Петербургъ. Государь съ Государыней переѣхали въ Царское село, Великій Князь Константинъ Павловичъ возвратился въ Варшаву, а Императрица Марія Ѳеодоровна съ новобрачными, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и принцемъ Прусскимъ Вильгельмомъ переѣхали въ Павловскъ.

«Въ Павловскомъ дворцѣ, пишетъ Дараганъ, помѣщеніе было довольно тѣсно и неудобно. Императрица жила въ нижнемъ этажѣ, но каждый день должна была подниматься въ верхній, гдѣ была столовая и церковь. Молодая княжеская чета жила въ лѣвомъ флигелѣ, соединенномъ съ главнымъ корпусомъ дворца полукруглою открытою галлереей, черезъ которую и приходилось проходить по нѣскольку разъ въ день. Внизу этого флигеля помѣщалась гауптвахта офицерскаго гусарскаго караула, и неизбѣжный шумъ отъ караула проникалъ и въ комнаты верхняго этажа. Въ осенніе, темные вечера верхній этажъ дворца, какъ необитаемый, былъ освѣщенъ разставленными черезъ комнату сальными свѣчами въ жестяныхъ, длинныхъ, наполненныхъ водою, подсвѣчникахъ. Такой подсвѣчникъ стоялъ и на полу маленькаго балкона дворца при выходѣ въ галлерею. Здѣсь обыкновенно я ожидалъ Великую Княгиню Александру Ѳеодоровну, и когда отворялась дверь во флигелѣ и показывался Великій Князь съ супругой, я бралъ подсвѣчникъ и, неся его съ величайшимъ вниманіемъ, чтобы не расплескать находящуюся въ немъ воду, шелъ впереди, чтобы хотя немного освѣтить дорогу Эта продѣлка забавляла Великую Княгиню, и она каждый разъ, смѣясь, говорила: «Merci, merci, page, благодарствуй». На балконѣ я ставилъ

[1]) См. «Спб. Вѣдом », отъ 13-го іюля, № 56.

свѣчу на прежнее мѣсто, на полъ, и, принявъ отъ камердинера Ея Высочества работу или другія вещи, которыя она хотѣла имѣть съ собою, слѣдовалъ за нею. Другія комнаты также были въ полумракѣ; освѣщалась одна лѣстница.

На первой недѣлѣ моего дежурства въ Павловскѣ, 15-го іюля, было бракосочетаніе адъютанта Великаго Князя, поручика л.-гв. Литовскаго полка, Владиміра Ѳедоровича Адлерберга [1]) съ Маріей Васильевной Нелидовой, фрейлиной Императрицы Маріи Ѳедоровны».

Императрица Александра Ѳеодоровна пишетъ:

«Образъ жизни въ Павловскѣ показался мнѣ особенно пріятнымъ, такъ какъ я привыкла съ дѣтства сообразоваться съ привычками другихъ, то мнѣ и въ голову не приходило жаловаться на то, что я должна обѣдать, гулять и ужинать при Дворѣ, болѣе или менѣе заботясь о своемъ туалетѣ. Впослѣдствіи, я часто слышала, что другія жаловались по этому поводу, впрочемъ иногда и мы сами чувствовали нѣкоторое желаніе быть независимыми, т. е. имѣть свой собственный уголъ. Но въ то время, какъ я уже замѣтила, подобная мысль меня не безпокоила. Напротивъ, я чувствовала даже признательность къ свекрови за ея нѣжныя ласки. Мнѣ ее описывали за особу весьма требовательную по отношенію къ дочерямъ, которыя почти и пошевелиться въ ея присутствіи будто-бы не смѣли, но ко мнѣ Императрица Марія Ѳеодоровна относилась иначе; повидимому, мой характеръ понравился ей. Я держала себя вполнѣ естественно, была весела, откровенна, жива и рѣзва, какъ подобаетъ молодой дѣвушкѣ, тогда какъ Великія Княжны держали себя чопорно въ ея присутствіи и даже въ обществѣ; все въ нихъ было строго соразмѣрено: ихъ манера держать себя въ обществѣ, разговаривать, кланяться, и это, я полагаю, было гораздо совершеннѣе моихъ тогдашнихъ манеръ. Я думаю и даже знаю навѣрное, что задѣвала при Дворѣ нѣ-

---

[1]) Сынъ полковника Густава - Фридриха фонъ - Адлерберга и второй жены его Юліи Ѳеодоровны, рожденной фонъ-Багговутъ (1760 † 1839), родился въ 1792 г. Въ 1828 г. былъ назначенъ директоромъ канцеляріи начальника Главнаго Штаба; въ 1832 г.—начальникомъ военно-походной канцеляріи; въ 1847 г. пожалованъ графскимъ достоинствомъ, а въ августѣ 1852 г. назначенъ былъ министромъ Императорскаго Двора.

которыхъ лицъ недостаткомъ вниманія къ нимъ, а оно, вѣдь, по ихъ мнѣнію, обязательно должно было сводиться къ извѣстному количеству фразъ, повторяемыхъ ежедневно. Что касается меня, то я проходила иногда слишкомъ скоро мимо этихъ лицъ, ибо они нагоняли на меня скуку, и, наоборотъ, останавливалась слишкомъ долго передъ молодежью, передъ юными фрейлинами, которыя внушали мнѣ гораздо менѣе страха. Но мало-по-малу всѣ привыкли къ моимъ манерамъ,

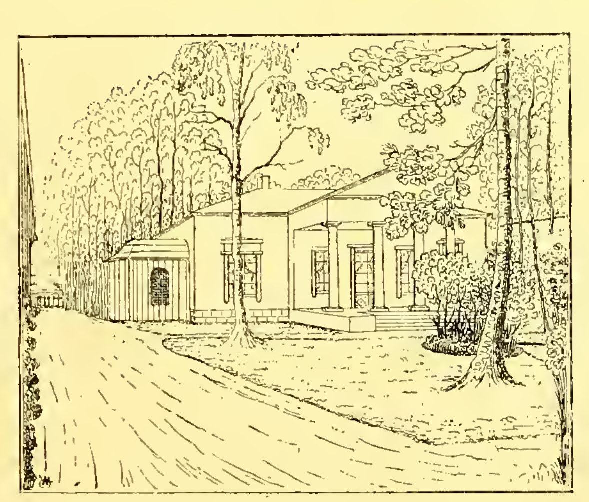


Ворота Царскосельскаго парка съ надписью: «Любимымъ моимъ сослуживцамъ».

видя мое неизмѣнное ко всѣмъ благоволеніе, проистекавшее отъ добраго сердца, и мнѣ простили маленькія отступленія отъ этикета ради врожденныхъ мнѣ изящества и живости. Maman очень забавлялась, глядя, какъ я похищаю вишни, чего не простила бы прежде своимъ дочерямъ, но меня она баловала снисходительностью. Старушка Ливенъ даже замѣтила мнѣ какъ-то: «Вы—любимица вдовствующей Государыни».

«Вообще замѣчали, что Императрица никогда прежде не была столь ласкова и снисходительна къ своимъ дочерямъ, какъ

теперь ко мнѣ. Однако, не слѣдуетъ думать, чтобы она мнѣ отъ времени до времени не дѣлала выговоровъ, а иногда не давала мнѣ совѣтовъ, которые для меня оказывались чрезвычайно полезны. Единственный случай, когда она насъ однажды побранила, былъ, помнится мнѣ, когда она встрѣтила насъ въ паркѣ въ кабріолетѣ и спросила:—гдѣ мы катаемся? Мы отвѣчали, что ѣдемъ изъ Царскаго, отъ Императрицы Елизаветы. Тогда она сдѣлала намъ замѣчаніе, что намъ слѣдовало предварительно спросить позволеніе сдѣлать этотъ визитъ; признаюсь, это мнѣ показалось даже страннымъ! Но со временемъ она позабыла объ этомъ выговорѣ, и мы могли ѣздить въ Царское, не спрашивая ни у кого позволенія». Увлекательною веселостью отличался и Великій Князь Николай Павловичъ, у котораго она была проявленіемъ душевнаго счастія юноши. Такъ, въ одинъ лѣтній день, Императрица-мать, Великій Князь съ супругою и камеръ-фрейлина Нелидова [1]) вышли на террасу Павловскаго сада. Великій Князь шутилъ съ Нелидовой, бывшей уже сухощавою старушкой, отличавшейся умомъ, добротою и веселостью. Вдругъ Великій Князь взялъ ее на руки, какъ ребенка, и пошелъ въ караульную будку, и приказалъ стоящему на часахъ гусару не выпускать арестантку. Нелидова стала просить о прощеніи, Императрица и Великая Княгиня смѣялись, а Николай Павловичъ снова бросился къ будкѣ и, принеся Нелидову, опу-



Домикъ Е. И. Нелидовой въ Павловскѣ.
(Съ рисунка В. А. Жуковскаго).

---

[1]) Для Е. И. Нелидовой въ Павловскѣ былъ построенъ особый домикъ, видъ котораго съ рисунка В. А. Жуковскаго нами и снятъ; рисунки поэта въ количествѣ 12-ти были приложены къ «Путеводителю г. Павловска», изданнаго В. Селезневымъ въ 1846 г.

стилъ ее на то мѣсто, съ котораго взялъ, сталъ на колѣни и поцѣловалъ ея руки [1]).

Императоръ Николай I очень уважалъ Ек. Ив. Нелидову († 2-го января 1839 г.), которая любила разсказывать слѣдующій эпизодъ: живя въ Смольномъ, она пользовалась придворнымъ экипажемъ, но вдругъ неизвѣстно почему отпускъ лошадей Нелидовой былъ прекращенъ. Она написла Николаю Павловичу письмо, которое вызвало немедленный пріѣздъ Государя въ Смольный. Пройдя въ залъ Императоръ повернулъ въ корридоръ, ведшій въ комнаты Нелидовой. Лица, сопровождавшія Государя, замѣтили ему, что онъ, вѣроятно, ошибся и идетъ не туда.

«Нѣтъ,—сказалъ Николай I,—я знаю, гдѣ живетъ Нелидова!» и вошелъ къ ней въ комнаты. Этотъ пріѣздъ Государя привлекъ къ Нелидовой много старыхъ и новыхъ друзей [2]).

Возвращаемся къ разсказу Александры Өеодоровны о тогдашнемъ житьѣ.

«По воскресеньямъ въ Павловскѣ танцовали; въ прочіе дни играли въ petits jeux или ужинали въ томъ или другомъ шале или павильонѣ, что мнѣ очень нравилось. Къ несчастію, брата моего, Вильгельма, который очень веселился, укусила собака, принадлежавшая къ сворѣ Великаго Князя Михаила Павловича, который тутъ же, на мѣстѣ, приказалъ ее застрѣлить, но тѣмъ не менѣе докторъ Вилліе, изъ предосторожности, прижегъ и вырѣзалъ брату ранку на ногѣ. Это было весьма непріятное происшествіе. Когда брату стало лучше, его выносили въ садъ и даже въ гостиную, а потомъ раны его совсѣмъ зажили.

Maman находила Вильгельма [3]) чрезвычайно любезнымъ въ обществѣ; онъ танцовалъ, игралъ и веселился, какъ подобало

---

[1]) «Русск. Стар.», т. XII (2-го изд.), стр. 794.

[2]) См. «Correspondance de S. M. J. Marie Féodorowna avec M-elle Nélidoff. Publiée par la princesse Lise Troubetzkoi. Paris, 1896».

[3]) Въ «Путеводителѣ по саду и городу Павловску», изданному въ 1846 г. В. Селезневымъ, на стр. 46 въ описаніи сада сказано: «недалеко отъ тройной липовой аллеи, на краю холма находится «Вильгельмово мѣсто», получившее свое названіе отъ прусскаго принца Вильгельма, который былъ прельщенъ прекраснымъ видомъ, отсюда открывающимся».

молодому человѣку; и вотъ Императрица журила своихъ сыновей — Николая и Михаила за то, что они усаживались въ углу съ вытянутыми, скучающими физіономіями, точно медвѣди или марабу. Правда, у моего Николая лицо было слишкомъ серьезно для 21 года, особенно когда онъ посѣщалъ общество или балы. Онъ чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ, впрочемъ, какъ и я, когда мы оставались наединѣ въ своихъ комнатахъ; онъ бывалъ тогда со мною необычайно ласковъ и нѣженъ. Я уже называла дамъ, состоявшихъ при мнѣ; кромѣ нихъ нашъ Дворъ составляли: маршалъ Кириллъ Нарышкинъ, шталмейстеръ генералъ Ушаковъ, два адъютанта: Фредериксъ (женатый на Цециліи, моей подругѣ дѣтства) и В. Адлербергъ, который женился двѣ недѣли послѣ насъ на дѣвицѣ Маріи Нелидовой. Всѣ они, по милости вдовствующей Императрицы, жили въ Павловскѣ. Приблизительно въ это время пріѣхалъ изъ Берлина князь Антонъ Радзивиллъ, присланный отцомъ Великой Княгини Александры Ѳеодоровны съ поздравленіями. Этотъ вельможа былъ женатъ на прусской принцессѣ, сестрѣ принца Людвига-Фердинанда; онъ славился какъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени и меценатъ искусствъ. Какъ генералъ-губернаторъ Познани, князь Радзивиллъ принималъ въ 1818 г. Великаго Князя Михаила Павловича, путешествовавшаго по Европѣ, онъ не мало способствовалъ пріятному препровожденію вечеровъ своею веселостью, умѣя придумывать разныя забавы шарады въ лицахъ и устроивать музыкальные вечера, домашніе спектакли».

На придумываніе такъ называемыхъ «charades en action» былъ мастеръ Великій Князь Николай Павловичъ.

«Я помню шараду tapage, говорилъ камеръ-пажъ Дараганъ, въ которой я представлялъ второй слогъ, а при исполненіи цѣлаго Его Высочество поднялъ такой шумъ, что Императрица и Великая Княгиня, закрывъ уши, закричали: «assez de tapage, assez». Другая шарада, вызвавшая всеобщій смѣхъ и одобреніе, была «corpulance», исполненная однимъ Великимъ Княземъ. Сперва онъ весьма искусно подражалъ звуку рожка, потомъ прошелся, дѣлая гримасы и зажимая носъ; затѣмъ явился съ билліарднымъ кіемъ, который держалъ какъ копье, наконецъ, пришелъ обвязанный подушками и съ трудомъ, какъ

бы отъ тучности, передвигалъ ноги. Шарады всегда исполнялись безъ всякихъ приготовленій, безъ всякихъ пособій. Можно было пользоваться только тѣмъ, что находилось въ смежной билліардной комнатѣ».

Наконецъ Дворъ переѣхалъ въ Петергофъ.

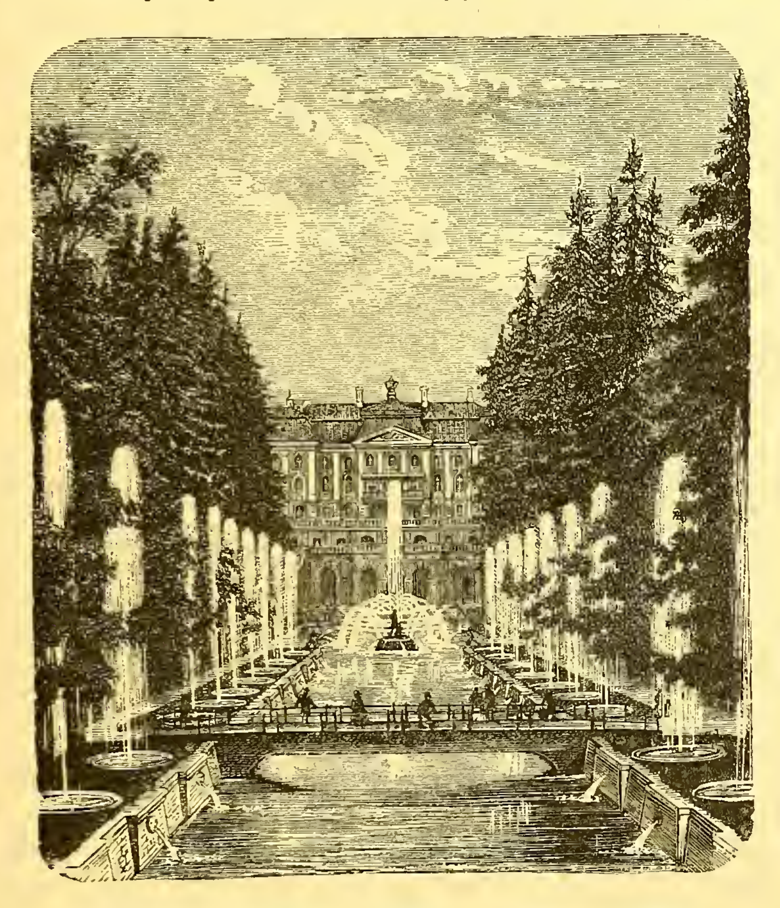
«Короткое пребываніе передъ тѣмъ, говоритъ Александра Ѳеодоровна, въ Царскомъ Селѣ сблизило меня съ Императоромъ Александромъ[1]); это было для меня истиннымъ счастьемъ! Я привыкла съ самаго ранняго дѣтства любить его, преклоняться передъ нимъ и эти чувства, походившія до нѣкоторой степени на обожаніе, съ годами превратились въ глубокую и искреннюю дружбу.

Николай повезъ меня отъ Стрѣльны по нижней дорогѣ; я поминутно вскрикивала отъ радости при видѣ моря, старыхъ деревьевъ, растущихъ по берегу, и фонтановъ въ паркѣ! Однимъ словомъ, я была въ восторгѣ, и это мѣсто произвело на меня съ перваго взгляда гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ Павловскъ и Царское. Празднества удались какъ нельзя лучше, иллюминація 22-го іюля мнѣ чрезвычайно понравилась. День ангела вдовствующей Государыни былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и днемъ рожденія моего отца; поэтому сердце мое въ этотъ день преисполнилось воспоминаніями о родительскомъ домѣ. Нѣсколько дней спустя Дворъ отправился въ Ораніенбаумъ, гдѣ былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Мы занимали въ Петергофѣ правый деревянный флигель почти цѣликомъ— его отдѣлали заново для насъ, новобрачныхъ; все было изящно и свѣжо и обито шелковыми обоями. Одна только спальня, задрапированная темно-зеленымъ бархатомъ, произвела на меня мрачное и тяжелое впечатлѣніе. Въ этой самой комнатѣ, три года спустя, я захворала и такъ тяжко, что никогда послѣ того у меня не хватало духа снова поселиться въ этой комнатѣ. Мы совершали прогулки, поѣздки, экскурсіи моремъ въ Кронштадтъ, гдѣ Императоръ производилъ смотръ флоту. Многочисленное общество, въ которомъ дамы отличались болѣе нарядами, чѣмъ красотою, а кавалеры были скорѣе натя-

---

[1]) Изъ всѣхъ роскошныхъ покоевъ Екатерины II Государь въ Царскосельскомъ Дворцѣ занималъ лишь двѣ скромныя комнаты.

нуты, чѣмъ любезны, было однако весело. Присутствіе Императора Александра, очарованіе, которое онъ умѣлъ придать всему, что ни предпринималъ, наэлектризовывали весь Дворъ. Спустя нѣсколько лѣтъ все это въ немъ измѣнилось въ обратную сторону, о чемъ я вспоминаю съ грустью. Я помню, какъ однажды Императоръ взялъ самъ ружье, далъ по ружью каж-



Видъ на Петерговскій дворецъ отъ Военной гавани.

дому изъ братьевъ и приказалъ командовать имъ ружейные пріемы, что весьма позабавило присутствующихъ. По вечерамъ мы съ Николаемъ катались неоднократно верхомъ. Однажды мы пили чай на «собственной дачѣ», куда отправились верхомъ; по дорогѣ мы повстрѣчали Кавалергардскій полкъ, шедшій на маневры, и maman сдѣлала намъ потомъ замѣчаніе, что насъ долженъ бы былъ сопровождать генералъ Ушаковъ, такъ какъ мы слишкомъ юны, чтобы ѣздить только вдвоемъ».

За празднествами послѣдовали маневры; они происходили между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ. На нихъ присутствовали иногда Императрицы и обѣ принцессы Виртембергскія и Великая Княгиня Александра Θеодоровна. По возвращеніи въ Павловскъ, все вернулось къ прежнему образу жизни.

«Въ дурную погоду, пишетъ Дараганъ, собирались въ нижней залѣ дворца, съ выходомъ въ садъ. Тамъ иногда было



Видъ собственной дачи Ея Величества близъ Петергофа.

литературное чтеніе, читали: Жуковскій [1]), Уваровъ [2]), Плещеевъ [3]); дамы занимались вышиваньемъ, а Великій Князь чертилъ каррикатуры.

[1]) Жуковскій былъ приглашенъ черезъ Н. М. Карамзина,—смотри письмо послѣдняго къ поэту отъ 25 августа 1817 г. въ «Рус. Ар.» 1868 г., стр. 1830.

[2]) Извѣстный С. С. Уваровъ, который, по словамъ Гумбольдта, въ молодости, живя въ Вѣнѣ, написалъ стихотвореніе, принятое всѣми за произведеніе Шиллера, который въ то время еще былъ живъ (См. «Отеч. Записки» 1839 г., т. VI, стр. 94).

[3]) С. И. Плещеевъ любимецъ Императрицы Маріи Θеодоровны, кавалеръ молодости Павла Петровича.

Въ концѣ августа, въ одно воскресенье, въ церкви, во время литургіи, Великой Княгинѣ сдѣлалось дурно. Николай Павловичъ почти на рукахъ вынесъ ее и провелъ во флигель. Я былъ дежурнымъ и слѣдовалъ за ними. Успокоившись на счетъ здоровья Великой Княгини, онъ вышелъ изъ ея комнаты и подошелъ ко мнѣ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?—спросилъ онъ меня.

— Семнадцать,—отвѣчалъ я.

— Вотъ видишь,—продолжалъ онъ весело,—Я тебя старше только четырьмя годами, а уже женатъ и скоро буду отецъ.

При этомъ онъ поцѣловалъ меня; лицо его сіяло счастіемъ».

«Этотъ случай, говоритъ Александра Ѳеодоровна, въ первую минуту напугавшій присутствовавшихъ, былъ какъ бы предвѣстникомъ того, что скоро я сдѣлаюсь матерью; это извѣстіе обрадовало всѣхъ! Говорятъ, будто на томъ мѣстѣ, гдѣ я упала, нашли осыпавшіеся лепестки розъ, вѣроятно изъ моего букета, и это нашимъ дамамъ показалось очень поэтичнымъ.

«Начались приготовленія къ поѣздкѣ въ Москву[1]), гдѣ Дворъ долженъ былъ поселиться на зиму. Дѣлалось это съ цѣлью поднять духъ древней столицы, истребленной въ 1812 г. пожаромъ. Передъ отъѣздомъ, мы возвратились въ Аничковскій дворецъ, въ которомъ почти не жили еще вовсе. Мы устроили тамъ маскированный вечеръ для нашего всегдашняго Павловскаго общества».

О маскарадѣ этомъ сохранились любопытныя подробности въ письмѣ фрейлины Александры Ив. Архаровой (1795—1855 г.)[2]), участвовавшей въ этомъ веселомъ семейномъ праздникѣ.

«Маскарадъ 13-го сентября былъ прелестенъ; я веселилась на немъ гораздо болѣе, чѣмъ ожидала, и несмотря на малое

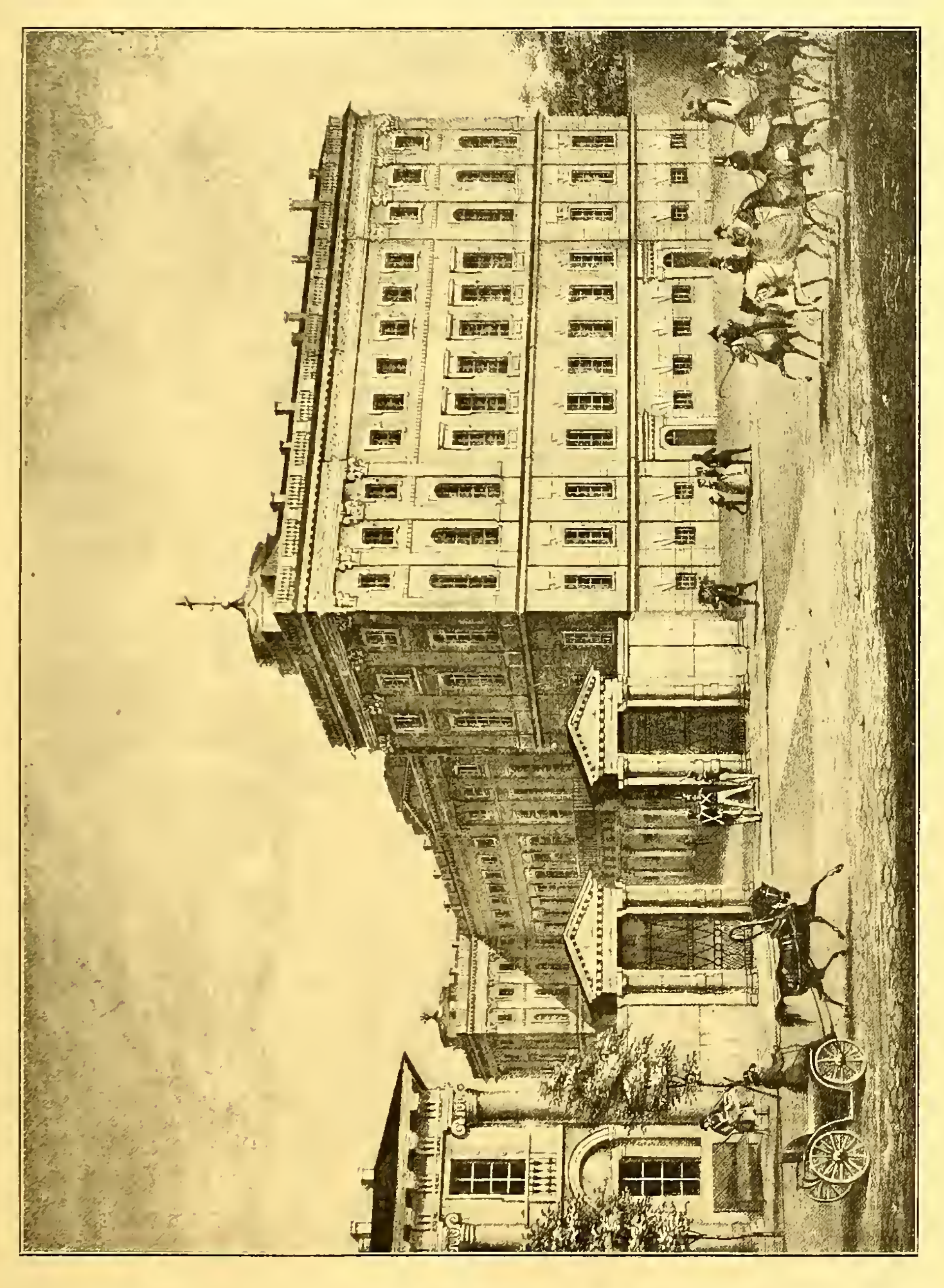
---

[1]) Императоръ Александръ I выѣхалъ изъ С.-Петербурга 24-го августа, о чемъ сообщалось въ № 70 «Спб. Вѣдомостей»; въ эту поѣздку Государь проѣхалъ чрезъ Могилевъ и Бобруйскъ въ Черниговъ, Кіевъ и Кременчугъ, а оттуда въ Москву, гдѣ собралось все Императорское семейство.

[2]) «Рус. Арх.», 1867 г., стр. 1028—36.

число гостей, маскамъ удалось интриговать отлично. Угадай, кто особенно оживлялъ общество и восхитительно разыгрывалъ роль маски? Бьюсь объ закладъ на тысячу противъ одного, что ты не отгадаешь. Императрица Елисавета. Но надобно тебѣ разсказать подробности. Начну съ того, что, пріѣхавъ первыя, мы прошли на половину Маріи Яковлевны Нарышкиной, которая по болѣзни не выходила. Мы застали у нея княгиню Волконскую, наряженною пилигримкой; маменька никакъ не могла ее узнать: то принимала она ее за княжну Туркестанову, то за Кочетову. Это насъ до крайности забавляло. Тамъ же были Кологривовъ, наряженный смѣшнымъ старикомъ, и Софья Нелединская въ костюмѣ крестьянки, который къ ней очень шелъ. Мы всѣ вмѣстѣ поднялись на верхъ. Тамъ уже было нѣсколько масокъ. Александръ Соллогубъ въ костюмѣ аббатиссы интриговалъ всѣхъ; но никто не могъ узнать. Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ, всегда со своими осторожностями, вообразилъ, что это какой-нибудь незваный гость и выпроводилъ бы его, если-бъ я не предупредила. Странно то, что въ теченіе всего вечера онъ не былъ узнанъ. Онъ такъ хорошо игралъ свою роль, что В. К. Николай Павловичъ и Императрица Елисавета, которыхъ онъ много интриговалъ, приняли его за вдовствующую Императрицу. Но возвращаюсь къ моему разсказу. Великій Князь и принцъ Вильгельмъ Прусскій были наряжены старыми нѣмецкими военными. На Великомъ Князѣ была надѣта маска съ огромною бородавкою; онъ шелъ подъ-руку съ дамой въ старинномъ, очень смѣшномъ нѣмецкомъ костюмѣ; принцъ—тоже. Они узнали другъ друга, какъ бы старые товарищи, участвовавшіе въ Семилѣтней войнѣ. Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна явилась въ костюмѣ индійскаго принца, который былъ прелестенъ. Этимъ временемъ пришла графиня Ливенъ и шепнула маменькѣ, что Императрица ждетъ меня въ покояхъ княгини Волконской и что она желаетъ войти въ залу вмѣстѣ со мною. Тотчасъ же я спустилась по большой лѣстницѣ и велѣла себя проводить въ комнаты княгини. Нахожу Императрицу, стоящую съ камеръ-фрейлиной Нелидовой и своей камеръ-юнгферой, Яковлевой. На ней былъ костюмъ волшебника и замаскирована она была на-глухо. Нелидова была въ сарафанѣ. Я была въ маскѣ; Импе-

ратрица позвала меня и спросила: я-ли Архарова. Я отвѣтила утвердительно и сказала, что пришла по приказанію гр. Ли-



Аничковскій дворецъ.

венъ. Тогда она спросила, узнаю-ли я ее, и нашла мой костюмъ прелестнымъ; и дѣйствительно, онъ мнѣ очень удался. Она послала Нелидову другимъ ходомъ, а мнѣ сказала, что войдетъ

въ залу одна, вмѣстѣ со мною. Я подаю ей руку, и мы всходимъ на лѣстницу, проходимъ черезъ аванзалу и минуемъ нѣсколько залъ, не будучи узнаны никѣмъ. Дорогой она спросила меня, пріѣхала-ли уже Императрица Елисавета, вышла-ли Великая Княгиня; какъ наряженъ Великій Князь и т. д. Когда я довела ее до того мѣста, гдѣ находилось все общество, она оставила мою руку, начала произносить заклинанія и интриговать масокъ. Между ними были очень смѣшныя: князь Антонъ Радзивиллъ и княжна Туркестанова, съ одной стороны, въ костюмахъ аббата и аббатиссы, съ другой — въ рыцарскомъ и очень нарядномъ дамскомъ. Это было очень смѣшно; лица у нихъ были также двухстороннія: одна половина красная, а другая — набѣленная; съ одной стороны усъ и мушка, а съ другой — ничего. Наконецъ, приходитъ Императрица Елисавета въ бѣломъ домино, съ капюшономъ на головѣ, подушкой спереди, на-глухо замаскированная, и до того разговорчивая и въ веселомъ расположеніи духа, что я не могла рѣшиться и подумать, чтобъ это была она, хотя должна была быть въ томъ увѣрена, ибо все общество было въ полномъ сборѣ, а фрейлины ея пришли раньше. Она подошла къ намъ, говорила, перемѣнивъ голосъ; особенно много она интриговала Софью Самойловну, разсказывая ей со всѣми подробностями объ институтѣ. Радзивиллъ ангажировалъ ее на вальсъ, она отвѣчала: «и желала бы; но я для этого слишкомъ стара». Особенно странно было видѣть, что она веселилась отъ души. Наконецъ, когда дамы стали снимать маски, она надѣла черное домино и капюшонъ. Что до меня касается, то я начала балъ вальсомъ съ Великимъ Княземъ. Онъ перемѣ-



Императрица Елизавета Алексѣевна.

нилъ костюмъ и одѣтъ былъ черкесомъ съ бородой, безъ маски. Онъ былъ восхитителенъ и говорилъ мнѣ, что онъ «обновляетъ со мною домъ и эту залу, въ которой еще никто не танцовалъ»[1]). Было много масокъ, о которыхъ я тебѣ не сказала и очень смѣшныя, между прочими Кочетова[2])въ кофточкѣ и бабушкиной «стеганой» атласной юбкѣ, въ старинной прическѣ и на красныхъ каблукахъ. Я также привезла съ собою «самару» и также хотѣла вырядиться въ смѣшной костюмъ, но не вырядилась по лѣности, а уступила его Варварѣ Ушаковой. Послѣ танцевъ и многихъ дурачествъ пошли къ ужину. Послѣ ужина Императрица уѣхала, но Великая Княгиня пожелала, чтобы танцы продолжались».

Говоря объ этомъ маскарадѣ въ своихъ «воспоминаніяхъ», Императрица Александра Ѳеодоровна замѣчаетъ: «всѣ были замаскированы съ головы до ногъ. Maman — волшебницею, Императрица Елисавета Алексѣевна — летучею мышью; я—индійскимъ принцемъ, съ чалмой изъ шали, въ длинномъ ниспадающемъ верхнемъ платьѣ и широкихъ шараварахъ изъ восточной ткани. Когда я сняла маску, мнѣ наговорили массу комплиментовъ».

---

[1]) Эти слова вставлены по-русски во французскій текстъ.

[2]) Другой камеръ-пажъ Великой Княгини Александры Ѳеодоровны— Гангебловъ разсказываетъ, какъ онъ въ павловскомъ паркѣ напугалъ эту Кочетову и какъ трусилъ ея жалобы: «Когда Государыня съ Великою Княгинею проходили черезъ комнату, гдѣ мы ихъ ожидали, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, поровнявшись со мной, усмѣхнулся и мнѣ въ полголоса сказалъ: «Съ побѣдой!» Худо, подумалъ я. Сѣли за столъ (расположенный глаголемъ); фрейлины всѣ вмѣстѣ сидѣли сбоку, у меня на виду; между ними и Кочетова. Она большую часть обѣда съ ними тараторила; онѣ шушукались, поглядывали на меня и смѣялись. Я былъ какъ на ножахъ. Къ довершенію несчастія, Великой Княгини пришла охота переговариваться знаками съ одной изъ фрейлинъ: она указываетъ ей на лѣвый рукавъ платья и прижимаетъ его къ груди, а та дѣлаетъ знакъ, что не понимаетъ. Великая Княгиня, поворотивъ ко мнѣ голову, говоритъ: «Dites à la comtesse Samoilow que c'est ma couleur favorite». Пока я шелъ, у меня кружилась голова, рябило въ глазахъ. Я наклонился къ самому ушку графини, навралъ ей чепуху, и когда повернулся, чтобы идти къ своему мѣсту, услышалъ за собой взрывъ молодаго смѣха. Вечеромъ, передъ выходомъ къ собранію, Великій Князь Михаилъ Павловичъ потѣшился вдоволь надъ моей «aquipée». («Рус. Арх.» 1886 г., т. 3, стр. 198).

«Мы покинули Петербургъ 18-го сентября [1]). По предписанію докторовъ пробыли мы въ дорогѣ ради меня 12 дней. Впослѣдствіи я слышала, будто Императрица Екатерина, будучи Великой Княгиней, на этотъ путь и по той же причинѣ употребила шесть недѣль».

Въ началѣ 1817 года былъ сдѣланъ первый шагъ введенія въ Россіи шоссированныхъ дорогъ. Работы начаты отъ Петербурга до Москвы и лишь къ 1825 году оконченъ участокъ до Новгорода, 180 верстъ [2]). Конечно, дороги, хотя и не шоссированныя, были приведены въ порядокъ для проѣзда Высочайшихъ особъ, но осеннее время все-таки сказывалось. Но за то въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1817 г., № 100) сообщалось: «Пріѣзжающіе изъ Петербурга въ одинъ голосъ превозносятъ похвалами почтовые дома, состоящіе на станціяхъ: Черногрязской, Подсолнечной, Спаско-полистской и Померанской, гдѣ открыты гостиницы, и проѣзжающіе находятъ въ нихъ покойный ночлегъ, изобильное и отлично изготовленное кушанье. Цѣны за все назначены умѣренныя, такъ что проѣзжающіе платятъ иногда добровольно прибавку. На одной изъ станцій (Спаско-полистской) одинъ путешественникъ сказалъ: «Право, жаль, что этого дома нельзя взять съ собою; я бы не желалъ жить въ лучшемъ домѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Вѣнѣ, ни въ Парижѣ». Увѣряютъ многіе изъ проѣзжающихъ, что подобныхъ домовъ на станціяхъ нѣтъ во всей Европѣ».

По всей вѣроятности эти дома служили для продолжительныхъ остановокъ Великой Княгини Александры Ѳеодоровнѣ, которая говоритъ: «Я страдала тошнотою и испытывала отвращеніе къ нѣкоторымъ блюдамъ и запахамъ, но вообще чувствовала себя какъ нельзя лучше, а длинное это путешествіе совершила весьма пріятно, такъ какъ ѣхала съ мужемъ, и мы не мало ребячились, къ тому же мой братъ

---

[1]) Объ отъѣздѣ Ихъ Высочествъ и прусскаго принца Вильгельма 18-го сентября изъ Петербурга было напечатано въ «Спб. Вѣдомостяхъ» (№ 77, 1817 г.), а о пріѣздѣ въ Москву въ 10-мъ часу пополудни 30-го сентября въ «Московскихъ Вѣдомостей», № 79.

[2]) «Сбор. Историч. Общ.», т. 98, стр. 555.

Вильгельмъ былъ еще съ нами. Въ Клинѣ мы дождались прибытія вдовствующей Государыни и Императора Александра. Ихъ Императорскія Величества не совершали торжественнаго въѣзда въ Москву; всякій изъ насъ добрался туда самъ по себѣ ночью. Проснувшись поутру, я подошла къ окну и, когда увидѣла великолѣпный видъ, открывавшійся на Москву, которая разстилалась словно панорама у моихъ ногъ, и сердце мое забилось: я поняла Россію и стала гордиться тѣмъ, что принадлежу ей!»

Совершенно справедливо сказалъ поэтъ:

Любовь къ отчизнѣ, какъ струя,
Отъ сердца къ сердцу пробѣгаетъ,
По цѣлой Руси изъ Кремля.

Въ Москвѣ выковалась государственность русскаго народа; здѣсь сложилось русское царство, выработались разныя стороны нашего быта, коими до сихъ поръ объединяется и укрѣпляется матушка Россія. Недаромъ, смотря на Москву съ высоты Кремля, въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ III съ глубокой мѣткостью сказалъ: «Москва — это храмъ, а Кремль—это его алтарь». Дѣйствительно, Москва готова была стать храмовыми святцами, ибо въ до-петровской Руси, въ Москвѣ, то въ томъ, то въ другомъ концѣ слышался звонъ храмоваго праздника. Позже, главою Россіи, хотя и сталъ Петербургъ, но сердцемъ ея продолжаетъ оставаться Москва...

«Въ то время Москва, говоритъ камеръ-пажъ Дараганъ [1]), не успѣла еще оправиться отъ нашествія французовъ и пожара. Вездѣ, даже на главныхъ улицахъ, напримѣръ Тверской, виднѣлись обгорѣлые остовы стѣнъ, закоптѣлые, полуразрушенные дома, забранные заборомъ пустыри. Но эти слѣды разрушенія не вызывали, какъ обыкновенно, грустнаго сожалѣнія; оно пересиливалось отраднымъ чувствомъ національной гордости. Недавнія бѣдствія и пламя пожара Москвы блѣднѣли предъ блескомъ славы и величія, озарявшимъ Россію. Ожидая пріѣзда Государя, Москва хлопотала и старалась по возможности укрыть эти слѣды разрушенія; вездѣ строилось, краси-

[1]) «Рус. Стар.», т. XIII, стр. 2—3.

лось, очищалось. Тысячи народа стекались въ городъ, и населеніе его съ каждымъ днемъ увеличивалось; изъ Петербурга приходили отряды гвардіи; изъ отдаленныхъ концовъ Имперіи пріѣзжали дворяне съ семействами. Казалось, вся Россія, готовилась привѣтствовать въ матушкѣ Москвѣ-искупительницѣ своего Монарха, побѣдителя непобѣдимаго Наполеона, умиротворителя Европы. Въ ожиданіи пріѣзда Двора, время проходило пріятно и весело.

Наконецъ, 30-го. сентября Государь и Императорская Фамилія прибыли въ Москву. Прежній Кремлевскій дворецъ былъ мало помѣстителенъ. Для Великаго Князя Николая Павловича съ супругой было приготовлено Троицкое подворье (въ Чудовомъ монастырѣ), гдѣ помѣщеніе, хотя было просторнѣе, чѣмъ въ Павловскѣ, но не особенно роскошно».

Про это помѣщеніе вотъ что говоритъ, въ письмѣ къ издателю «Русскаго Архива» [1]), г. М. Евреиновъ:

«По сосѣдству съ монастырскою стѣною находился двухъэтажный домъ, принадлежавшій московскому митрополиту Платону, съ имѣвшимся на фронтонѣ его вензелемъ. Въ 1817 г. прибыла въ Москву Императорская фамилія и не на краткое время. За тѣснотою бывшаго тогда Кремлевскаго дворца, Великій Князь Николай Павловичъ со своею супругою занялъ сей митрополичій домъ, въ которомъ 17-го апрѣля и родился Императоръ Александръ II. По сему случаю домъ сей причисленъ къ придворному вѣдомству и названъ малымъ Николаевскимъ дворцомъ; впослѣдствіи, уже въ царствованіе Николая I, надстроенъ надъ домомъ симъ третій этажъ и пристроена къ нему галлерея, ведущая изъ дворца прямо въ Чудовскую церковь съ четыреугольною надъ нею башнею въ древнемъ вкусѣ. Въ нижнемъ этажѣ находилась церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Противъ сего дворца на Кремлевской площади стояла небольшая церковь Святителя Николая, именуемая Гостунскимъ соборомъ; въ 1818 г. или 1819 г. она была сломана для расширенія площадки, предназначенной для разводовъ».

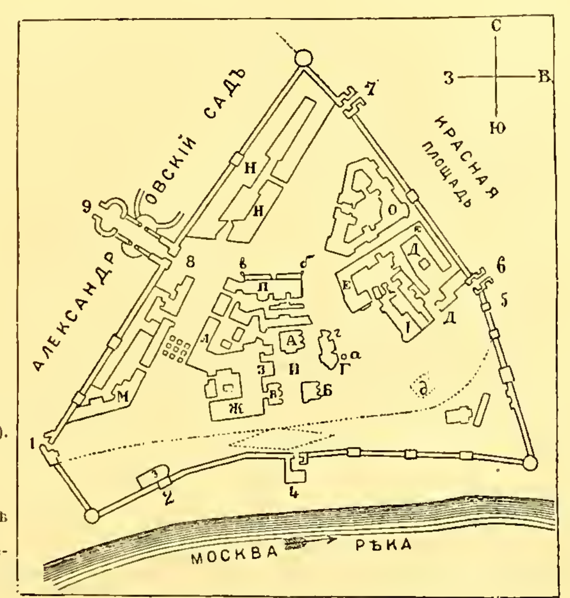
---

[1]) См. «Рус. Арх.» 1877 г., т. III, стр. 180.

Для того, чтобы читатель видѣлъ, гдѣ помѣщалось Троицкое подворье, прилагаемъ современный планъ Кремля.

Октября 1-го, въ день Покрова, Государь съ всею Царскою фамиліею показался народу. «Съ ранняго утра, говоритъ Дараганъ, со всѣхъ концовъ Москвы волны народа устремились въ Кремль и скоро залили всю Кремлевскую площадь. Изъ оконъ дворца я любовался невиданнымъ мною дотолѣ зрѣлищемъ. Все пространство до рѣки было покрыто сплошною массою народа и только виднѣлись поднятыя вверхъ головы

1. Боровицкія ворота.
2. Благовѣщенская башня.
3. Ц. Благовѣщ. на Житн. дворѣ.
4. Тайницкія ворота.
5. Набатная башня.
6. Спасскія ворота.
7. Никольскія ворота.
8. Троицкія ворота.
9. Башня Кутафья.
А. Успенскій соборъ.
Б. Архангельскій соборъ.
В. Благовѣщенскій соборъ.
Г. Иванъ Великій.
Д. Вознесенскій монастырь.
Е. Чудовъ монастырь.
Ж. Николаевскій кремлевскій дворецъ.
З. Грановитая палата.
И. Ивановская площадь.
І. Малый Никольскій дворецъ.
К. Синодальный домъ.
Л. Кавалерскій корпусъ.
М. Оружейная палата.
Н. Арсеналъ.
О. Судебныя учрежденія (прежній сенатъ).
П. Кремлевскія казармы.
а. Царь-колоколъ.
б. Царь-пушка.
в. Единорогъ-пушка.
г. Филаретовская пристройка при Иванѣ Великомъ.
д. Мѣсто для памятника Императору Александру II-му.



Планъ Московскаго Кремля.

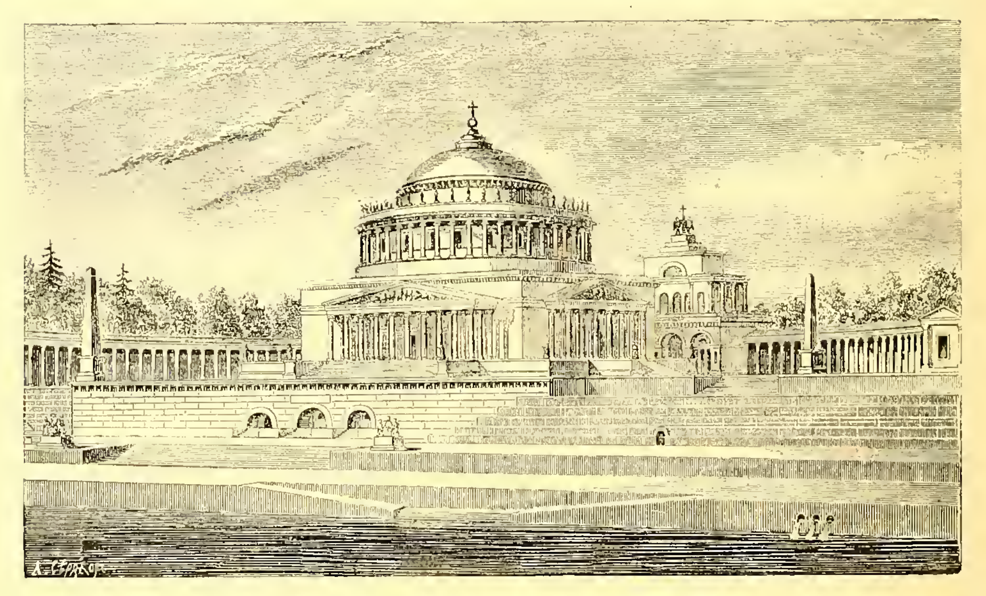
съ глазами, устремленными на дворецъ. Все это стояло въ безмолвномъ ожиданіи выхода царя.

«Въ 10 часовъ, Государь, въ сопровожденіи обѣихъ Императрицъ, вышелъ на красное крыльцо. По древнему обычаю, поклонился онъ на три стороны народу Не одинъ обычный крикъ «ура!» встрѣтилъ и сопровождалъ Императорское семейство до вступленія его въ Успенскій соборъ Нѣтъ, тутъ вырывались слова любви изъ души восторженнаго народа. «Да здравствуетъ Государь! да здравствуетъ нашъ отецъ! наше красное солнышко! наши желанные!» На глазахъ обѣихъ Императрицъ и Великой княгини Александры Ѳеодоровны показались слезы. Всѣ присутствовавшіе были тронуты».

Съ такою торжественною церемоніею Императорская фамилія обошла кремлевскіе соборы.

Не легко было вынести все это Великой Княгинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ, которая говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Мнѣ пришлось пролежать въ постели, а затѣмъ на кушеткѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней; настолько утомили колѣнопреклоненія мои ноги, я даже съ трудомъ могла двигать ими».

Дѣйствительно, только 11-го октября состоялось представленіе Великому Князю Николаю Павловичу и Великой Кня-



Видъ храма Христа Спасителя.
(По проекту Витберга).

гинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ московскихъ чиновниковъ первыхъ V классовъ и штабъ-офицеровъ.

На слѣдующій день, 12-го октября, «въ достопамятный день, какъ писали «Московскія Вѣдомости», въ который совершилось пятилѣтіе со времени освобожденія Москвы отъ непріятеля», совершилась закладка храма Спасителя, на Воробьевыхъ горахъ, по проекту академика Витберга [1]).

[1]) «Записки А. Л. Витберга», см. въ «Рус. Старинѣ» 1872 г. Витбергъ, представивъ проектъ колоссальнаго храма, вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ и хозяйственный способъ сооруженія, по которому избѣгалась подрядная система, и взамѣнъ ежегодныхъ отпусковъ отъ казны испрашивался единовре-

13-го октября, въ субботу, Ихъ Величествамъ Императрицамъ и Великой Княгинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ представлялись московскія дамы.

Во вторникъ, 15-го октября, въ день рожденія Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, въ Успенскомъ соборѣ была совершена литургія, а вечеромъ состоялся балъ въ Грановитой палатѣ.

Послѣ этого праздники прекратились, по случаю кончины Его Королевскаго Высочества, герцога Людвига Виртембергскаго (брата Императрицы Маріи Θеодоровны) и Ея Королевскаго Высочества, супруги эрцъ-герцога, палатина Венгерскаго, эрцъ-герцогини Термины, урожденной принцессы Ангальтъ-Бернбургъ-Шаумбургской. Трауръ былъ наложенъ по первомъ на 6 недѣль, а по второй — на 2 недѣли [1]).

Наконецъ, 8-го ноября былъ данъ балъ московскими дворянами, на который съѣхалось 3.580 человѣкъ. Ихъ Величества и Ихъ Высочества прибыли въ 8 часовъ вечера и послѣ танцевъ и великолѣпнаго ужина изволили еще танцовать поль-

---

менный кредитъ въ 10 милліоновъ рублей, для покупки помѣщичьихъ имѣній съ 18.600 душъ крестьянъ; изъ нихъ 3.500 тяглъ, или семействъ, должны были употребляться въ теченіе 6-ти лѣтнихъ мѣсяцевъ на строеніе храма, а 2.000 на заготовку и поставку матеріаловъ. Всѣ имѣнія, поступившія въ вѣдѣніе коммиссіи храма, по окончаніи строенія должны были войти въ общій составъ государственныхъ крестьянъ, возвративъ казнѣ употребленный на ихъ пріобрѣтеніе капиталъ—10 милліоновъ. Экономическій этотъ проектъ былъ утвержденъ, а при исполненіи улучшился еще тѣмъ, что, вмѣсто предположенныхъ 18.600 душъ, на ту же сумму было пріобрѣтено до 24.000, за что Витбергъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степени.

По проискамъ всесильнаго въ то время графа Аракчеева, который былъ недоволенъ тѣмъ, что коммиссія построенія была не у него въ рукахъ, Витбергъ вмѣстѣ съ другими лицами былъ преданъ суду и указомъ 1812 г. признанъ виновнымъ въ злоупотребленіяхъ и противузаконныхъ дѣйствіяхъ въ ущербъ казнѣ. Въ вознагражденіе убытка казны описаны были имѣнія подсудимыхъ, и, сверхъ того, Витбергъ, хотя и признанъ отчасти подлежащимъ прощенію по манифесту 1826 г., но тѣмъ не менѣе въ 1835 г. былъ сосланъ въ Вятку.

[1]) «Спб. Вѣдомости» 1817 г., № 87.

скій и возвратились во дворецъ въ третьемъ часу по полуночи. Въ ту же ночь прибылъ въ Москву Великій Князь Михаилъ Павловичъ изъ путешествія по Россіи, а 15-го ноября московскіе дворяне повторили свой балъ.

«Обыкновенно передъ выѣздомъ Великой Княгини, говоритъ ея камеръ-пажъ Дараганъ, на балъ, я приходилъ въ Троицкое подворье, получалъ отъ камердинера флаконъ съ нюхательнымъ спиртомъ и духами, перемѣнныя перчатки и носовые платки; размѣстивъ все это по карманамъ, я отправлялся туда, гдѣ былъ назначенъ балъ. Тамъ, въ пріемной, встрѣчалъ я Великаго Князя и Великую Княгиню, принималъ ея шаль, которую укладывалъ на руку и слѣдовалъ за ними въ бальную залу. Великая Княгиня любила танцы. Всѣ восхищались ея юностью и миловидностью, граціей ея движеній и прелестнымъ, стройнымъ станомъ, къ которому такъ шелъ бальный нарядъ того времени. Любопытныя московскія дамы окружали меня, однѣ просили пощупать шаль Великой Княгини, другія — посмотрѣть ея носовой платокъ. Разспросы о ея туалетѣ, о ея занятіяхъ сыпались со всѣхъ сторонъ. Но мнѣ часто приходилось досадовать на любопытство и разспросы хорошенькихъ московскихъ дамъ, мѣшавшихъ мнѣ слѣдить за Великой Княгиней, чтобы не пропустить ея призывнаго знака. Танцы того времени были не разнообразны. Польскій, замѣнившій минуэтъ, продолжался довольно долго и повторялся для отдыха нѣсколько разъ во время бала. Потомъ шелъ круглый польскій съ вальсомъ, экосезъ, самый продолжительный и веселый изъ тогдашнихъ танцевъ, гавотъ и опять польскій. Во время танцевъ дамы не садились, танцовали только изъ удовольствія потанцовать и выказать свое хореографическое искусство».

24-го ноября, въ день тезоименитства Великой Княгини Екатерины Павловны, была совершена литургія въ Успенскомъ соборѣ и въ этотъ день баталіонъ л.-гв. Семеновскаго полка праздновалъ храмовой праздникъ Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, въ селѣ Семеновскомъ, гдѣ былъ Государь и Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичи; угощеніе было въ домѣ купцовъ Алексѣевыхъ. Затѣмъ 30-го ноября происходило освященіе отстроеннаго манежа, въ присутствіи Москов-

скаго генералъ-губернатора графа А. П. Тормасова [1]), у котораго 28-го декабря состоялся балъ.



Графъ А. П. Тормасовъ.

Съ 30-го августа 1814 г. по день своей кончины († 13-го ноября 1819 г.) графъ Александръ Петровичъ Тормасовъ занималъ важный постъ главнокомандующаго Москвы; жители первопрестольной благодарили Императора за дарованіе имъ начальника, который, «сохраняя законы, былъ равно внимателенъ къ богатому и бѣдному, сильному и слабому, въ чести сущему и въ убожествѣ пребывающему». Въ 1816 г. Императоръ Александръ, изъявляя признательность Москвѣ особою грамотою, данною 30-го августа, тогда же возвелъ Тормасова въ графское достоинство [2]).

Среди баловъ и развлеченій Великая Княгиня Александра

---

[1]) Государь Александръ Павловичъ, очевидно, былъ доволенъ порядкомъ, встрѣченнымъ въ Москвѣ, такъ какъ тамошній полиціймейстеръ, полковникъ Брокеръ, былъ переведенъ на ту же должность въ Петербургъ (см. «Спб. Вѣд.» № 96). Адамъ Фед. Брокеръ былъ московскимъ полиціймейстеромъ въ 1812 г., при гр. Ѳ. В. Ростопчинѣ, и сохранилъ съ нимъ дружбу. По поводу этого назначенія гр. Ростопчинъ писалъ Брокеру: «Весьма лестно для васъ получить мѣсто въ пребываніе Государя и столь необыкновеннымъ образомъ вмѣсто отставки. Сперва васъ Тормасовъ гналъ, а послѣ нашелъ нужнымъ. Признайтесь, что лестно и почтенно служить честно, но куда тяжело! Если бы вы получили отставку, то кубка бы не получить, а это расчетъ плута головы; подумалъ: ну, не равно со временемъ нагрянетъ въ Москву оберъ-полиціймейстеромъ» («Рус. Арх.» 1868 г., стр. 1913).

[2]) Въ 1839 г. единственный сынъ графа Тормасова, Александръ, окончилъ жизнь самоубійствомъ и съ нимъ прекратился родъ графовъ Тормасовыхъ. Товарищъ его юности, покойный вице-президентъ Академіи Наукъ, Викторъ Яковлевичъ Буняковскій, 21 года былъ признанъ докторомъ математическихъ наукъ въ Парижѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ жилъ Тормасовъ.

Θеодоровна принялась серьезно за уроки русскаго языка. «Въ учителя мнѣ былъ, говоритъ она, данъ Василій Андреевичъ Жуковскій [1]), въ то время уже извѣстный поэтъ, но человѣкъ онъ былъ слишкомъ поэтичный, чтобы оказаться хорошимъ учителемъ. Вмѣсто того, чтобы корпѣть надъ изученіемъ грамматики, какое-нибудь отдѣльное слово рождало въ немъ идею, идея заставляла искать поэму, а поэма служила для бесѣды; такимъ образомъ проходили уроки. Поэтому русскій языкъ я постигала плохо, и, несмотря на мое страстное желаніе изучить его, онъ оказывался на столько труднымъ, что я въ продолженіе многихъ лѣтъ не имѣла духу произносить на немъ цѣльныхъ фразъ».



В. А. Жуковскій.

«Въ личности Жуковскаго, говоритъ Гриммъ, было нѣчто дѣтски-простосердечное, дѣвственно-робкое, въ обращеніи съ людьми онъ былъ не только не развязенъ, но положительно застѣнчивъ; впрочемъ, это послѣднее свойство уступало его искренности и душевной глубинѣ тамъ, гдѣ онъ встрѣчался съ существами, сродными ему. Онъ первый изъ окружающихъ понялъ высокоженственную натуру Великой Княгини, и во всю послѣдующую его жизнь она осталась для него идеаломъ женщины».

---

[1]) 22-го октября 1817 г. была первая лекція Жуковскаго; новая дѣятельность пришлась поэту по сердцу, и онъ съ жаромъ принялся за нее, тѣмъ болѣе, что въ своей царственной ученицѣ онъ встрѣтилъ высокую душу. Къ этому времени относится слѣдующая запись въ дневникѣ поэта:

27-го (октября), суббота. Моей лекціи не было: Великая Княгиня нездорова. Я люблю свою должность, и мнѣ совсѣмъ не кажется отдыхомъ тотъ день, въ который не могу ею заняться. Тѣмъ лучше. Не послѣднее счастіе быть *привязаннымъ* къ тому, что *должно.* Я надѣюсь современемъ сдѣлать уроки свои весьма интересными. Они будутъ не только со стороны

По вечерамъ образовался избранный кружокъ въ кабинетѣ Александры Өеодоровны, въ которомъ не умѣщалось болѣе 12-ти человѣкъ. На этихъ интимныхъ собраніяхъ Императоръ Александръ и обѣ Императрицы не появлялись почти никогда, что̀ еще болѣе способствовало образованію того свободнаго, изящно непринужденнаго тона, которымъ впослѣдствіи такъ рѣзко отличался Зимній дворецъ отъ всѣхъ почти европейскихъ дворовъ и въ особенности отъ строгаго этикета дворовъ предъидущихъ царствованій.

«Я познакомилась съ двумя дамами, говоритъ Великая Княгиня Александра Өеодоровна, которыя часто бывали на этихъ вечерахъ, Кутузовою [1]) женою того, который сопровождалъ моего жениха въ Англію, въ качествѣ ментора; другою же была княгиня Трубецкая, молодая женщина моихъ лѣтъ, красавица собою, умница и очень осторожная, хотя и бывшая замужемъ за некрасивымъ старикомъ, обожавшимъ ее, впрочемъ. Графиня Орлова (Анна Алексѣевна) съ перваго же дня моего пріѣзда въ Петербургъ выказала мнѣ столько дружескаго состраданія и жалости (такъ какъ молодая принцесса, оторванная отъ семьи, въ новой для нея странѣ и среди новаго міра, казалась ей вполнѣ достойной сочувствія), что это сразу пріобрѣло ей мое расположеніе. Я часто видалась съ нею въ Москвѣ; ей былъ пожалованъ Императорскій портретъ для ношенія 12-го декабря 1817 г., и хотя она была еще очень молода и при томъ чуть-ли не самая богатая изъ русскихъ аристократокъ, но не пожелала выйти замужъ. Я бывала часто у

языка ей полезны, но дадутъ пищу размышленію и подѣйствуютъ благодѣтельнымъ образомъ на сердце. Однимъ словомъ, до сихъ поръ чувствую себя совершенно счастливымъ въ своей должности, и счастливымъ особенно потому, что чувствую себя со всѣхъ сторонъ независимымъ: *извнѣ и внутри души*. Честолюбіе молчитъ; въ душѣ одно желаніе добраго. Безъ всякаго безпокойства желанія смотрю на будущее и весь отданъ настоящему. Милая, привлекательная должность! Поэзія! Свобода! Заслуженное уваженіе по чистотѣ намѣреній и дѣлъ, желаніе добра всѣмъ и сердечная увѣренность, что не буду ни скѣмъ соперникомъ и не огорчусь потерею выгодъ, ибо не ищу ихъ—вотъ теперь моѐ положеніе. Да сохранитъ Богъ его неизмѣннымъ». «Рус. Вѣст.» 1889 г., августъ, стр, 357.

[1]) Урожденная Екатерина Петр. Неклюдова.

Императрицы Елисаветы, которая относилась ко мнѣ въ то время весьма дружественно.

«Моя кузина Марія Виртембергская также часто посѣщала насъ. Мы обѣдали или проводили вечера у maman; по воскресеньямъ бывалъ обѣдъ, на который приходилось являться въ платьяхъ со шлейфомъ, и такой же парадный вечеръ, на которомъ можно было умереть съ тоски».

«Обѣдали, говоритъ Дараганъ, за круглымъ столомъ; возлѣ Императрицы Маріи Θеодоровны, по правую руку, сидѣла Императрица Елисавета Алексѣевна, по лѣвую—Императоръ, подлѣ него—Великая Княгиня, Великій Князь, потомъ семейство герцога Александра Виртембергскаго. Возлѣ Императрицы Елисаветы Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Служить за этимъ фамильнымъ столомъ было для меня наслажденіемъ. Стоя за стуломъ Великой Княгини, я могъ не только любоваться Императоромъ, но могъ слышать каждое его слово, даже одиночный разговоръ съ Александрой Θеодоровной. Она напоминала ему свою мать, прелестную Луизу, которой онъ былъ преданъ до ея смерти. Можетъ быть, это воспоминаніе усиливало то рыцарское, нѣжное, задушевное обращеніе, съ которымъ онъ относился къ Великой Княгинѣ».

Тишина домашней жизни великокняжеской четы въ эти мирные мѣсяцы нарушилась слѣдующимъ обстоятельствомъ:

«Подъ Рождество, при нашемъ маленькомъ Дворѣ, говоритъ Александра Θеодоровна, случилось событіе, о которомъ я должна упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ: нашъ маршалъ К. А. Нарышкинъ дѣлалъ ежеминутно непріятности моему мужу; за малѣйшую шутку онъ сердился до того, что то зеленѣлъ, то желтѣлъ отъ злости. Кромѣ того, онъ пытался не разъ дѣлать Великому Князю неумѣстныя замѣчанія на мой даже счетъ. Человѣкъ въ высшей степени желчный, онъ иногда впадалъ въ змѣиную злость; всѣ ненавидѣли его и удалялись при его приближеніи. Однимъ словомъ, я чувствовала, что не могу быть покойной, пока этотъ человѣкъ будетъ при нашемъ Дворѣ. Имѣть въ такомъ маленькомъ кружкѣ постоянно возлѣ себя человѣка, который кляузничаетъ, говоритъ съ злымъ умысломъ колкости — было невыносимо, и хотя многіе принимали въ немъ участіе, но у меня хватило харак-

тера поставить на своемъ и добиться того, чтобы онъ оставилъ это мѣсто. Я думаю, меня за это осуждали [1]) и находили характеръ мой не достаточно покладистымъ, но я сознавала, что это вопросъ слишкомъ важный, тутъ дѣло шло о мирѣ, о спокойствіи въ нашемъ домѣ: я исполнила свой долгъ и никогда въ этомъ не раскаявалась. Послѣдствія доказали, что характеръ у меня былъ довольно покладистый. Жена Нарышкина, Марія Яковлевна, столь же красивая, сколько кроткая и добрая... Нарышкинъ [2]) покинулъ нашъ Дворъ и на его мѣсто былъ назначенъ графъ Моденъ».

Наканунѣ Рождества въ первый разъ на Руси, по желанію Великой Княгини Александры Ѳеодоровны, зажглась германская рождественская елка [3]), такъ быстро завоевавшая себѣ права гражданства по всей Россіи у молодого поколѣнія.

[1]) «Но это обвиненіе, пишетъ Гриммъ, пало передъ неизмѣнной кротостью и снисхожденіемъ, оказанными Государынею въ теченіе сорока лѣтъ всѣмъ лицамъ, состоявшимъ при ней въ какой бы то ни было должности». Графъ М. Д. Бутурлинъ также говоритъ: «не могу удержаться не высказать, что Императрица Александра Ѳеодоровна была буквально обожаема ея приближенными и проста въ обращеніи съ ними и была мягкаго чувствительнаго сердца». «Рус. Арх.» 1898 г., кн. 3, стр. 423.

[2]) Нарышкинъ былъ пожалованъ въ Гофмаршалы Двора Его Императорскаго Величества 21 декабря 1817 г. («Спб. Вѣдомости» 1817 года, № 64). Со вступленіемъ на престолъ Императора Николая снова былъ сдѣланъ гофмаршаломъ, затѣмъ оберъ-гофмаршаломъ пожалованъ 13 апрѣля 1829, а 2-го апрѣля 1838 въ званіе оберъ-Гофмейстера. Женатъ былъ на княжнѣ М. Я. Лобановой-Ростовской, которая скончалась въ Гейдельбергѣ въ 1854 г. Оба погребены въ Невской лаврѣ.

[3]) Еще до эпохи реформаціи въ Германіи 24 декабря каждый домъ устраивалъ у себя райское дерево и праздникъ этотъ сталъ, такъ сказать, національнымъ. Въ эпоху среднихъ вѣковъ, на праздникахъ Рождества Христова, въ западной Европѣ для народа устраивались зрѣлища, имѣвшія отношенія къ этому дню. На такихъ зрѣлищахъ представлялись всегда Адамъ и Ева, а также можно было видѣть на сценѣ змія и зеленое райское дерево. Ученые того времени старались разрѣшить вопросъ: къ какой именно породѣ принадлежало райское дерево, плоды котораго повели человѣка къ грѣхопаденію. Въ Шампаньи утверждали, что это виноградная лоза, а въ Германіи и вообще во всей средней и сѣверной Европѣ признавали плоды этого дерева яблоками, не только ради ихъ заманчиваго румянца, но и по поводу игры словъ на латинскомъ языкѣ, на которомъ «malum», значитъ зло, а «e malo»—съ яблони. Такимъ образомъ яблоня сдѣлалась чудеснымъ символомъ исторіи человѣчества отъ Адама до Христа. Дерево со змѣею давало

«Въ это время, говоритъ Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна, Аракчеевъ [1]) былъ самымъ главнымъ совѣтникомъ при Императорѣ. Онъ былъ необходимъ ему и работалъ съ нимъ ежедневно. Черезъ его руки проходили почти всѣ дѣла. Этого человѣка боялись, его никто не любилъ и я никогда не могла понять, какимъ способомъ онъ съумѣлъ удерживаться въ милости Императора Александра до самой его кончины.



Графъ А. А. Аракчеевъ.

Другою личностію, пользовавшеюся особою милостью и дружбою Императора, былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ [2]). Проведя молодость бурно, онъ отличался впослѣдствіи набожностью. Таково же было и настроеніе Императора. Великія событія 1812, 13 и 14 г.г. глубоко потрясли его умъ;

плоды смерти. Дерево, сравниваемое съ крестомъ, олицетворяло Самого Христа, несшаго съ собою плоды жизни. За неимѣніемъ «зеленой яблони» на Рождество въ Германіи стали считать райскимъ деревомъ ель—die Tanne, имѣющее большое сходство съ другимъ словомъ древне-германскаго языка «der Tann», которое въ средніе вѣка означало то же, что́ въ священномъ писаніи называется Эдемомъ, т. е. садъ, рай. См. нами составленный очеркъ «Какъ праздновалъ и празднуетъ народъ русскій Рождество Христово». Изд. Ледерле. Спб. 1895 г.

[1]) Графъ Л. Н. Толстой въ романѣ «Война и миръ» приводитъ разговоры современниковъ о гр. Аракчеевѣ, которые называли его не Алексѣемъ Андреевичемъ, а Силою Андреевичемъ.

[2]) Тогдашній Министръ Народнаго Просвѣщенія, а 1 января 1818 года и Духовныхъ Дѣлъ. Въ 1816 г. подъ покровительствомъ Голицына возникло «Общество любителей русской словесности», составившееся преимущественно изъ молодыхъ писателей и начавшее издавать журналъ, прибыль съ котораго предназначалась для пособія нуждающимся литераторамъ и учащимся. Съ 1817 г. кн. Голицынъ былъ предсѣдателемъ «Человѣколюбиваго Общества»;

до той поры онъ былъ суетенъ и легкомысленъ въ дѣлѣ религіи. Ханжа госпожа Крюднеръ повліяла на него въ томъ-же смыслѣ, почва была хорошо подготовлена и принесла плоды. Кромѣ того, съ княземъ Голицынымъ связывала Императора, съ молодыхъ лѣтъ, давнишняя дружба; князь состоялъ камергеромъ при его Дворѣ, когда Александръ Павловичъ былъ еще Великимъ Княземъ, и первый питалъ ко второму вполнѣ искреннюю и непроходящую привязанность. Я чувствовала себя пріятнѣе въ обществѣ Голицына, чѣмъ Аракчеева, который говорилъ только по-русски и внушалъ мнѣ какой-то инстинктивный страхъ. Въ то время много говорили о военныхъ поселеніяхъ, основанныхъ всего какой-нибудь годъ



Князь А. Н. Голицынъ.

при его же содѣйствіи образовалось и «Попечительное о тюрьмахъ Общество» въ обѣихъ столицахъ, а также попечительство о бѣдныхъ и пріютъ для неизлечимо-больныхъ. Князь Голицынъ, начавшій свою службу еще при Императрицѣ Екатеринѣ II, знавшій всѣ сокровенныя событія въ жизни семьи царской болѣе, чѣмъ за полвѣка, другъ Императора Александра I, писавшій отреченіе Великаго Князя Константина Павловича отъ престола, безгранично и безкорыстно преданный началу самодержавія, но въ то же время показавшій необычайное благородство въ бытность свою членомъ комиссіи, учрежденной послѣ 14-го декабря 1825 г. для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ, не могъ не внушать къ себѣ пріязни со стороны Императора Николая I, который высоко цѣнилъ нравственныя свойства людей и самъ лично съ глубокимъ уваженіемъ относился къ исторіи и завѣтамъ минувшаго. Старикъ князь Голицынъ являлся для Государя Николая Павловича вѣрнымъ и скромнымъ хранителемъ семейныхъ преданій, живымъ звеномъ между настоящимъ и славнымъ прошлымъ. Желая это чувство привить и дѣтямъ своимъ, Императоръ Николай I посылалъ Великаго Князя Константина Николаевича къ княгинѣ Е. Ѳ. Долгоруковой (дочери князя Ѳедора Сергѣевича Барятинскаго) слушать ея разсказы про старину («Рус. Арх.» 1898 г., кн. I, стр. 100).

*

назадъ по мысли самого Государя; осуществленіе этой затѣи было возложено на Аракчеева и производилось далеко не съ кротостью, а напротивъ того—грубымъ и жестокимъ образомъ, что вызывало неудовольствіе въ бѣдныхъ крестьянахъ. По пути намъ попадались тамъ и сямъ жители деревень, колѣнопреклоненные и умолявшіе о томъ, чтобы не измѣняли ихъ положенія (т. е. не обращали бы въ поселянъ).

«Въ концѣ декабря [1]) братъ покинулъ меня. Я проводила его съ грустью и почувствовала новый приливъ тоски по поводу разлуки съ отцемъ, братьями и сестрами,—то была ужасная минута! Но, переживъ ее, я еще болѣе сблизилась съ моимъ Николаемъ, почувствовала, что въ немъ одномъ имѣю поддержку и опору въ моей новой родинѣ, и нѣжность его вполнѣ вознаградила меня за все мною утраченное».

Пребываніе въ Россіи будущаго Императора Вильгельма I имѣло на него большое вліяніе. «Величіе царской власти, говоритъ Лоренцъ [2]), оказало сильное воздѣйствіе на политическія убѣжденія серьезнаго принца Вильгельма, рано принявшагося за изученіе военнаго дѣла. Императоръ Александръ I своею, исполненною загадочнаго обаянія, личностью сумѣлъ внушить ему чувства благоговѣнія такъ же, какъ и большинству изъ тѣхъ, кто вступалъ въ близкое общеніе съ тѣмъ, кого называли «мстителемъ за Европу», а возбуждавшій впослѣдствіи восторженное удивленіе Запада Императоръ Николай I былъ мужемъ любимѣйшей сестры Вильгельма».

Про конецъ 1817 года и начало 1818 года Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна говоритъ: «Мы выѣзжали очень мало, при Дворѣ не было ни одного вечерняго собранія, но часто давались обѣды. По воскресеньямъ обѣдали обыкновенно у maman, въ платьяхъ со шлейфами и на вечеръ появлялись опять въ томъ же костюмѣ; вечеръ проводили у нея въ бесѣдѣ и въ игрѣ въ макао. Признаюсь, вечера эти ужасно мнѣ наскучали по сравненію съ

---

[1]) 28 декабря л.-г. егерскаго полка поручикъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, впослѣдствіи бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ, былъ назначенъ адъютантомъ къ Великому Князю Николаю Павловичу («Моск. Вѣд» 1818 г. № 1).

[2]) Авторъ статьи въ «Deutsche Rundschau», мартъ 1897 г.—«Kaiser Wilhelm I zum 22 Marz 1797—1897».

воскреснымъ препровожденіемъ времени въ Берлинѣ, гдѣ мы рѣзвились, болтали и оживленно веселились, и я теперь съ трудомъ могла скрывать свою скуку Общество на этихъ собраніяхъ бывало ужасно древнее, въ стилѣ рококо: старые, полуслѣпые сенаторы, вельможи [1]) временъ Императрицы Екатерины, находившіеся въ отставкѣ лѣтъ по двадцати или тридцати».

Однимъ словомъ это было время Грибоѣдовской Москвы [2]).

Если это мужское общество наводило на Великую Княгиню Александру Ѳеодоровну скуку, за то дамское отвлекало ее отъ занятій. Жуковскій въ своемъ дневникѣ, отъ 3 ноября 1817 г., записалъ: «Она не выучила своей басни и съ большимъ горемъ разсказывала мнѣ, что ей было некогда: La princesse Moustache (статсъ-дама кн. Наталія Петровна Голицына, рожденная гр. Чернышева) a été chez moi l'après dinée et a passé deux heures entières. Quand ces dames à portrait vous arrivent il ne faut plus badiner. Et moi j'aime tant, quand mon après dinée est à moi.»

«Императрица Марія Ѳеодоровна, говоритъ Оже, французъ, служившій въ л.-г. Измайловскомъ полку [3]), строго держалась придворнаго этикета, установленнаго въ предыдущія царствованія, и покуда она была жива, въ этомъ отношеніи не было сдѣлано ни малѣйшаго измѣненія». Камеръ-пажи ходили въ пудренныхъ парикахъ, и даже вышеупомянутый князь А. Н. Голицынъ до конца своей жизни носилъ сѣрый фракъ, когда фраки такого цвѣта давнымъ-давно вышли изъ моды.

Точно такимъ же воплощеніемъ типа старинныхъ баръ XVIII вѣка былъ Юрій Александровичъ Головкинъ (оберъ-камергеръ царствованія Императора Николая I), съ кончиною котораго (умеръ въ 1844 году) угасла фамилія графовъ Головкиныхъ. Графъ В. А. Соллогубъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что гр. Ю. А. Головкинъ былъ всегда

---

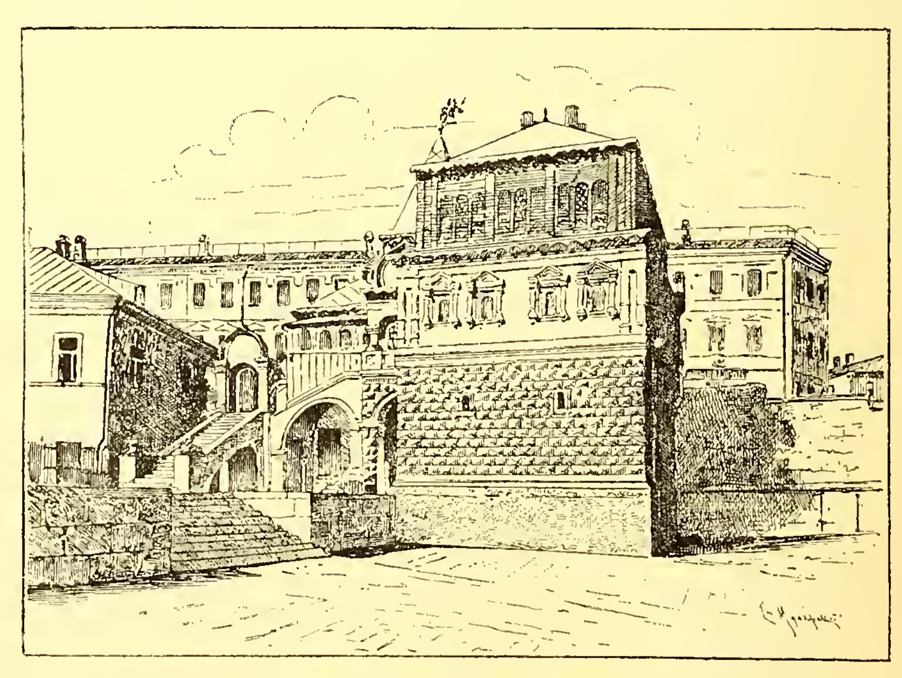
[1]) Позже всѣхъ вельможъ екатерининскаго времени жилъ въ Москвѣ Ив. Ник. Корсаковъ (умеръ въ 1831 г), къ которому ѣзжалъ А. С. Пушкинъ слушать его разсказы про Матушку-Царицу и ея пышный дворъ.

[2]) Въ нынѣшнемъ году «Горе отъ ума» на сценѣ петербургскихъ Императорскихъ театровъ впервые шло въ костюмахъ модныхъ журналовъ 1817—1818 гг., а не 1830-хъ годовъ. Описаніе «Грибоѣдовской Москвы» г-жи Свистуновой «Вѣст. Европы» 1875 г.

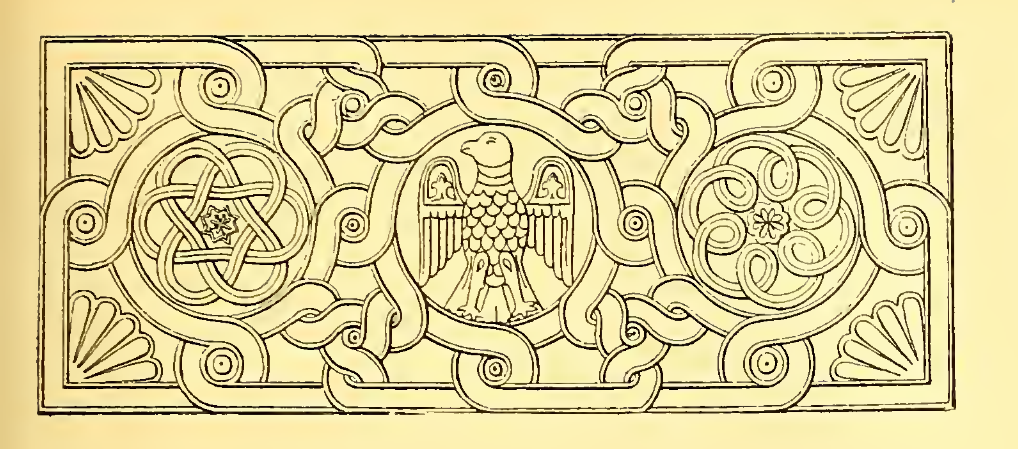
[3]) «Рус. Арх.» 1877 г., т. I, стр. 73.

одѣтъ изысканно, по старинному, носилъ чулки и башмаки съ необычайно красивыми пряжками. Когда онъ входилъ въ комнату, покачиваясь и опираясь на трость съ драгоцѣннымъ набалдашникомъ, то распространялъ очень сильный и пріятный запахъ «Bouquet à la Marechale», коимъ были продушены всѣ его одежды.

Но еще большимъ щеголемъ являлся вице-канцлеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ (1752 † 1838), про котораго Оже пишетъ, что ему каждое утро камердинеръ подавалъ книгу съ образчиками его цвѣтныхъ кафтановъ и къ каждому наряду, соотвѣтственно его цвѣту, имѣлись особый перстень и табакерка; послѣднихъ у него имѣлось болѣе 150 («Рус. Арх.» 1898 г., кн. 3, стр. 367); князь Куракинъ, играя въ карты у Императрицы Маріи Ѳеодоровны, взглянулъ на свой перстень и увидѣлъ, что онъ вовсе не гармонировалъ съ надѣтымъ костюмомъ. Это обстоятельство такъ сильно смутило и разстроило князя, что онъ проигралъ вѣрную игру, стоившую крупной суммы денегъ.



Палаты бояръ Романовыхъ.



Глава III.

РОЖДЕНІЕ СЫНА.



лександръ Благословенный оказалъ чрезвычайное вниманіе Великой Княгинѣ Александрѣ Өеодоровнѣ въ день Богоявленія. Именно 6 января, на Москвѣ рѣкѣ происходило водосвятіе, въ особо устроенной Іордани, причемъ всею кавалеріею командовалъ Великій Князь Николай Павловичъ, а пѣхотою Михаилъ Павловичъ. Великая Княгиня Александра Өеодоровна не присутствовала на этой церемоніи. Но Императоръ Александръ по окончаніи парада лично повелъ войска чрезъ Спасскія ворота въ Кремль мимо митрополичьяго дома, куда поспѣшили обѣ Императрицы, и откуда вмѣстѣ съ Великою Княгинею Александрою Өеодоровною смотрѣли на церемоніальный маршъ кавалеріи и пѣхоты [1]).

На слѣдующій день 7 января былъ данъ балъ гра-

---

[1]) «Москов. Вѣд.» 1818 г., № 4, стр. 83—84.

фомъ Степаномъ Степановичемъ Апраксинымъ [1]), на которомъ для ужина была устроена особая столовая. «Столъ, за которымъ кушали Императрицы, былъ убранъ прекраснѣйшею бронзою и цвѣтами. Вся середина залы оставалась пустою и служила, такъ сказать, мѣстомъ прогулки для тѣхъ, которые не садились ужинать. Въ этой залѣ горѣло болѣе 2000 свѣчъ и кенкетовъ: обширный квадратъ искусственныхъ деревьевъ соединялся цвѣточными гирляндами, на которыхъ были укрѣплены свѣчи, разливавшія необыкновенное сіяніе по всему пространству, центромъ котораго была клумба изъ живой зелени и различныхъ цвѣтовъ, возвышавшаяся до самаго потолка. Девять музъ и Аполлонъ—гипсовыя статуи въ натуральный ростъ,—показывались на пьедесталахъ между деревьями и напоминали, вмѣстѣ со всѣми предметами, о вѣчно радостномъ Олимпѣ и о роскошныхъ пиршествахъ боговъ. Во время ужина гремѣла музыка. По окончаніи стола танцовали еще болѣе получаса и лишь въ половинѣ перваго отбыла Царская фамилія» [2]).

9 января балъ давала княгиня Анна Михайловна Прозоровская, а 13 числа, въ день тезоименитства Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, былъ данъ обѣдъ «для знатнѣйшихъ особъ» Свѣтлѣйшимъ Княземъ Петромъ Вас. Лопухинымъ [3]); затѣмъ, 23 числа состоялся балъ у графини Орловой-Чесменской [4]). «Лишь только Государь изволилъ поя-

---

[1]) Жуковскій, бывшій на обѣдѣ у Апраксина (7 ноября 1817), записалъ въ своемъ дневникѣ: «Тонъ стариннаго боярства кажется страннымъ, потому что не похожъ на обыкновенный нынѣшній. Нѣтъ простоты, но есть величавость»

[2]) «Москов. Вѣд.» 1818 г. № 5.

[3]) Тамъ-же № 8.

[4]) Впослѣдствіи гр. А. А. Орлова жила отшельницей въ Юрьевскомъ монастырѣ, Новгородской губ. «Она сохранила, говоритъ баронесса М. И. Фредериксъ, до старости лѣтъ свой веселый складъ ума, далеко не была ханжей, напротивъ, была проста въ своей набожности. Возвращаясь на короткое время въ свѣтъ, гр. Анна Алексѣевна обращалась опять въ свѣтскую даму, надѣвала брилліанты и ѣздила на пріемы къ Высочайшему Двору. Въ церкви не только не представлялась богомолицей, а молилась просто, какъ всѣ, не дѣлая даже земныхъ поклоновъ и не снимая перчатки съ руки, чтобы креститься. Говорили, что ея духовникъ и руководитель, архимандритъ Фо-

виться, занавѣсь двери поднялась и представила изумленнымъ взорамъ огромную залу, отличавшуюся благородною простотою и блескомъ снѣгу подобнаго мрамора; въ углахъ стояли величественныя мирты, по правую сторону находился бюстъ Императора, въ рощѣ померанцовыхъ, лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, во всемъ ихъ цвѣтѣ и во всей красотѣ, а по лѣвую, въ подобной же рощѣ, находилось мѣсто для Августѣйшихъ гостей» [1]. Въ домѣ Орловой, въ одной изъ залъ, находились два огромные портрета: одинъ князя Григорія Григ. Орлова, въ римской одеждѣ, а другой графа Алексѣя Григорьевича. «Во время бала, даннаго графинею для персидскаго посла, за ужиномъ, поданнымъ на кругломъ столѣ, въ серединѣ его стояло столь огромное померанцевое дерево, что вѣтвями своими, цвѣтомъ и плодами всѣхъ насъ осѣняло, говоритъ М. Евреиновъ [2], не смотря на то, что за столомъ этимъ находилось до 40 человѣкъ. Въ этомъ-то домѣ и давала графиня Орлова балъ для Императора Александра I. Послѣ онъ былъ



Императоръ Александръ I.

тій, налагалъ на нее это наружное послушаніе, когда она возвращалась въ свѣтъ, но что подъ нарядными платьями она будто бы носила власяницу и вериги. Она была высокаго роста, очень полная, не была красива даже въ молодости, но у нея было удивительно свѣтлое и доброе выраженіе лица. Голосъ ея звучалъ замѣчательно пріятно, когда она говорила, и рѣчь ея была увлекательно хороша».

[1]) «Москов. Вѣд.» 1818. г. № 7.

[2]) «Рус. Арх.» 1877 г. т. III, стр. 184-85. Отецъ Орловой за ужиномъ входилъ на хоры и трубилъ въ рогъ, что было сигналомъ къ отъѣзду гостей.

уступленъ для лѣтняго пребыванія Александры Өеодоровны и съ тѣхъ поръ сталъ называться Александринскимъ дворцомъ. Прекрасный садъ этого дома соединялся съ садомъ Нескучнаго».

Наконецъ сезонъ баловъ окончился баломъ, даннымъ 10 февраля П. А. Кологривовымъ, женатымъ на кн. П. Ю. Гагариной [1]).

Въ этотъ день извѣстный баснописецъ и бывшій министръ юстиціи, Ив. Ив. Дмитріевъ, былъ пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, за его предсѣдательствовъ коммисіи для помощи разоренным москвичамъ [2]). Въ томъ-же февралѣ мѣсяцѣ Ив. Ив. Дмитріевъ [3]) писалъ А. И. Тургеневу:



И. И. Дмитріевъ.

«Какъ вы обрадовали меня извѣстіемъ о молодомъ Пушкинѣ. Я его не знаю, но всѣмъ сердцемъ бралъ участіе въ его болѣзни. Радуюсь и окончанію «Грамматическихъ таблицъ» (которыя Жуковскій составлялъ для В. К. Александры Өеодоровны—«Esquisse de grammaire russe St.-Petersbourg 1818» [4]), и возвращенію Жуковскаго въ отечество, изъ поѣздки въ Дерптъ».

[1]) Рожд. кн. Трубецкой, за которой ухаживалъ кн. Потемкинъ-Таврическій, въ лагерѣ подъ Очаковымъ.

[2]) Въ двукратное пребываніе Императора Александра I въ Москвѣ, въ 1816 и 1817 г., поступило прошеній въ коммисію 20.959, изъ нихъ 15.330 прошеній были уважены и роздано 1.391.280 руб.

[3]) Сочиненія Ив. Ив. Дмитріева, изданіе 1893 г., журнала «Сѣверъ», стр. 230. Начальникъ III отдѣленія М. М. Кохъ писалъ о немъ: «Лучшій пробный камень честности и безкорыстія министровъ—сравненіе финансоваго ихъ положенія до вступленія въ управленіе министерствомъ и при выходѣ изъ онаго. Дмитріевъ, оставивъ министерство, не имѣлъ средствъ выѣхать отсюда въ Москву» (см. «Рус. Стар.» 1881 г., т. XXXIII).

[4]) Таблицы эти были напечатаны всего въ 10 экземплярахъ; см. «Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго» К. К. Зейдлица». Спб. 1883 г., стр. 113.

Ковалевскій, авторъ замѣчательной монографіи: «Графъ Блудовъ и его время» [1]), говоритъ: «Жуковскій, назначенный преподавателемъ русскаго языка къ молодой В. К. Александрѣ Ѳеодоровнѣ, также находился въ Москвѣ. Привязавшійся всею поэтическою душею къ своей ученицѣ, онъ переводилъ, по ея желанію, лучшія стихотворенія изъ нѣмецкихъ поэтовъ [2]) и издавалъ ихъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ небольшими брошюрками, подъ названіемъ: «Для немногихъ»—«Fur Wenige», которыхъ вышло 6-ть книжекъ. Онѣ не были въ продажѣ и печатались въ числѣ 75 или 100 экземпляровъ, почему составляютъ библіографическую рѣдкость».

---

[1]) См. Главу VI, стр. 117.

[2]) Замѣтимъ здѣсь, кстати, о романтикахъ, предшествовавшихъ въ русской литературѣ Жуковскому. Присутствіе поэтической грусти замѣтно уже у Карамзина и другихъ представителей сантиментальныхъ вкусовъ въ литературѣ; ею проникнуты въ особенности многія раннія стихотворенія Карамзина, напримѣръ, его посланіе къ И. И. Дмитріеву (1793 г.), въ которомъ онъ высказываетъ своему другу такое неутѣшительное убѣжденіе:

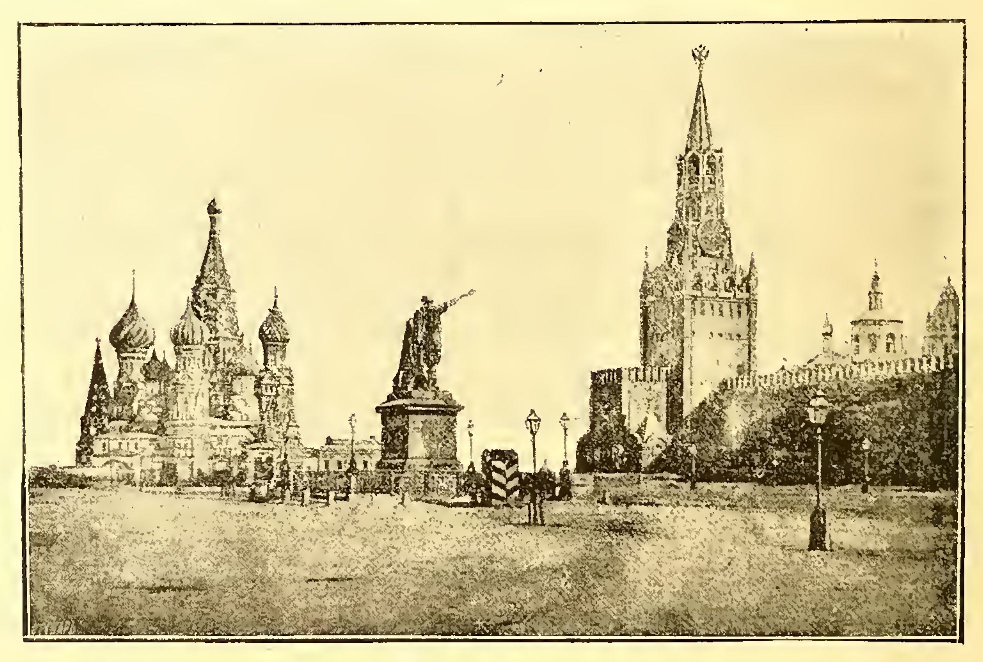
Ахъ! зло подъ солнцемъ безконечно,
И люди будутъ—люди вѣчно!

Точно также баллада «Графъ Гвариносъ», напечатанная Карамзинымъ въ 1789 г. Эта литературная связь Жуковскаго съ Карамзинымъ вполнѣ оправдывается и тѣми личными чувствами дружбы и благоговѣйнаго уваженія, которыя питалъ Жуковскій къ своему славному современнику. Вторымъ предшественникомъ Жуковскаго въ области романтической баллады былъ Гавріилъ Петр. Каменевъ (1772—1805), которому принадлежитъ баллада «Громвалъ». Это произведеніе, по словамъ профессора Е. В. Пѣтухова (см. его статью «О главнѣйшихъ направленіяхъ въ русской литературѣ XVIII и XIX вѣка», напечатанной въ 4 книгѣ «Ученыхъ записокъ Юрьевскаго университета» за 1895 г.) еще ближе, чѣмъ «Графъ Гвариносъ» Карамзина, подходитъ къ типу настоящей баллады въ романтическомъ вкусѣ. Самъ А. С. Пушкинъ отдавалъ дань уваженія литературнымъ заслугамъ Каменева: «Этотъ человѣкъ, говорилъ онъ, достоинъ былъ уваженія; онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти». Не лишено интереса также и то мелкое обстоятельство, замѣчаетъ г. Пѣтуховъ, что названіе баллады Жуковскаго 1810 г. «Громобой» задолго было предвосхищено Каменевымъ въ его повѣсти того же имени, напечатанной въ журналѣ «Муза» 1796 года.

Вотъ образецъ письма Великой Княгини Александры Θеодоровны, относящійся къ этому времени [1]): 7 февр. 1818 г.

«Мнѣ очень непріятно, что я не могу видѣть васъ, какъ обыкновенно. Живописецъ пріѣдитъ сегодня ко мнѣ, потому что вчера было недоразумѣніе. Басни «Людьмила», «Рыцарь Тогенбургъ» должны имѣть терпѣніе до завтра. Вы будете смѣяться надъ этою запискою. Я позволяю и прошу васъ мнѣ сказать, какъ много ошибокъ я сдѣлала. Александра».

Затѣмъ 18-го февраля 1818 года, въ присутствіи Императора Александра I, послѣдовало открытіе въ Москвѣ памятника Минину и Пожарскому. Весьма любопытными являются сооб-



Видъ Красной площади съ памятникомъ Минину и Пожарскому.

щенія объ этомъ событіи въ тогдашней періодической печати. Издатель журнала «Вѣстникъ Европы», М. Т. Каченовскій [2]),

---

[1]) «Рус. Арх.» 1897 г., т. I, стр. 493.

[2]) Историкъ С. М. Соловьевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, пишетъ: «Полемика Каченовскаго противъ Карамзина и Пушкина доставила ему много враговъ. Разсказывали, что Императоръ Николай I, при выборѣ инспектора классовъ къ Наслѣднику, обратилъ вниманіе на Каченовскаго, го-

писалъ: «Слава Царю, хвала благодарнымъ сынамъ Россіи! Безсмертные подвиги Минина и Пожарскаго оживлены для потомства еще въ изваянномъ ихъ образѣ, украшающемъ нынѣ то самое мѣсто, гдѣ за два вѣка прежде, совершилось великое дѣло избавленія Отечества». «Московскія Вѣдомости» свое описаніе открытія памятника начинали словами: «Древняя столица—Москва, разграбленная и сожженная кровожаднымъ непріятелемъ, часъ-отъ-часу болѣе и болѣе приходитъ въ первобытное цвѣтущее состояніе попеченіями и дѣятельностью Монарха».

Фигуры Минина и Пожарскаго, изображающія то мгновеніе, когда Козьма Мининъ приходитъ съ зовомъ на брань къ страждущему отъ ранъ, среди бранныхъ своихъ доспѣховъ, князю Пожарскому, и, указывая на гибнущую Москву, раздуваетъ въ немъ искру того пламени, которымъ озарено лицо героя, вылѣплены знаменитымъ скульпторомъ Академіи Художествъ, Мартосомъ, а отлиты извѣстнымъ литейщикомъ той же академіи, Якимовымъ. Насколько колоссальны фигуры Минина и Пожарскаго, можно судить по тому, что вышина ихъ около $6^1/_2$ аршинъ, т.-е. болѣе на одинъ аршинъ фигуры Петра I на памятникѣ въ Петербургѣ, работы Фальконета. Подножіе памятника Минина и Пожарскаго представляетъ гранитный правильный четыреугольникъ, имѣющій 9 аршинъ въ основаніи; его покрываютъ бронзовые барельефы, относящіеся къ событію, а внизу надпись: «Гражданину Минину и князю Пожарскому—благодарная Россія». Весь памятникъ приготовленъ въ С.-Петербургѣ и осенью перевезенъ въ Москву; несмотря на все это, стоимость сооруженія простиралась не болѣе 150.000 рублей. Изображенія Пожарскаго и Минина въ римскихъ одѣяніяхъ—характерная черта художественнаго вкуса того времени.

18-го февраля 1818 года, вся находившаяся въ Москвѣ гвардія собралась въ 9 часовъ утра на Красную площадь, гдѣ поставленъ памятникъ, и расположилась колоннами: кавалерія—

воря, что уважаетъ этого ученаго, по журналу котораго онъ выучился читать по-русски. Но поклонники Карамзина помѣшали Каченовскому, выставивъ на видъ его вредное направленіе, скептицизмъ» («Рус. Вѣст.» февр. 1896 г., стр. 12).

по правую, а пѣхота и артиллерія—по лѣвую сторону Кремля почти отъ самой часовни Иверской Божіей Матери до Покровскаго собора. Въ 11 часовъ утра пріѣхалъ Государь Императоръ Александръ Павловичъ и Великіе Князья, а вскорѣ послѣ того выѣхала изъ Спасскихъ воротъ карета съ Императрицами Маріею Өеодоровною и Елисаветою Алексѣевною; въ это время деревянный чехолъ, закрывавшій памятникъ, разсыпался. Государь провожалъ ѣхавшую шагомъ карету вдоль всего фронта. Затѣмъ, мимо памятника прошли подъ музыку скорымъ маршемъ войска. Торжество привлекло огромное число жителей Москвы: всѣ лавки, крыши Гостинаго двора, мѣста, устроенныя для дворянства около кремлевской стѣны, наконецъ—самыя стѣны и башни Кремля были усыпаны народомъ.

Спустя три дня, 21-го февраля, Императоръ Александръ I[1]) уѣхалъ изъ Москвы въ Варшаву, а Дворъ остался въ Москвѣ.

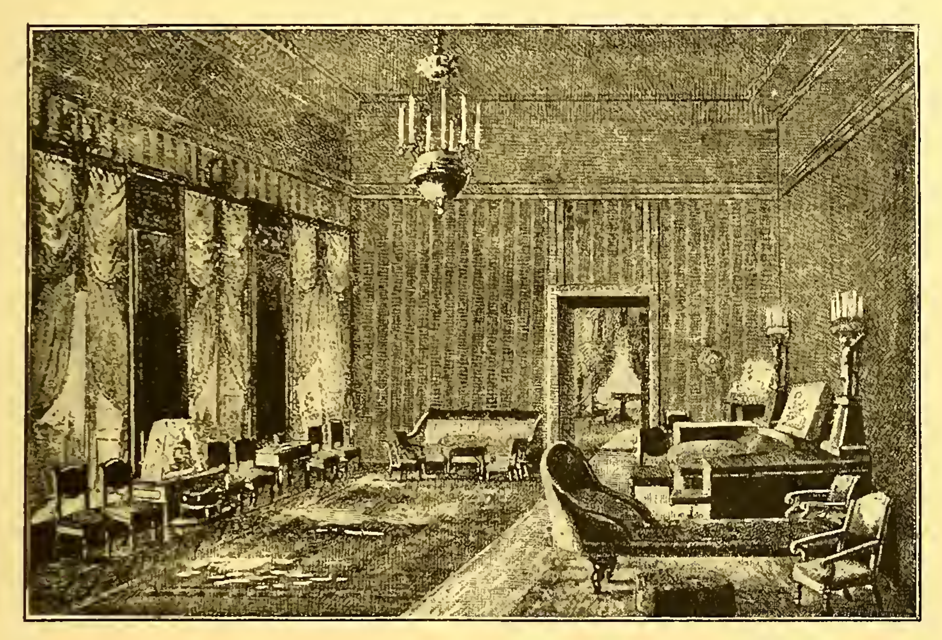
Въ мартѣ мѣсяцѣ (по старому стилю 21 февраля) Императоръ,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Великая Княгиня Александра Өеодоровна,—уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ долженъ былъ произойти первый сеймъ со времени учрежденія новаго Царства Польскаго и съ тѣхъ поръ какъ ему была дарована конституція. Рѣчь [2]), произнесенная Государемъ при открытіи сейма, надѣлала не мало шуму: упоминаю о ней лишь затѣмъ, чтобы напомнить, какъ нѣкоторыя слова этой рѣчи громко отозвались въ русскихъ сердцахъ, возбудивъ ложныя надежды.

---

[1]) Открывъ памятникъ героямъ 1612 года, Императоръ Александръ I рѣшилъ соорудить памятники и героямъ 1812 года—Кутузову и Барклаю, поставивъ ихъ въ Петербургѣ, противъ Казанскаго собора. Статуи ихъ были заказаны лифляндскому уроженцу, скульптору Деннекеру, при чемъ поставлено условіемъ изобразить ихъ въ современныхъ костюмахъ, а не въ тогахъ, какъ было принято въ то время. Но смерть Монарха остановила исполненіе его мысли; почему были забракованы фигуры скульптора-иностранца—неизвѣстно, но впослѣдствіи Императоръ Николай I поручилъ ихъ исполненіе извѣстному скульптору Б. И. Козловскому.

[2]) Онъ въ ней сказалъ, между прочимъ, слѣдующія слова: «Политическое образованіе, существовавшее уже въ вашемъ краю, дозволило мнѣ ввести немедленно тѣ постановленія, которыя я вамъ даровалъ, руководствуясь началами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помысловъ».

Отголосокъ этотъ былъ настолько силенъ, что давалъ себя чувствовать и много еще лѣтъ спустя, а отчасти оказался причиною даже мятежа, сопровождавшаго восшествіе на престолъ моего Николая. Эти политическіе вопросы занимали меня тогда весьма мало: надежда сдѣлаться матерью всецѣло переполняла мое сердце. Эта минута, наконецъ, наступила! На святой недѣлѣ, когда колокола своимъ перезвономъ славословили праздникъ Воскресенія, въ среду, 17-го апрѣля, въ чудный весенній день, въ 11 часовъ, я услышала крикъ моего перваго ребенка!



Видъ комнаты, въ которой родился Великій Князь Александръ Николаевичъ.

Никсъ (Великій Князь Николай Павловичъ) цѣловалъ меня и плакалъ, и мы поблагодарили Бога вмѣстѣ, не зная даже еще, послалъ ли онъ намъ сына или дочь, но тутъ подошла къ намъ maman и сказала: «это сынъ». Мы почувствовали себя еще болѣе счастливыми при этомъ извѣстіи, но помнится мнѣ, что я ощутила нѣчто важное и грустное при мысли, что этому маленькому существу предстоитъ нѣкогда сдѣлаться Императоромъ».

Профессоръ - акушеръ Михаилъ Вилимовичъ Рихтеръ разсказывалъ, говоритъ графъ М. В. Толстой [1]), что

[1]) «Рус. Арх.» 1888 г., т. 2, стр. 75.

отецъ его, Вилимъ Вилимовичъ Рихтеръ, знаменитый въ свое время акушеръ, лично извѣстный Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ по многолѣтней службѣ въ должности директора Московскаго повивальнаго института, былъ приглашенъ для наблюденія за здоровьемъ Великой Княгини Александры Θеодоровны. Вилимъ Вилимовичъ посовѣтывалъ пустить кровь Великой Княгинѣ, но она отозвалась, что никому, кромѣ его самого, не дозволитъ сдѣлать эту неважную операцію. Старикъ-акушеръ, очень давно уже отвыкшій отъ употребленія ланцета, поспѣшилъ снова учиться, пустилъ кровь многимъ женщинамъ въ повивальномъ институтѣ и затѣмъ уже, набивъ руку, рѣшился пустить кровь Ея Высочеству.—Богъ хранилъ мать и младенца, а В. В. Рихтеръ былъ пожалованъ званіемъ лейбъ-акушера [1].

Въ день рожденія В. К. Александра Николаевича Θ. И. Булгаковъ [2]) писалъ князю П. А. Вяземскому слѣдующія строки:

«Великая Княгиня Александра Θеодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени. Гдѣ? въ Москвѣ, въ Кремлѣ! Когда? Въ святую недѣлю! Кѣмъ? Сыномъ! Великимъ Княземъ! Имя Александръ. Какое стеченіе радостныхъ обстоятельствъ! Въ городѣ радость, торжество, народъ стекается въ Кремль, гдѣ, по московскому обычаю, тотчасъ образовалось гулянье, въ каретахъ, колясках, дрожкахъ. Время прекрасное. Жуковскій былъ ввечеру у Ея Высочества, отъ которой получилъ приказаніе быть по утру въ восемь часовъ для обыкновенныхъ упражненій. Завтра съѣздъ въ Дворецъ по утру и молебствіе въ Успенскомъ соборѣ. Съ радостнымъ возвѣщеніемъ отправились: въ Берлинъ—Фредериксъ, а къ Императору Перовскій».

Жуковскій былъ знакомъ Раичу и отцу будущаго поэта Θ. И. Тютчева—Ивану Николаевичу, который захотѣлъ представить ему своего сына и 17 апрѣля рано утромъ повелъ его въ Кремль. Но тамъ колокола и пушки возвѣстили имъ

---

[1]) Біографію его смотри въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, изд. подъ редакціею Старчевскаго.

[2]) «Истор. Вѣст.» 1881 г., т. V, стр. 6.

о рожденіи Великаго Князя Александра Николаевича. Много лѣтъ спустя Ѳ. И. Тютчевъ вспомнилъ это событіе въ стихахъ[1]):

На ранней дней моихъ зарѣ,—
Въ Кремлѣ, рано утромъ въ Чудовомъ монастырѣ.
Въ уютной кельѣ, темной и смиренной —
Тамъ жилъ тогда Жуковскій незабвенный —
Я ждалъ его, и въ ожиданіи
Колоколовъ Кремля я слушалъ завыванье.
За мѣдною слѣдилъ я бурей,
Поднявшейся въ безоблачной лазури
И вдругъ смѣненной пушечной пальбой и т. д.

Въ день рожденія Великаго Князя Александра Николаевича Жуковскій въ своемъ дневникѣ сдѣлалъ слѣдующую запись:

«Одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней. Рожденіе Великаго Князя. Прелестное утро. Чувства веселыя, ясныя, живыя, безъ примѣси. Радость истинная. Конецъ безпокойству. Черты истинной высокости въ характерѣ матери: это великое счастіе. Чѣмъ больше причинъ къ ней привязываться, тѣмъ болѣе прелести въ жизни. Я бы желалъ найти въ ней все. И это будетъ. Она осмотрится въ своемъ новомъ мѣстѣ, узнаетъ свои должности. А эти должности усовершенствуютъ душу ея; душа ея способна совершенствоваться. Поздравленіе Великаго Князя Императрицы».

«Московскія Вѣдомости», въ № 32, отъ 20 апрѣля, писали:

«Богъ услышалъ теплыя молитвы вѣрноподданныхъ, и праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія восхотѣлъ ознаменовать счастливѣйшимъ событіемъ для Россіи. Въ 11 часовъ утра [2]), 17-го числа сего мѣсяца, т. е. въ среду, выстрѣлъ изъ пушки возвѣстилъ намъ благополучное разрѣшеніе отъ бре-

[1]) «Рус. Арх.» 1874 г., т. II, стр. 18.

[2]) Странно, писалъ тотъ-же Булгаковъ къ князю Вяземскому, что Великій Князь Александръ Николаевичъ родился во время парада, въ ту минуту, какъ командовали скорый маршъ. Извѣстіе сіе радостное получено въ Петербургѣ также во время парада и также въ минуту, какъ разводъ пошелъ скорымъ маршемъ», ibidem, стр. 8.

мени Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Александры Ѳеодоровны и обрадовалъ какъ Императорскій благословенный Домъ, такъ и всѣхъ жителей древней столицы Москвы новорожденнымъ Великимъ Княземъ Александромъ. Сіе счастливое событіе пребудетъ навѣки незабвеннымъ въ лѣтописяхъ Москвы, а паче въ сердцахъ жителей ея, издревле приверженныхъ къ Царямъ и Отечеству».

Баронъ П. А. Николаи по тому же поводу говорилъ въ письмѣ къ князю М. С. Воронцову [1]):

«A present rejouissons-nous ensemble de cette magnifique nouvelle de la naissance d'un fils grand et fort à notre cher grand-Duc Nicolas. Je me représente son bonheur et je m' en rejouis de toute mon âme. Nous avons lu ici cette nouvelle de Berlin, ou l'aide de camp Friedrichs l'avait apportée au roi avec une célérité etonnante La bonne grande-Duchesse, qui s'est acquittée de son travail le 17 avril le plus heureusement du monde avait ajouté de sa main quelques lignes à la lettre que le grand-Duc adressa au roi. Quelle bonne journée pour la ville de Moscou».

«Отецъ мой, пишетъ баронесса М. П. Фредериксъ [2]), былъ посланъ въ Берлинъ и удостоился подходить къ кровати и цѣловать руку Августѣйшей матери, въ первыя же минуты рожденія малютки, чтобы быть свидѣтелемъ состоянія здоровья ея и новорожденнаго сына, дабы сообщить объ этомъ ея царственному отцу», который, при первомъ извѣстіи о рожденіи первороднаго внука, пожаловалъ ему орденъ Чернаго Орла.

Императоръ Александръ I получилъ извѣстіе о рожденіи племянника 22 апрѣля [3]) въ г. Староконстантиновѣ (Волынской губ.), гдѣ и былъ данъ слѣдующій рескриптъ:

«Въ 17-ый день Апрѣля наша любезная невѣстка, Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна, разрѣшилась отъ бремени

---

[1]) «Арх. кн. Воронцова» т. 37, стр. 161.

[2]) «Историч. Вѣст.» январь 1898 г. стр 61.

[3]) См. «Моск. Вѣд.» 1818 г., № 42. Біографы Импер. Александра I и Александра II, М. И. Богдановичъ, Н. К. Шильдеръ, С. С. Татищевъ по чему-то говорятъ, что извѣстіе это Импер. Александръ I получилъ 27-го апрѣля, въ мѣстечкѣ Бѣльцахъ.

рожденіемъ Намъ племянника, а Ихъ Императорскимъ Высочествамъ сына, нареченнаго Александромъ. Таковое Императорскаго Дома Нашего приращеніе пріемлемъ мы вящшимъ залогомъ благодати Всевышняго, на Насъ и Нашу Имперію обильно изливаемой, и потому возвѣщая о семъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, пребываемъ удостовѣрены, что всѣ они соединятъ съ Нами усердныя къ Богу молитвы о благополучномъ возрастѣ Новорожденнаго и преуспѣяніи во всемъ, что къ утвержденію вѣры и къ расширенію славы и пользы отечества служить можетъ. Повелѣваемъ впрочемъ во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуетъ, писать и именовать сего любезнаго Намъ племянника Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ. Данъ въ Главной квартирѣ Нашей въ городѣ Староконстантиновѣ Апрѣля 22-го дня въ лѣто отъ Рождества Христова 1818, царствованія же Нашего осьмнадцатое» [1]).

«Пріѣхалъ Перовскій, извѣщалъ Булгаковъ Тургенева, отъ Государя, который чрезмѣрно былъ обрадованъ племянникомъ. Гонецъ-вѣстникъ пожалованъ капитаномъ, а новорожденный шефомъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка. Великій Князь сказалъ, что получилъ прекрасное письмо отъ Государя. Жуковскій спросилъ, можно-ли прочесть оное. Великій Князь отвѣчалъ, что оно не для всѣхъ. Перовскій возразилъ, что, по крайней мѣрѣ, письмо для немногихъ [2]). Великій Князь посмотрѣлъ на Жуковскаго, улыбнулся и перемѣнилъ рѣчь».

«Я помню, пишетъ камеръ пажъ Дараганъ, когда возвратился адъютантъ Великаго Князя Николая Павловича, штабсъ-капитанъ Перовскій, посланный къ Государю съ извѣстіемъ о счастливомъ событіи, Великій Князь поспѣшилъ во дворецъ. Это было во время гофмаршальскаго стола. Онъ удостоилъ зайти и къ намъ въ комнату, гдѣ мы обѣдали. Удивленные и обрадованные мы вскочили съ мѣстъ.

---

[1]) Въ Петербургѣ о рожденіи Великаго Князя Александра Николаевича узнали 23 апрѣля; «по сему радостному случаю было отправлено въ Казанскомъ Соборѣ архіерейское служеніе, также и во всѣхъ прочихъ церквахъ благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, и во весь тотъ день продолжался колокольный звонъ. «С-Петер. Вѣдом.» 1818 г. № 34.

[2]) Намекъ на названіе его переводовъ для Великой Княгини Александры Ѳеодоровны.

«Поздравляю васъ съ новымъ шефомъ гусаръ — сказалъ онъ намъ съ лицомъ, сіяющимъ счастіемъ,—Государь удостоилъ этимъ назначеніемъ моего сына».

Мы бросились цѣловать его плечи. Онъ цѣловалъ насъ всѣхъ и велѣлъ подать шампанское, чтобы мы пили за здоровье шефа гусаръ».

Много лѣтъ спустя князь П. А. Вяземскій вспомнилъ событія эти, въ стихотвореніи «17 Апрѣля 1855 г.»:



«Нашъ славный Кремль Тебѣ былъ славной колыбелью,
А воспріемницей вся Русская Земля:
Въ парадномъ торжествѣ надъ свѣтлою купелью
Святыня древняго и новаго Кремля,
И Царскихъ тѣней ликъ съ Петромъ, съ Екатериной,
И доблестью Отцовъ нетлѣнные вѣка
Съ побѣдоносной Ихъ и свѣтлою дружиной,
И Онъ, еще живой, котораго рука
Высоко вознесла честь Русскаго Народа,
Дала Европѣ миръ въ возмездье за войну,
Благословенный Царь двѣнадцатаго года,
Въ одну молитву всѣ сліявшись, въ мысль одну,

Пророчески Тебѣ на Царство указали [1]),
Благословивъ Тебя Наслѣдникомъ Своимъ—
И Кремль и вся Москва, гордясь, вострепетали,
Помолодѣвъ съ Тобой, младенцемъ ихъ роднымъ»

Пять лѣтъ спустя послѣ рожденія Великаго Князя Александра Николаевича поэтъ К. Ѳ. Рылѣевъ въ пророческой одѣ «Видѣніе», написанной на день тезоименитства будущаго Царя-Освободителя, устами Императрицы Екатерины II говорилъ:

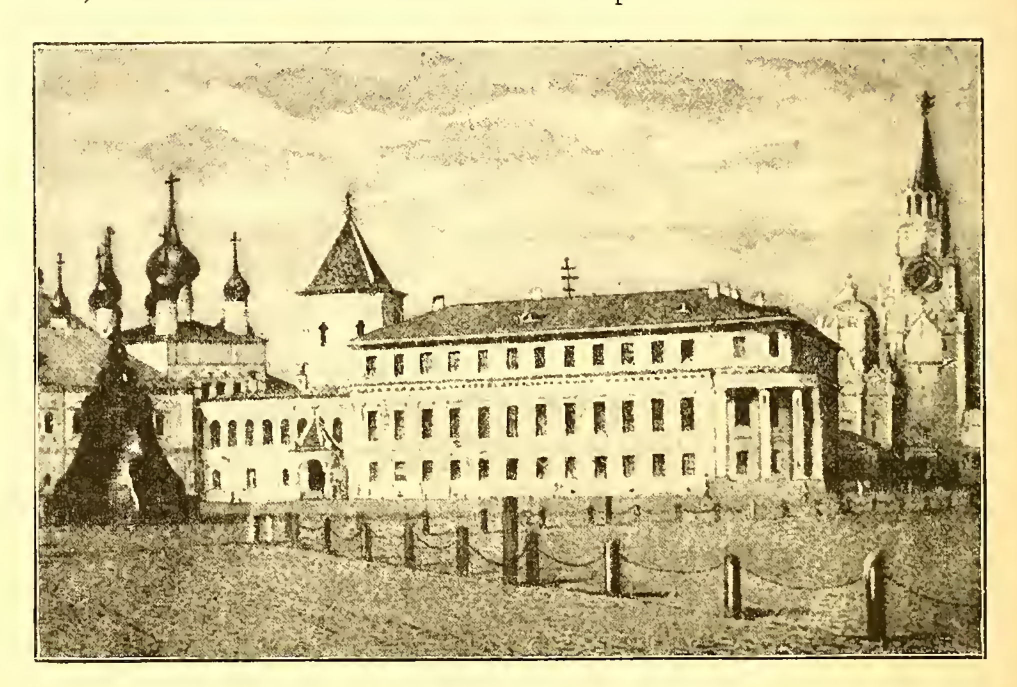
«Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.
Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.
Люби гласъ истинны свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье—истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей.
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность Русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори,—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари».

---

[1]) Здѣсь поэтъ очевидно имѣлъ въ виду слова, сказанныя Императоромъ Александромъ I Фридриху Вильгельму III, когда Великая Княгиня, сіяя счастьемъ, поднесла ему своего маленькаго сына: «Вспомнимъ, Государь, что этотъ ребенокъ родился въ древнемъ дворцѣ Царей, не далеко отъ колыбели дома Романовыхъ и близъ святыхъ вратъ (Иверскихъ), гдѣ чудесный образъ Пресвятой Дѣвы бодрствуетъ и печется о судьбахъ этого города и Россіи» Слова эти произвели сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ.

Ѳ. И. Булгаковъ писалъ отъ 22 апрѣля 1818 г. князю П. А. Вяземскому слѣдующія строки:

Великія дѣлаются приготовленія для крещенія Великаго Князя. Иванъ Алексѣевичъ Нарышкинъ прискакалъ безъ ума изъ Петербурга, думая, что въ таковыхъ случаяхъ церемоній-мейстеръ нужнѣе кума и кумы. Лаваль [1]), говорятъ, въ отчаяніи, что не хватился и далъ себя опередить».



Видъ Малаго Николаевскаго дворца.

Таинство св. крещенія было совершено надъ новорожденнымъ въ церкви Чудова монастыря 5 мая. «Въ 11 часовъ утра, пишетъ камеръ-пажъ Дараганъ, обѣ Императрицы, сойдя по Красному крыльцу и встрѣченныя громкими радостными криками народа, сѣли въ парадную придворную карету, запряженную въ 8 лошадей, и переѣхали къ дому, занимаемому Великимъ Княземъ. Разстояніе отъ дворца, какъ извѣстно, самое незначительное. По ихъ прибытіи, началось шествіе въ

---

[1]) Графъ Ив. Ст. Лаваль былъ французскій эмигрантъ, начавшій свою службу учителемъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Дочь статсъ-секретаря Козицкаго влюбилась въ него и подала просьбу Императору Павлу I о раз-

церковь святителя Алексѣя, находящуюся въ Чудовомъ монастырѣ, смежномъ съ домомъ [1]), который занимали Ихъ Высочества.

«Шествіе открывали, какъ обыкновенно, гофъ-фурьеры и камеръ-фурьеры, церемоніймейстеръ, камеръ-юнкера, камергеры и придворные чины. За ними шли обѣ Императрицы рядомъ, а сзади Ихъ Великій Князь Николай Павловичъ. За ними статсъ-дама графиня Ливенъ несла царственнаго младенца; покрывало поддерживали съ одной стороны генералъ-отъ-кавалеріи графъ Тормасовъ, а съ другой — дѣйствительный тайный совѣтникъ Юсуровъ. За новорожденнымъ шли герцогъ и герцогиня Виртембергскія и принцесса Марія. При входѣ въ церковь, Императрицы были встрѣчены митрополитомъ Августиномъ и духовенствомъ съ крестомъ и святою водою. Началось крещеніе духовникомъ Императора (протопресвитеромъ Криницкимъ). Воспріемниками были Императоръ Александръ I, Король Прусскій и Императрица Марія Θеодоровна. Но она одна величественная и радостная стояла предъ купелью, бережно держа на рукахъ залогъ будущаго счастія Россіи. Великій Князь Николай Павловичъ вышелъ въ ближайшій покой и тамъ оставался все время крещенія».

По окончаніи обряда, во время пѣнія Тебѣ Бога хвалимъ произведенъ салютъ въ 201 выстрѣлъ изъ пушекъ, поставлен-

рѣшеніи ей вступить съ нимъ въ бракъ, такъ какъ мать ея, наслѣдница богатаго купца, не соглашалась на это. Государь потребовалъ объясненій и на отвѣтъ вдовы Козицкой, что Лаваль не нашей вѣры и что у него маленькій чинъ, далъ такую резолюцію: «Онъ христіанинъ, я его знаю, и для Козицкой чинъ у него весьма достаточный, а потому—обвѣнчать». Потомъ Лаваль, во время пребыванія Людовика XVIII, снабжалъ его деньгами, за что и былъ пожалованъ графомъ. Домъ Лаваля въ Петербургѣ находился рядомъ съ Сенатомъ (теперь г.г. Поляковыхъ) и славился роскошью и своими праздниками, точно также какъ Лавальская дача на Аптекарскомъ островѣ (принадлежитъ нынѣ книгопродавцу Вольфу, но самый домъ сгорѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ вмѣстѣ съ корсетною фабрикою, которая въ немъ помѣщалась). Рядомъ съ дачею Лаваля находилась дача Д. А. Нарышкина, у Крестовскаго моста (теперь въ ней устроенъ лѣсопильный заводъ), супруга котораго Марья Антоновна, рожденная Святополкъ-Четвертинская, была красивѣйшею изъ женщинъ того времени. О ней разсказано выше, на стр. 19.

[1]) Малый Николаевскій дворецъ былъ построенъ архитекторомъ Казаковымъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Въ 1879 г. дворецъ

ныхъ въ Кремлѣ, у Алексѣевскаго монастыря, при колокольномъ звонѣ [1]) всѣхъ московскихъ церквей.

Въ тотъ-же день въ покояхъ вдовствующей Императрицы былъ обѣденный столъ для высшаго духовенства, статсъ-дамъ и особъ первыхъ трехъ классовъ, а вечеромъ по всей Москвѣ зажглась блестящая иллюминація.

Нѣсколько дней послѣ этого событія В. А. Жуковскій поднесъ слѣдующее стихотвореніе Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которое вошло въ собраніе его сочиненій, изданныхъ въ томъ-же 1818 году.



В. А. Жуковскій.
(Съ портрета Кипренскаго 1817 г.)

этотъ капитально ремонтированъ, но въ немъ все осталось такъ, какъ было въ 1818 г. Меблировка дворца въ стилѣ Empire; въ немъ есть замѣчательныя картины, какъ напримѣръ: «Коронація Станислава Августа», писанная Белоти-Каналети; «Пожаръ Кремля» Айвазовскаго и др. Къ дворцу примыкаетъ съ востока садъ—за нимъ дворъ, а далѣе другой, служебный, гдѣ у одной изъ стѣнъ совершенно неожиданно встрѣчается запертая рѣшетчатая желѣзная дверь, за которой видны ряды надгробныхъ плитъ. При реставраціи дворца и подведеніи подъ него фундамента, на глубинѣ 9 аршинъ, онѣ были найдены и изъ нихъ сдѣлано это кладбище.

[1]) Нынѣшняго успенскаго или праздничнаго колокола, вѣсящаго 4 т. пуд., тогда на Иванѣ Великомъ не было, а висѣлъ меньшаго вѣса, отлитый мастеромъ Слизовымъ въ 1760 г., который перелитъ въ настоящій вѣсъ не ранѣе 1819 г.

Государынѣ Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ

НА РОЖДЕНІЕ

Великаго Князя Александра Николаевича.

Изображу ль души смятенной чувство?
Могу ль найти согласный съ нимъ языкъ?
Что лирный гласъ, и что пѣвца искусство?..
Ты слышала сей милый, первый крикъ,
Младенческій припѣвъ существованью,
Ты зрѣла блескъ проглянувшихъ очей,
И прелесть устъ, открывшихся дыханью...
О! какъ дерзну я мыслію моей
Приблизиться къ симъ тайнамъ наслажденья?
Онъ пролетѣлъ, сей грозный часъ мученья;
Его смѣнилъ небесный гость Покой,
И тишина исполненной надежды;
И первымъ сномъ сомкнувъ безпечны вѣжды,
Какъ Ангелъ, спитъ Твой сынъ передъ Тобой...
О Матерь, кто, какой языкъ земной
Изобразитъ сіе очарованье?
Что съ жизнію прекраснаго дано,
Что намъ сулитъ въ грядущемъ упованье,
Чѣмъ прошлое для насъ озарено,
И темное къ безвѣстному стремленіе,
И ясное для сердца Провидѣнье,
И что душа небеснаго досель
Въ самой себѣ невѣдомо скрывала —
То все теперь безъ словъ Тебѣ сказала
Священная младенца колыбель...
Забуду ль мигъ, навѣки незабвенный?..
Когда шепнулъ мнѣ тихой вѣсти гласъ,
Что наступилъ рѣшительный Твой часъ —
Безвѣстности волненіемъ стѣсненный,
Я ободрить мой смутный духъ спѣшилъ
На ясный день животворящимъ взглядомъ;
О! какъ сей взглядъ мнѣ душу усмирилъ!
Безоблачны, надъ пробужденнымъ градомъ,
Какъ благодать, лежали небеса:
Ихъ мирный блескъ, младой зари краса,
Всходящая какъ новая надежда;
Туманная, какъ таинство, одежда
Надъ красотой воскреснувшей Москвы;
Безчисленны церквей ея главы,
Какъ алтари зажженные востокомъ,
И вѣчный Кремль, протекшимъ мимо Рокомъ
Нетронутый свидѣтель Божества,
И всюду гласъ святаго торжества,
Какъ будто гласъ Москвы преображенной...
Все, все душѣ являло ободренной
Божественный спасенія залогъ.
И съ вѣрою, что близко Провидѣнье,
Я устремлялъ свой взоръ на тотъ чертогъ,
Гдѣ Матери священное мученье
Свершалося, какъ жертва въ оный часъ...
Какъ выразить сей часъ невыразимый,
Когда еще сокрыто все для насъ,
Сей часъ, когда два Ангела незримы,
Податели конца иль бытія,
Свидѣтели страданія безвластны,
Еще стоятъ въ невѣдѣньи, безгласны,
И робко ждутъ, что скажетъ Судія,
Кому изъ двухъ невозвратимымъ словомъ
Иль жизнь илъ смерть велитъ благовѣстить?..
О! что въ сей часъ подъ тѣмъ сбывалось кровомъ,
Гдѣ мигъ одинъ былъ долженъ разрѣшить
Намъ Промысла намѣреніе тайно,
Угадывать я мыслью не дерзалъ;
Но сладкій гласъ мнѣ душу проникалъ:
«Здѣсь Божій міръ; ничто здѣсь не случайно».
И вѣрила безтрепетно душа.
Межь тѣмъ, востокъ спокойно соверша,
Какъ ясный Богъ, горѣло солнце славой;

Изъ храмовъ гласъ моленій вылеталъ;
И тишины исполненъ величавой,
Торжественно державный Кремль стоялъ. .
Казалось, все съ надеждой ожидало.
И въ оный часъ предъ мыслію моей
Минувшее безмолвно воскресало.
Сія рѣка, свидѣтель давнихъ дней,
Протекшая межь столькихъ поколѣній,
Спокойная межь столькихъ измѣненій,
Мнѣ славною блистала стариной;
И образы великихъ привидѣній
Надъ ней, какъ дымъ, влетали предо мной:
Мнѣ чудилось: развертывая знамя,
На бой и честь скликалъ полки Донской;
Пожарскій мчалъ, сквозь ужасы и пламя,
Свободу въ Кремль по трупамъ Поляковъ;
Среди дружинъ, хоругвей и крестовъ
Романовъ бралъ могущество державы;
Вводилъ полки безсмертья и Полтавы
Чудесный Петръ въ столицу за собой;
И праздновать звала Екатерина
Румянцова съ вождями предъ Москвой
Ужасный пиръ Кагула и Эвксина.
И дальнія лѣта перелетѣвъ,
Я мыслію ко близкимъ устремился.
Давно - ль, я мнилъ, горѣлъ здѣсь Божій гнѣвъ?
Давно ли Кремль разорванный дымился?
Что зрѣли мы?.. Во прахѣ домъ Царей:
Безславіе разбитыхъ алтарей;
Святилища, лишенныя святыни;
И вся Москва,какъ гробъ среди пустыни.
И что жь теперь?.. Стою на мѣстѣ томъ.
Гдѣ супостатъ ругался надъ Кремлемъ,
Зажженною любуяся Москвою—
И тишина святая надо мною;
Москва жива; въ Кремлѣ семья Царя;
Народъ, тѣснясь къ ступенямъ алтаря,
На праздникѣ великомъ Воскресенья
Смиренно ждетъ надежды совершенья,
Ждетъ милаго пришельца въ Божій свѣтъ...
О! какъ у всѣхъ душа заликовала,
Когда молва въ громахъ Москвѣ сказала
Исполненный Создателя обѣтъ!
О! сладкій часъ, въ надеждѣ, въ страхѣ жданный!
Гряди въ нашъ міръ, Младенецъ, гость, желанный!
Тебя узрѣвъ, колѣнопреклоненъ,
Младый Отецъ предъ Матерью спасенной,
Въ жару любви рыдаетъ, словъ лишенъ;
Передъ Твоей невинностью смиренной
Безмолвная Праматерь слезы льетъ;
Уже Москва *своимъ* Тебя зоветъ...
Но какъ понять, что въ часъ сей непонятный
Сбылось съ Твоей, младая Мать, душой?
О! для нея открылся міръ иной.
Твое дитя, какъ вѣстникъ благодатный,
О лучшемъ ей сказало бытіи;
Чистѣйшія зажглись въ ней упованья;
Не для Тебя теперь Твои желанья,
Не о Тебѣ днесь радости Твои;
Младенчества обвитый пеленами,
Еще безъ словъ, незрящими очами
Въ Твоихъ очахъ любовь встрѣчаетъ онъ;
Какъ тишина, Его прекрасенъ сонъ,
И жизни вѣсть къ Нему не достигала...
Но ужь Судьба свой судъ объ немъ сказала;
Уже въ ея святилищѣ стоитъ
Ему испить назначенная чаша.
Что скрыто въ ней, того надежда наша
Во тмѣ земной для насъ не разрѣшитъ...
Но Онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскресшаго Кремля!
Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавый,
Кругомъ Его и небо и земля.
Питавшія Россію въ колыбели:
Здѣсь жизнь отцевъ великая была;
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла—
Обманетъ ли сіе знаменованье?..
Прекрасное Россія упованье
Тебѣ въ Твоемъ младенцѣ отдаетъ.
Тебѣ Его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ ко входу съ бури свѣта
Пускай Тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойнымъ счастья быть,

Великое съ величіемъ сносить.
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ Онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ*.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага *всѣхъ—свое* позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила Царей великихъ внуку.
Съ Тобой ему начать сію науку.
Теперь, едва проснувшійся душой,
Предъ матерью, какъ будто предъ судьбой,
Безпечно Онъ играетъ въ колыбели,
И радости младыя прилетѣли
Ея покой прекрасный оживлять;
Житейское отъ ней еще далеко...
Храни ее, заботливая мать,
Твоя любовь всевидящее око;
Въ Твоей любви святая благодать.

---

13 мая Императрица Марія Өеодоровна возвратилась изъ богомольнаго путешествія въ Троицко-Сергіевскую лавру, Ростовъ и Воскресенскъ, а на слѣдующій день въ тѣ же мѣста отправилась Императрица Елисавета Алексѣевна. Въ это же время Великій Князь Николай Павловичъ архіепископу Августину написалъ письмо, такого содержанія [1]):

«Преосвященнѣйшій Владыко! Со страхомъ, свойственнымъ человѣку слабому, и съ надеждою, не покидающею человѣка вѣрующаго, видѣлъ я приближеніе рѣшительнѣйшей минуты въ моей жизни. Не зная, что опредѣлило мнѣ Провидѣніе, радость или горесть, я подкрѣпилъ душу мою обѣщаніемъ, и ожидалъ съ покорностію воли Божіей.

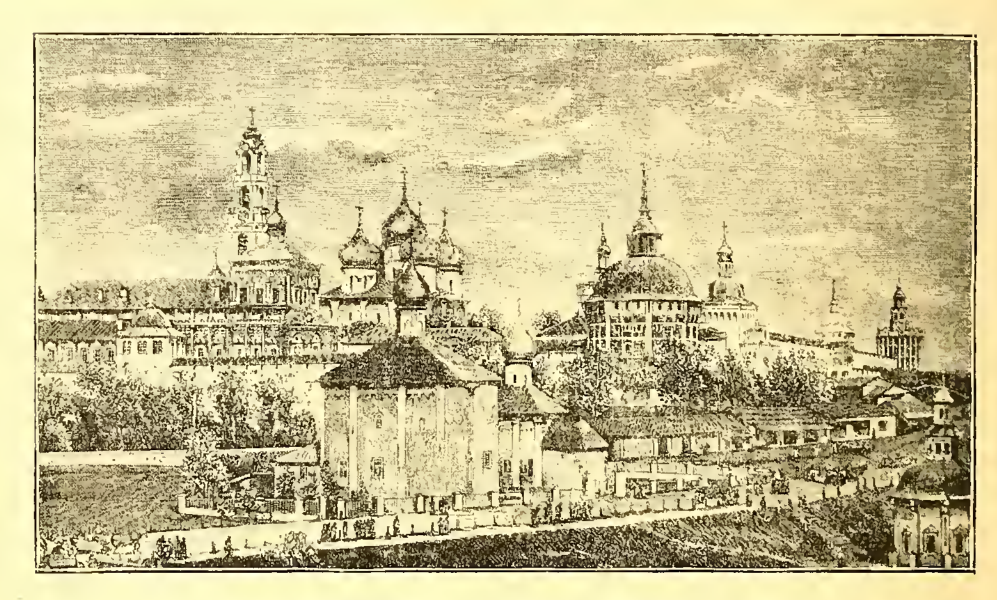
Ему угодно было благословить меня счастіемъ отца; Онъ сохранилъ и мать и младенца! Изъявленіе благодарности не нужно Тому, Кто читаетъ въ глубинѣ души; но оно необходимо душѣ благодарной. Обѣщаніе мое, которое спѣшу исполнить, состояло въ томъ, чтобы во имя Александра Невскаго воздвигнуть придѣлъ въ церкви Новаго Іерусалима (въ Троицко-Сергіевской лаврѣ): — это смиренное приношеніе счастливаго отца, повѣряющаго Отцу всемогущему свое драгоцѣннѣйшее благо участь жены и сына.

Васъ, преосвященнѣйшій Владыко, прошу быть мнѣ помощникомъ и руководцемъ въ исполненіи сего обѣта, священнаго моему сердцу. Пускай передъ Алтаремъ, воздвигаемымъ благо-

---

[1]) «Моск. Вѣд.» 1818 г. № 42.

дарностію отца, приносятся молитвы и о матери и сынѣ; да продлитъ Всемогущій Ихъ жизнь для собственнаго ихъ счастія, на службу Государю, на честь и пользу отечества».



Видъ Троице-Сергіевской лавры.

22-го мая пріѣхалъ въ Москву Великій Князь Константинъ Павловичъ, который во все время своего пребыванія въ Москвѣ помѣщался въ уборной Государя [1]).

«Шесть недѣль послѣ рожденія Великаго Князя Александра Николаевича прошли для меня, пишетъ Александра Ѳеодоровна, самымъ пріятнымъ, спокойнымъ и однообразнымъ образомъ; княгиня Софія Трубецкая приходила иногда вечеромъ почитать вслухъ часъ или два. Я пережила чудную минуту, когда понесла новорожденнаго на рукахъ въ Чудовскую церковь, къ гробницѣ св. Алексѣя.

«Вскорѣ Москва сдѣлалась сіяющей и оживленной. Императоръ возвратился изъ Польши и изъ поѣздки въ Одессу и Крымъ, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ принцъ Филиппъ Гессенъ-Гамбургскій, посланный отъ имени австрійскаго императора въ Варшаву. Онъ настолько понравился Государю и такъ сошелся съ нимъ, что Императоръ пригласилъ принца сопровождать его въ путешествіи».

[1]) Письмо Булгакова къ Тургеневу отъ 23-го мая 1818 г.

ИМПЕРАТРИЦА

АЛЕКСАНДРА ӨЕОДОРОВНА.

(1798—1860 г.).

II

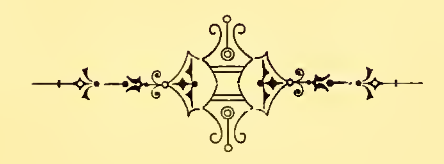
ВЫПУСКЪ.

И. Н. Божерянов.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ СУПРУГИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

съ одною автотипіею и 50 рисунками въ текстѣ.





С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, д. № 39.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Марта 1900 г.

ОТЪ АВТОРА.

Въ третій выпускъ, какъ и въ первые два, войдутъ двѣ съ половиною главы, а именно:

VI. Жизнь до воцаренія мужа.

VII. Первые четыре года Императрицею.

VIII. Жизнь 1830-хъ годовъ (начало главы).

Независимо отъ портретовъ и рисунковъ, помѣщаемыхъ въ текстѣ, къ III выпуску будутъ приложены на отдѣльныхъ листахъ: факсимилэ гравюры на мѣди Райта, съ портрета писаннаго Довомъ—Императрица Александра Өеодоровна, Императоръ Николай Павловичъ и Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, въ трехъ медальонахъ, и рисунокъ Зауервейда въ двѣ страницы, на которомъ изображенъ обрядъ св. крещенія Его Императорскаго Высочества, въ Бозѣ почивающаго, Великаго Князя Николая Николаевича.



1-го іюня возвратился въ Москву Императоръ Александръ I, а день спустя, 3-го, онъ поѣхалъ на встрѣчу королю прусскому Фридриху—Вильгельму III, котораго сопровождалъ отъ границы князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой, назначенный состо-



Князь В. С. Трубецкой.

ять при особѣ короля прусскаго. «Князь Трубецкой [1]), по словамъ А. О. Смирновой, пользовался общимъ уваженіемъ; онъ получилъ чисто французское воспитаніе и былъ большимъ

[1]) Первымъ бракомъ былъ женатъ на кн. Аннѣ Биронъ, сестрѣ герцогини Доротеи Саганской, а вторымъ на красавицѣ Софіи Андр. Вейсъ, о которой было говорено на стр. 45, главы I.

любителемъ живописи. Императоръ Александръ возлагалъ на него миссіи и между прочимъ посылалъ его къ принцу Оранскому и на коронацію Георга IV. Онъ былъ хорошъ собою и очень изященъ; въ 1825 г. князь былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ С.-Петербурга, послѣ того, какъ убитъ былъ Милорадовичъ. Государь написалъ на листѣ бумаги о его назначеніи, давъ ему широкія полномочія. Листокъ этотъ сохранился въ семействѣ Трубецкаго и почеркъ Николая Павловича свидѣтельствуетъ о его невозмутимомъ спокойствіи».

За нѣсколько станцій отъ Москвы, короля встрѣтилъ Императоръ Александръ и, проводивъ его до Кунцова, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ, возвратился въ Москву. Кунцово принадлежало тогда Нарышкину; имѣніе это отличается чуднымъ гористымъ мѣстомъ, напоминающимъ нѣсколько окрестности петербургскаго Парголова, но тутъ къ красотамъ природы присоединяется дивный видъ на Москву. Поэтъ И. И. Козловъ писалъ:

«Бывало, я въ лѣсу уединенномъ,
Гдѣ Кунцово на холмѣ возвышенномъ
Задумчивой плѣняетъ красотой,
Брожу одинъ вечернею зарей;
Москва-рѣка тамъ съ синими волнами,
Въ тѣни березъ, межъ дикими кустами,
Шумя, блеститъ и, прихотей полна,
То скрылась вдругъ, то вдругъ опять видна».

На встрѣчу отцу въ Кунцово выѣзжала и Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна, какъ о томъ она пишетъ въ своихъ запискахъ.

4-го іюня происходилъ торжественный въѣздъ короля прусскаго въ Москву. По Тверской улицѣ были разставлены шпалерами войска. Государь и Фридрихъ Вильгельмъ III, Великій князь и наслѣдный принцъ прусскій, сопровождаемые многочисленной свитой, ѣхали верхами. Императрица Марія Ѳеодоровна, окруженная дворомъ, встрѣтила гостя на красномъ крыльцѣ. Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна смотрѣла изъ оконъ покоевъ вдовствующей Императрицы. «Я любовалась, говоритъ она, на блестящій поѣздъ, проѣзжавшій вдоль древнихъ зубчатыхъ стѣнъ Кремля. И впала, въ какой-то бла-

женный экстазъ! Сердце мое трепетало отъ радости и я не знала какъ достаточно благодарить Бога».

Съ пріѣздомъ прусскаго короля послѣдовали въ честь его ежедневныя празднества.

На другой день на Кремлевской площади былъ разводъ и ученье Павловскому баталіону, и затѣмъ каждый день начинался ученіемъ и разводомъ одного изъ гвардейскихъ баталіоновъ, причемъ Государь отдавалъ военную почесть своему высокому соратнику и другу. Потомъ слѣдовалъ обѣдъ у Государя, служа за которымъ ежедневно наслѣдному принцу прусскому, камеръ-пажъ Дараганъ, имѣлъ возможность разглядѣть высокихъ гостей, которыхъ описываетъ въ слѣдующемъ видѣ: «Король прусскій казался гораздо старѣе нашего Императора. Онъ былъ молчаливъ, серьезенъ. Движенія его были медленны. Строгія черты лица выражали какое-то постоянное неудовольствіе и угрюмость. Иногда, слушая Государя или Императрицъ, мелькала улыбка на его мрачномъ лицѣ, но на одинъ мигъ, точно падающая звѣзда на темномъ осеннемъ небѣ. Вѣроятно прежнія его несчастія и потеря любимой супруги наложили на него этотъ отпечатокъ грусти и неудовольствія. Наслѣдный принцъ былъ плотный, молодой человѣкъ. Красноватое лице его не имѣло никакого сходства съ красивымъ лицомъ брата и сестры. Оно казалось нѣсколько обыденнымъ, но онъ былъ говорливъ, ласковъ и привѣтливъ».

Позже онъ, вступивъ на престолъ подъ именемъ Фридриха Вильгельма IV, «вовсе не заботился знать,-пишетъ герцогъ Эрнестъ Саксенъ-Кобургскій, въ своихъ мемуарахъ [1]),—согласуются ли его слова съ тѣмъ, что̀ рѣшалось его правительствомъ. Главное для него заключалось въ томъ, чтобы блеснуть своимъ умомъ, какъ будто бы рѣчь шла объ университетскомъ диспутѣ. Приказанія и отмѣна ихъ слѣдовали непосред-

---

[1]) «Aus meiner Leben und aus meiner Zeit». Этотъ герцогъ, братъ мужа королевы Викторіи, стремился играть въ Германіи выдающуюся роль, для чего основалъ пресловутый Nazional Verein, который долженъ былъ руководить общественнымъ мнѣніемъ. Бернгарди, авторъ «Die ersten Regierungsjahre König Wilhelms I», пользовался гостепріимствомъ герцога, пока послѣдняго не послали поѣхать на охоту въ Африку.

*

ственно другъ за другомъ при его правленіи, и полный недостатокъ рѣшительности былъ для него самого источникомъ мученій». Такими же красками рисуетъ его французскій посланникъ де Мутье [1]).

Но самъ король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III проявилъ слѣдующую благородную черту своего характера. Онъ спросилъ, не осталось ли въ городѣ какого либо зданія, съ котораго можно было бы разомъ осмотрѣть развалины тогдашней Москвы· Для этой цѣли была избрана башня на домѣ Пашкова, гдѣ нынѣ помѣщается Румянцевскій музей. Когда прусскій король съ сыномъ взобрались туда, разсказываетъ Киселевъ [2]), и окинули взглядомъ представившійся имъ рядъ погорѣлыхъ улицъ и домовъ, Фридрихъ Вильгельмъ III, этотъ деревянный человѣкъ, какъ его называли, сталъ на колѣни, приказавъ и сыну сдѣлать то же. Отдавъ Москвѣ три земныхъ поклона, онъ со слезами на глазахъ нѣсколько разъ повторилъ: «Вотъ наша спасительница».

5 іюня вечеромъ, въ 7 часовъ былъ балъ въ Грановитой палатѣ, который открыла Императрица Марія Ѳеодоровна съ королемъ прусскимъ.

На слѣдующій день, 6 іюня, гости осматривали соборы, Оружейную палату, главный военный госпиталь, Головинскій дворецъ, въ саду котораго князь Н. Б. Юсуповъ приготовилъ завтракъ. Во дворцѣ, во время фамильнаго обѣда, Государю донесли о пожарѣ въ Рогожской части. Онъ тотчасъ же всталъ изъ-за стола, просилъ присутствующихъ не безпокоиться и уѣхалъ на пожаръ.

Вечеромъ ѣздили въ садъ къ графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому [3]), а возвратясь ужинали у Великой Княгини Александры Ѳеодоровны.

---

[1]) «La Prusse et son Roi» par G. Rothan Paris 1888 an.

[2]) «Графъ Киселевъ и его время», т. IV. стр. 7.

[3]) Садъ этотъ находился среди Москвы, разведенный на 50-ти десятинахъ земли, чрезъ него протекала рѣка Яуза. Этотъ садъ въ 1826 г. посѣтилъ Великій Князь Александръ Николаевичъ (см. «Рус. Стар.» 1885 г. т. 45, стр. 346).

7-го іюня ѣздили въ село Архангельское къ кн. Юсупову, гдѣ вечеромъ былъ балъ. На этотъ балъ въ первый разъ послѣ благополучнаго разрѣшенія, явилась Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна. «Счастливая мать, она казалась еще прелестнѣе. пишетъ Дараганъ, веселѣе, очаровательнѣе. Балъ былъ открытъ Императрицею-матерью съ прусскимъ королемъ, за ними шелъ Государь съ Великою Княгинею Александрою Ѳеодоровною, Государыня Елизавета съ наслѣднымъ принцомъ прусскимъ, а Великій Князь Николай съ принцессою Виртембергской».

9-го іюня дало балъ Московское дворянство [1]).

10-го іюня Императрица Марія Ѳеодоровна пригласила гостей осмотрѣть заведенія, находившіяся подъ ея вѣдомствомъ. Она начала съ Александровскаго мѣщанскаго института и потомъ Вдовьяго дома. Послѣ обѣда посѣтили Екатерининскій институтъ, гдѣ былъ приготовленъ вечерній завтракъ.

По словамъ одной «знатной дамы [2])» любовь Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ своимъ учрежденіямъ и ея постоянныя заботы о нихъ не встрѣчали сочувствія въ ея ближайшемъ кругу. «При Дворѣ—передаетъ вышеназванная дама слова, слышанныя ею отъ Императрицы Александры Ѳеодоровны,—была мода насмѣхаться надъ «maman» и ея разговоромъ, вертѣвшимся на учебныхъ заведеніяхъ и больницахъ. Однажды въ Москвѣ, разсказывала Александра Ѳеодоровна—maman показывала моему отцу свои учрежденія, Императоръ Александръ Павловичъ велъ меня подъ руку и повторялъ: снисхожденія, снисхожденія (de l'indulgence, de l'indulgence!).—Но я въ этомъ не нуждаюсь—отвѣчала я:—я восхищаюсь, нахожу все великолѣп-

---

[1]) А. П. Барсуковъ въ очеркѣ «Россійское Благородное Собраніе въ Москвѣ» (Москва 1888 г), на стр. 22 говоритъ, что, по случаю посѣщенія короля прусскаго собраніе постановило «дать праздникъ, а какъ примѣрно въ наличной суммѣ не достаетъ отъ 7 до 8 тысячъ руб., то оную сумму издержать въ кредитъ. Между тѣмъ, довести до свѣдѣнія Е. И. В. Государя кратчайшимъ образомъ, не теряя времени, что деньги на угощеніе. высокаго гостя у членовъ собранія готовы, и по Высочайшей волѣ, назначенный праздникъ 9 числа отъ усердія всѣхъ членовъ быть имѣетъ».

[2]) «Изъ записокъ знатной дамы», Рус. Арх. 1882 г., кн. I, стр. 212.

нымъ. это мнѣ нравится и меня трогаетъ.—Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Императрица Елизавета давала тонъ такимъ насмѣшкамъ».

При такихъ посѣщеніяхъ съ Императрицею-матерью, Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна производила чарующее впечатлѣніе на институтокъ. Такъ А. О. Смирнова въ своемъ «Дневникѣ Екатерининскаго института», описывая пѣніе знаменитой синьоры Каталани, приглашенной Императрицей-матерью, говоритъ: «За Императрицей Елизаветой вошла Сильфида, въ голубомъ креповомъ платьѣ, съ бирюзой на шеѣ и въ волосахъ; у нея бѣлокурыя локоны. Она хороша, прелестна, высока, тонка; талія у нея, какъ у лиліи; она проскользнула точно фея, покачиваясь, какъ тростникъ. Императрица-мать поцѣловала ее и сказала: «Шарлота! Я очень тронута и благодарю васъ! Вы принарядились для моихъ дѣтокъ.»

«Сильфида поцѣловала ей руку. Вмѣстѣ съ ней вошелъ молодой офицеръ, въ красномъ мундирѣ, очень высокій, очень блѣдный, очень худой. У него внушительная фигура. Это Великій Князь Николай съ супругой.—Мы видѣли, что Великій Князь носилъ палатину за Великою Княгиней и все время смотрѣлъ на нее. Онъ должно быть очень ее любитъ. Мы всѣ бредили Сильфидой, даже третье отдѣленіе. Нашъ классъ рѣшилъ молиться за нее» [1]). Тѣ же сердечныя отношенія являла Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна вообще къ молодежи, ставъ Императрицею. «Дѣти и дѣвицы ее окружали какъ мать родную», говоритъ въ своихъ запискахъ баронесса Фредериксъ.

11-го іюня Императрица Марія Ѳеодоровна показывала Воспитательный домъ и Голицынскую больницу [2]), главнымъ директоромъ которой, съ 1807 г., состоялъ князь Сергій Михайловичъ Голицынъ (1774+1859 г.), почетный опекунъ московскаго опекунскаго совѣта и членъ совѣта при училищахъ ордена св. Екатерины и Александровскомъ, посвятившій всю

---

[1]) Записки Смирновой». Часть I, стр. 109—112.

[2]) Жихаревъ въ своихъ «Запискахъ современника» говоритъ, что пѣвчіе въ Голицынской больницѣ были очень хороши», но все не то, что колокольниковскіе, у Никиты мученика; изъ числа послѣднихъ Самойловъ (отецъ актера В. В. Самойлова) былъ взятъ на петербурскій театръ въ оперу.

свою дѣятельность на служеніе Москвѣ. Князь С. М. Голицынъ обожалъ Императора Александра II какъ своего крестника и былъ счастливъ, участвовавъ при его коронаціи, въ почетномъ званіи коронаціоннаго маршала.



Медаль въ честь князя С. М. Голицына.

7-го апрѣля 1857 г. князь Сергій Михайловичъ праздновалъ 50-лѣтіе своей службы [1]) въ званіи почетнаго опекуна. Въ память этого дня было Высочайше разрѣшено выбить особую медаль съ изображеніемъ князя, и золотую поднести юбиляру;

---

[1]) «Князь С. М. Голицынъ Воспоминаніе 50-ти лѣтней службы» Москва 1859 г. Онъ былъ женатъ на Евдокіи Ив. Измайловой (1770—1850), носившей названіе «la Princesse Nocturne». А. Я. Булгаковъ писалъ. о ней что «ея сердце холодно и нечувствительно, а голова немного въ безпорядкѣ или лучше, comme on ditexaltée, но хороша. умна и любезна, отчаянная особа». Она была немного похожа на кн. А. П. Гагарину, что свидѣтельствуетъ и С. Н. Глинка («Рус. Арх.» 1899 г. № 6 стр. 33).

серебряныя раздать почетнымъ опекунамъ, а бронзовыя служащимъ по Вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи въ Москвѣ. Кромѣ того всемилостивѣйше пожалованъ былъ князю С. М. Голицыну тройной портретъ: Его Величества Государя Императора и Августѣйшихъ его Родителей, богато осыпанный брилліантами, для ношенія въ петлицѣ.

Домъ князя Голицына находился на Пречистенкѣ. Самъ князь былъ очень популяренъ среди простого московскаго народонаселенія, которое его величали просто по имени и отчеству.

Въ его подмосковной (с. Кузминки), въ 1852 г., князя Голицына видѣлъ саксонскій дипломатъ при нашемъ Дворѣ, графъ Фицтумъ-фонъ-Экштедтъ по словамъ котораго «князь въ своемъ бѣлокуромъ парикѣ и вставленными зубами,'производилъ, отчасти, впечатлѣніе автомата или восковой фигуры, но оказался гостепріимнымъ, привѣтливымъ старцемъ, который вновь оживалъ, когда рѣчь заходила о добромъ, старомъ времени, о дняхъ молодости. Кутузовъ и Растопчинъ были его друзьями юности, Одному изъ своихъ племянниковъ онъ поручиль показать намъ свои хозяйственныя заведенія. Скотный дворъ былъ полонъ превосходными коровами іоркширской породы нарочно, привезенными изъ Англіи на особыхъ, для сего нанятыхъ корабляхъ. Проводникъ нашъ замѣтилъ, что наслѣдники князя наврядъ ли будутъ въ состояніи продолжать подобную роскошь, такъ какъ литръ молока обходится его дядюшкѣ нѣсколько дороже литра шампанскаго. Въ отличныхъ лошадяхъ, преимущественно рысистой орловской породы тоже не было недостатка; однимъ словомъ, то была образцовая ферма въ величественнѣйшемъ стилѣ». Съ княземъ С. М. Голицынымъ исчезъ послѣдній представитель русскаго боярства. Маленькій сѣденькій, съ небольшимъ хохолкомъ князь Голицынъ изображенъ на портретѣ Зарянко, находящемся въ Румянцевскомъ музеѣ.

Въ 1830 г. князь Голицынъ былъ назначенъ попечителемъ московскаго учебнаго округа, а въ 1845 г. предсѣдателемъ Московскаго опекунскаго совѣта. Умеръ онъ 7 февраля 1859 г., въ званіи члена Государственнаго Совѣта и въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса, имѣя всѣ россійскіе ордена первыхъ степеней.

Вечеромъ 11-го іюня былъ балъ у графини Орловой Чесменской [1]), которымъ закончились празднества въ честь короля.

12-го іюня Государь уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы тамъ встрѣтить своего высокаго гостя. А еще ранѣе, 9 числа, былъ отправленъ въ Павловскъ новорожденный Великій Князь въ сопровожденіи адъютанта Великаго Князя Николая Павловича, капитана В. Ѳ. Адлерберга и состоящихъ при новорожденомъ дамъ, въ числѣ которыхъ находилась и матушка Адлерберга; надзору ея со дня рожденія былъ порученъ Великій Князь Александръ Николаевичъ; также докторъ Крейтонъ и няня англичанка Марія Вас. Кайсовская, которую впослѣдствіи всѣ дѣти Александры Ѳеодоровны звали «Мими». Затѣмъ послѣдовали выѣзды Императрицы Елизаветы Алексѣевны, Великаго Князя Николая Павловича съ Супругой, Короля прусскаго съ наслѣднымъ принцемъ, а Великій Князь Константинъ Павловичъ отправился въ Варшаву.

14 іюля король прусскій ѣздилъ въ Останкино къ графу Шереметеву, а Великій Князь Николай Павловичъ съ супругой былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ на закладкѣ предѣла въ память рожденія сына. Проектъ мраморнаго иконостаса котораго составлялъ академикъ Витберъ.

16-го іюня выѣхала Императрица Марія Ѳеодоровна.

Наставникъ Великой Княгини Александры Ѳеодоровны Жуковскій, поднеся свои стихи на рожденіе Великаго Князя

---

[1]) На стр. 98 главы III сказано уже, что свой домъ гр. Орлова, впослѣдствіи уступила для лѣтняго пребыванія Императрицы Александры Ѳеодоровны и онъ сталъ называться Александринскимъ дворцомъ въ Нескучномъ. Въ 1861 г. 8 Іюня Императоръ Александръ II съ Семьей ѣздилъ отсюда въ село Коломенское, принадлежавшее отцу Петра Великаго, гдѣ былъ мѣстный праздникъ. «Августѣйшіе посѣтители, говоритъ Ѳ. И. Тютчевъ, роздали множество пряниковъ и наградили приданнымъ не одну чету. Тогда же состоялась негласная поѣздка Государя и Государыни съ ихъ дочерью на родину Сусанина въ Костромскую губ. Они ходили на кладбище села Домнина и завтракали въ крестьянской избѣ» (Рус. Ар. 1899 г. кн. 8 стр. 591).

Александра Николаевича, отправился также въ отпускъ. Замѣчательно что первымъ напечатаннымъ произведеніемъ Жуковскаго были пророческіе «Стихи на случай рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Павловича», помѣщенные въ 1796 г. въ журналѣ Мартынова «Муза», какъ о томъ свидѣтельствуетъ М. А. Дмитріевъ, въ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти». Приводимъ это четверостишіе:

«Грозамъ ли древо всколебать
Корнями въ Нордѣ укрѣпленно?
Для вѣчныхъ отраслей рожденно—
Дерзнутъ ли громы устрашать?»





Глава IV.

ВОЗВРАЩЕНІЕ И ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.



ся императорская фамилія и ея высокіе гости съѣхались въ Царскомъ Селѣ.

«Тамъ, говоритъ Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна, устраивались катанья въ двадцати дрожкахъ, которыя слѣдовали другъ за другомъ, съ Императоромъ Александромъ во главѣ, ужины происходили въ различныхъ павильонахъ сада — было вечернее собраніе въ эрмитажѣ, другое собраніе на островѣ, посреди пруда, и еще въ Павловскѣ у вдовствующей Государыни. Потомъ (22 іюня, въ 6 часовъ пополудни) состоялся торжественный въѣздъ короля прусскаго въ Петербургъ съ выстроеннымъ войскомъ и множествомъ парадныхъ экипажей. Все это настолько походило на мой прошлогодній въѣздъ, что я словно сонъ переживала. Только проѣзжая мимо Аничкова дворца и увидѣвъ въ одномъ изъ оконъ, на рукахъ у няни, маленькаго Сашу, настоящее сказалось самымъ пріятнымъ образомъ, и глаза мои наполнились слезами. При выходѣ изъ эки-

пажа у Казанскаго собора, Императоръ подалъ мнѣ руку и, замѣтивъ мое смущеніе, сказалъ мнѣ на ухо:

«Этихъ душевныхъ волненій не слѣдуетъ стыдиться, они пріятны Господу!»

«Мой отецъ занялъ заново для него отдѣланныя комнаты въ Зимнемъ дворцѣ, которыя составляли прежде покои Императора Павла. Мы ужинали въ семейномъ кругу у него, въ фонарѣ, обращенномъ къ большой площади. На этихъ ужинахъ однѣ только дамы сидѣли за столомъ, а мужчины ужинали стоя. Я была внѣ себя отъ радости, что находилась близь отца и брата Фрица. Дядя мой, принцъ Карлъ Виртембергскій, также пріѣхалъ въ свитѣ короля. Затѣмъ начались празднества; смотры, парады, пріемы, балы, катанья по островамъ, посѣщенія



Видъ Марли въ Петергофѣ.

институтовъ [1]). Послѣднія занимали особенно много времени, такъ какъ Императрицѣ-Матери доставляло удовольствіе показывать ихъ медленно и обстоятельно, останавливаясь на каждомъ шагу, чтобы объяснить королю что и почему. Она обыкновенно шествовала подъ руку съ моимъ отцомъ, Императрица Елизавета съ королевскимъ принцемъ, а моя рука доставалась на долю Императора Александра I, который казался въ восторгѣ отъ этого и по этому поводу высказывалъ тысячу пріятныхъ, любезныхъ и лестныхъ вещей, приводившихъ меня въ самое прекрасное настроеніе.

«Петергофскій праздникъ, справляемый всегда 22-го іюля былъ на сей разъ отпразднованъ 1-го іюля [2]), по случаю пребыванія короля моего отца. Поутру была отслужена обѣдня у насъ, въ Аничковомъ дворцѣ, затѣмъ мы отправились въ Петергофъ; день былъ великолѣпный. Фонтаны, зелень, море и небо, все вмѣстѣ увеличивало красоту этого мѣста, которое съ перваго раза понравилось и королю и всѣмъ прочимъ гостямъ». По словамъ Дарагана: «Петергофскій праздникъ въ то время былъ эпохою для Петербурга. Все его населеніе перекочевывало на этотъ день въ Петергофъ. Туда манило его не столько блестящая иллюминація, какъ-такъ называемый, маскарадъ, хотя въ немъ не было ни одной маски, который давался въ залахъ дворца и на которомъ можно было вблизи видѣть всю Императорскую фамилію.



Гербъ г. Петергофа.

---

[1]) 30 іюня въ Екатерининскомъ институтѣ былъ король прусскій, гдѣ для него былъ устроенъ въ саду сельскій праздникъ («СПБ. Вѣдом.», 1818 г. № 56).

[2]) Въ этотъ день, въ первый разъ должна была быть произведена Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ раздача дочерямъ нижнихъ чиновъ л.-гв. Измайловскаго полка и Сѣверскаго конно-егерскаго въ приданое процентовъ съ капитала въ 10.000 руб., пожалованнаго Императрицею Маріею Өеодоровною, въ память бракосочетанія Его Высочества (см. «Рус. Стар.», 1896, т. 86, стр. 632).

«Тогда Петергофъ не былъ еще тѣмъ Петергофомъ, который теперь обстроенъ, распланированъ и украшенъ заботою полюбившаго его Императора Николая I. Дворецъ, нѣсколько придворныхъ и казенныхъ зданій: казармы, гранильная и писчебумажная фабрики и англійскій дворецъ Императрицы Екатерины II,—среди разбросанныхъ скромныхъ деревянныхъ домиковъ, принадлежащихъ низшимъ придворнымъ служителямъ и матросамъ,—вотъ все, что составляло тогдашній Петергофъ. Дачъ въ немъ не было. Въ то время лѣтнія помѣщенія петербуржцевъ ограничивались дачами, тянувшимися по обѣимъ сторонамъ петергофскаго шоссе, въ большинствѣ принадлежавшихъ аристократическимъ и богатымъ фамиліямъ, дачами на островахъ и крестьянскими избами ближайшихъ деревень [1]).

«Сообщенія были затруднительны [2]) и дороги, а потому непремѣнный переѣздъ лѣтомъ на дачу не былъ въ такомъ всеобщемъ употребленіи, какъ теперь. Въ Петергофѣ, возлѣ самаго дворца были еще пустыри и рощицы, и на этихъ-то пустыряхъ таборомъ располагалось петербургское населеніе. Главнымъ мѣстомъ бивака служила просторная площадь противъ верхняго дворцоваго сада. Кареты, коляски, телѣги размѣщались на ней въ живописномъ безпорядкѣ. Возлѣ экипажей готовили обѣдъ, пили чай. Въ каретахъ одѣвались дамы. Отъ одного экипажа къ другому ходили съ визитами. Неумолкаемый, веселый говоръ стоялъ надъ площадью. И сколько тамъ возникало комическихъ сценъ, романическихъ завязокъ.

---

[1]) Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1853 г., банкиру барону Штиглицу была разрѣшена постройка желѣзной дороги въ Петергофъ, а открылась она въ іюнѣ 1857 г., такъ что Императоръ Николай I всю жизнь ѣздилъ на лошадяхъ въ свой любимый Петергофъ.

[2]) По словамъ «записокъ» Шуазель-Гуфье въ то время въ Петербургѣ было только два публичныхъ мѣста для гуляній: «Лѣтній садъ, съ превосходной золоченой рѣшеткой и Екатерингофскій паркъ, куда народъ стекался массами въ воскресные и праздничные дни. Экипажи особъ высшихъ классовъ кружились въ аллеяхъ этого парка, въ которомъ праздновалось и 1 мая. Въ толпѣ мужики и богатые купцы, одѣтые въ русское платье, прогуливались въ сопровожденіи женъ и дочерей, одѣтыхъ по европейской модѣ».

«Во дворцѣ день праздника начинался выходомъ въ церковь и поздравленіями Императрицы. Послѣ обѣдни былъ разводъ предъ дворцомъ, на площадкѣ верхняго сада, а въ 4 часа парадный обѣдъ. Вечеромъ въ 7 часовъ Императорская фамилія спускалась на крыльцо нижняго сада, садилась въ линейки и проѣзжала по всѣмъ освѣщеннымъ аллеямъ сада. За линейками Императорской фамиліи слѣдовали линейки, на которыхъ помѣщались придворные, въ томъ числѣ камеръ-пажи и военная свита Императора и Великихъ Князей; длинной вереницей проѣзжали линейки по иллюминованнымъ аллеямъ, наполненнымъ публикою, которая тѣснилась около нихъ, медленно и съ трудомъ передвигаясь по саду. Съ отъѣздомъ Императорской фамиліи на иллюминацію, двери дворца открывались для публики и скоро всѣ залы наполнялись ею. Эта общедоступность посѣщенія дворца, въ присутствіи Императорской фамиліи, и составляла ту отличительную черту, по которой этотъ вечеръ въ дворцѣ носилъ названіе маскарада. По возвращеніи Высочайшихъ лицъ съ катанья, начинался маскарадъ.

«Три хора музыкантовъ играли въ разныхъ залахъ польскій. Государь съ Императрицей выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ; за ними шли Великіе князья Николай Павловичъ съ Императрицею Елизаветою и Михаилъ Павловичъ съ Великой Княгиней Александрой Ѳеодоровной, а за ними весь дворъ попарно; Государь и всѣ военные были безъ оружія и имѣли шляпы на головахъ, а на плечахъ черное домино, такъ называемый венеціанъ. Это былъ единственный признакъ маскарада, всѣ были безъ масокъ и безъ маскараднаго костюма. Императорская фамилія обходила нѣсколько разъ залы, входила для отдыха въ внутренніе покои и затѣмъ, въ 10 часовъ, удалялась ужинать. Маскарадъ кончался и публика расходилась довольная, что вблизи могла наглядѣться на Царскую семью».

«На слѣдующій день, говорить Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна, вдовствующая Государыня возила насъ на «собственную дачу», которая меня особенно привлекала своею густою листвою и своей маленькой уединенной часовней, располагая душу къ молитвѣ. Всю жизнь жила во мнѣ склонность къ меланхоліи и мечтательности. Послѣ развлеченій свѣтской жизни, я любила углубляться въ самое себя и въ такія минуты

природа [1]) оказывалась для меня столь же необходимою, какъ хорошая проповѣдь, и болѣе всѣхъ проповѣдниковъ въ мірѣ вѣщала мнѣ о Богѣ и о чудныхъ благодѣніяхъ, оказываемыхъ Имъ своимъ созданіямъ»!

Въ заключеніе въ Ораніенбаумѣ былъ сожженъ фейерверкъ, букетъ котораго состоялъ изъ 40.000 ракетъ.

Конецъ пребыванія прусскаго короля въ Петербургѣ былъ омраченъ неожиданною болѣзнью Великаго Князя Николая Павловича, который заболѣлъ корью. Празднества смѣнились тревожной тишиной, такъ какъ Великая Княгиня Александра Өеодоровна никому не уступала ухода за больнымъ своимъ мужемъ.

«Прошло еще нѣсколько дней, пишетъ она, и мой отецъ (5 іюля) покинулъ насъ; мы провожали его до Гатчины. Тамъ я простилась съ дорогимъ и добрымъ отцомъ съ грустью, но съ обѣщаніемъ и надеждою увидѣться съ нимъ на слѣдующій годъ. Едва возвратившись въ Аничковъ дворецъ, я захворала,—у меня тоже оказалась корь; на пятый день я почувствовала себя особенно дурно; у меня разболѣлась грудь, но нѣсколько піявокъ, во-время поставленныхъ, облегчили мои страданія, и выздоровленіе пошло быстро. Нашего маленькаго Сашу удали-

---

[1]) Недаромъ поэтъ Тютчевъ, вспоминая Императрицу Александру Өеодоровну, восклицалъ:

«Я зналъ ее еще тогда
Въ тѣ баснословные года,
Какъ передъ утреннимъ лучомъ
Первоначальныхъ дней звѣзда
Ужъ тонетъ въ небѣ голубомъ».

и заключалъ свое стихотвореніе словами:

«И жизнь ея тогда была
Такъ совершенна, такъ цѣла,
И такъ средѣ земной чужда,
Что, мнится, и она зашла,
А не погибла—какъ звѣзда».

Старшая дочь Тютчева, Анна Өеодоровна (1829—1889) жена И. С. Аксакова, въ 1853 г. была назначена фрейлиной, а впослѣдствіи заняла должность наставницы Великой Княгини Маріи Александровны, нынѣ герцогини Саксенъ-Кобургъ Готской.

ли; онъ жилъ въ Таврическомъ дворцѣ. подъ покровительствомъ вдовствующей Государыни. Мой братъ и принцъ Гессенъ-Гомбургскій облегчили и значительно оживили періодъ выздоровленія своимъ присутствіемъ и своею любезностію.

«Принцъ Филиппъ по истинѣ былъ очень милъ; человѣкъ свѣтскій и въ то же время храбрый воинъ, онъ обладалъ искусствомъ смѣшить, никогда не забываясь и не позволяя себѣ никакихъ вольностей. Судьба не разъ еще сталкивала насъ при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, и онъ



Видъ Елизаветина павильона въ Павловскѣ.
Съ рисунка В. А. Жуковскаго.

всегда былъ для насъ тѣмъ же преданнымъ другомъ и любезнымъ собесѣдникомъ. Онъ пріѣзжалъ вторично въ Россію ко дню нашей коронаціи въ 1826 г. Въ третій разъ Императоръ австрійскій присылалъ его во время турецкой войны въ главную квартиру, и я видѣла его тогда въ Одессѣ [1]) въ 1828 го-

[1]) Гдѣ Императрица Александра Θеодоровна провела почти 4 мѣсяца, что имѣло весьма благотворное вліяніе на состояніе Одессы и всего Новороссійскаго края. (См. книгу «Одесса 1794—1894» стр. LI). Кромѣ упомянутаго принца, при арміи нашей были посланники: французскій – Мортемаръ, ганноверскій Дернбергъ, датскій—Блумъ и прусскій генералъ Ностицъ.

ду. Четвертый разъ онъ былъ въ Варшавѣ, во время нашей коронаціи польскою короною.

«Наконецъ, братъ мой и принцъ Филиппъ покинули насъ, и разумѣется гораздо скорѣе, чѣмъ я того желала; мы отправились проводить остальную часть лѣта въ Павловскъ».

Тамъ вдовствующая Императрица пожелала приготовить сюрпризъ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ ко дню ея тезоименитства, 5-го сентября. «Великій Князь Николай Павловичъ, пишетъ Дараганъ, взялся быть руководителемъ этого семейнаго праздника. Въ залѣ верхняго этажа была устроена небольшая сцена. Выбраны сюжеты для живыхъ картинъ, приглашены лица, которыя должны были въ нихъ участвовать, привезены изъ Петербурга театральные костюмы, и Великій Князь, какъ директоръ этой небольшой, импровизированной труппы, началъ дѣлать репетиціи. Представленіе кончалось дуэтомъ Родрига и Химены. Это было что-то вродѣ музыкально-живой картины, или, какъ тогда называли romance en action. Партію Родрига пѣлъ графъ Сологубъ [1]), партію Химены — княгиня Долгорукова. Фрейлина Великой Княгини графиня Шувалова, прелестная брюнетка, представляла наперсницу Химены, а я — оруженосца Родрига. При открытіи картины Химена пѣла куплетъ и, взявъ шарфъ изъ рукъ своей наперсницы, надѣвала его на преклонившаго предъ ней колѣно Родрига.

Потомъ Родригъ поднимается, обращаясь къ оруженосцу и пѣлъ:

Donnez, donnez et mon casque et ma lance,
Je veux prouver, que Rodrigue a du coeur.

При этомъ я передавалъ ему шлемъ и копье. Картина оканчивалась прощальнымъ дуэтомъ, въ которомъ оба клялись въ вѣчной любви. Великій Князь Николай Павловичъ принималъ дѣятельное участіе въ постановкѣ живыхъ картинъ. Я помню, по этому случаю, какъ мы, юноши, завидовали молоденькому камеръ-пажу Императрицы, Титову, который долженъ былъ си-

[1]) Графъ Александръ Ивановичъ, отецъ писателя, умеръ въ 1844 году, въ чинѣ тайн. совѣтника.

дѣть у ногъ прелестной Нарышкиной [1]), положивъ свою голову на ея колѣни. Предъ началомъ представленія всѣ мы, въ театральныхъ костюмахъ, собрались въ комнатѣ, смежной со сценой; пришелъ Великій Князь, любезно шутилъ и осматривалъ каждаго.

— «Ты не совсѣмъ готовъ — сказалъ онъ мнѣ; потребовалъ свѣчу и пробку и нарисовалъ мнѣ усы. Вотъ теперь ты настоящій оруженосецъ. A vos places, mes belles dames du premier. Иду пригласить Императрицъ».

Представленіе удалось вполнѣ. Всѣ картины были повторяемы, не исключая и нашей съ пѣніемъ, которая, по новости своей, заслужила болѣе другихъ похвалъ.

Отмывъ усы, переодѣвшись и напудрившись, явился я къ ужину за стуломъ Великой Княгини Александры Θеодоровны. Возлѣ нея сидѣла Императрица Елизавета Алексѣевна. Она обратилась ко мнѣ и сказала по русски:

— «И вы участвовали въ моемъ праздникѣ? Я васъ очень благодарю»!

Голосъ Императрицы Елизаветы имѣлъ весьма пріятную мелодичность. Какая-то особенная доброта, кротость и мягкость слышались въ немъ. Онъ невольно привлекалъ и проникалъ въ душу, точно такъ, какъ и ласковый, свѣтлый взглядъ ея голубыхъ прекрасныхъ глазъ. Черты лица ея были тонки и правильны, но красныя пятна скрывали красоту ихъ. Въ походкѣ и движеніяхъ ея было много граціи, особенно женственности. Она почти всегда носила на головномъ токѣ райскую птичку, которую Императоръ привезъ ей изъ Парижа [2]). Тогда это была новость. За обѣдомъ молчаливая она отвѣчала только нѣсколькими словами на обращенную къ ней рѣчь. Взоръ ея

---

[1]) Марья Антоновна (род. 1779 † 1854, въ Мюнхенѣ) играла важную роль при дворѣ, какъ выше уже сказано; Державинъ сочинилъ на ея свадьбу въ 1795 г. пастушескую эклогу «Новоселье молодыхъ», а въ 1809 году стихи къ «Аспазіи». Мужъ ея Дм. Львовичъ, оберъ Егермейстеръ († 1838 г.) носилъ чулки и башмаки, кудрявые волосы, являя собою живую картину человѣка стараго времени. По смерти Нарышкина она вступила въ бракъ съ г. Брозинымъ.

[2]) Записки путешествія Императрицы Елизаветы Алексѣевны по Германіи въ 1813—15 гг. сост. Ивановымъ, изданы въ Спб. въ 1833 г.

*

безпрестанно слѣдилъ за Государемъ, и когда она видѣла, что онъ весело разговариваетъ съ Великой Княгиней Александрою Ѳеодоровною, улыбка довольства показывалась на ея грустномъ лицѣ. Вся она казалась олицетвореніемъ кроткой покорности—то, что французы называютъ résignation. Царствующая Императрица—она съ любовію уступала первенствующее мѣсто вдовствующей Государынѣ, благотворительница многихъ—она тщательно скрывала добрыя дѣла свои и никто о нихъ не го-



И. А. Крыловъ.

ворилъ. Непроницаемъ былъ тайникъ души ея, столь богатой добротою, кротостію, вѣрой и безграничною любовію къ своему ангелу-Александру».

Кажется на этомъ праздникѣ не могъ присутствовать баснописецъ Крыловъ, который былъ приглашаемъ въ Павловскъ и, три или четыре дня сряду, читалъ по вечерамъ на половинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны свои басни и отрывки изъ комедій. Причиной отсутствія Крылова было то, что въ ночь онъ былъ укушенъ мухою и на лицѣ оказалась опухоль, почему утромъ баснописецъ послалъ словесное извѣщеніе о постигшемъ его несчастіи, и фрейлинѣ Великой Княгини Александры Ѳео-

доровны В. П. Ушаковой [1]) написалъ слѣдующее шуточное посланіе, которое не запечаталъ, давая тѣмъ понять, чтобы оно было прочитано.

Варвара Павловна!
Обласканный не по заслугамъ,
И вамъ, и вашимъ всѣмъ подругамъ,
Крыловъ изъ кельи шлетъ поклонъ,
Гдѣ мухою укушенъ онъ.
Сидитъ раздутъ какъ купидонъ—
Но не паѳосскій и не критскій,
А иль татарскій, иль калмыцкій,
Что жъ дѣлать?.. Надобно терпѣть!..
Но чтобъ у боли сбавить силы
Нельзя-ль меня вамъ пожалѣть?..
Вы такъ добры, любезны, милы;—
Нельзя-ль уговорить подругъ,
Чтобъ вспомнить бѣднаго Крылова
Когда дессертъ пойдетъ вокругъ?...
Повѣрьте, онъ изъ вашихъ рукъ
Лекарствомъ будетъ для больного!

За обѣдомъ отсутствіе Крылова было замѣчено Императрицею, и когда ей прочли его стихи, она много смѣялась и тотчасъ же приказала послать Крылову фруктовъ и конфектъ [2]).

Недолго дворъ оставался въ Павловскѣ, такъ какъ обѣ Императрицы собирались вскорѣ ѣхать за границу. «Maman радовалась этому путешествію, замѣчаетъ Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна, имѣвшему цѣлью посѣщеніе трехъ ея дочерей; первую по списку предполагалось посѣтить Великую Княгиню Екатерину Павловну, королеву Виртембергскую; Анна Павловна, принцесса Оранская, жила въ Брюсселѣ, а Марію Павловну, супругу наслѣднаго герцога Веймарскаго, предстояло посѣтить послѣднею. Императоръ Александръ I долженъ былъ отправиться въ Ахенъ на конгрессъ [3]), на которомъ обѣщалъ присутствовать и отецъ мой.

---

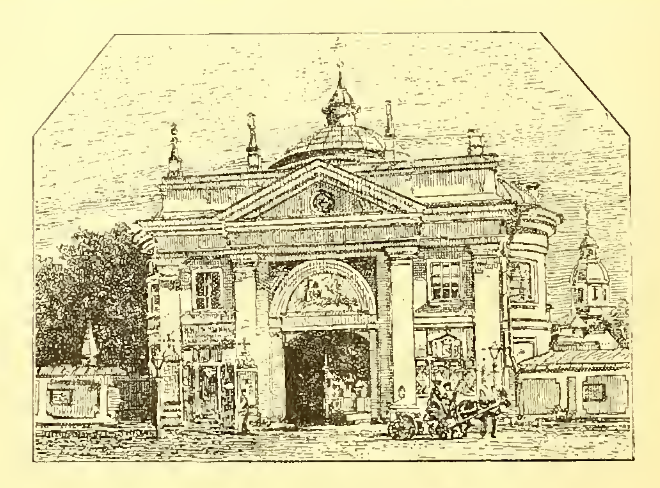
[1]) Дочь генералъ-адъютанта Павла Петровича Ушакова, воспитателя Великаго Князя Михаила Павловича, о назначеніи ея см. стр. 57.

[2]) «Рус. Стар.» 1870 г., майская книга, стр. 471.

[3]) На этомъ конгрессѣ Россіею между прочимъ было сдѣлано предложеніе объ установленіи особаго международнаго учрежденія для преслѣдо-

«Итакъ, мы съ Николаемъ оказывались единственными членами Императорской Фамиліи, пребывавшими въ Петербургѣ. Намъ были даны инструкціи касательно того, что слѣдовало дѣлать въ высокоторжественные дни.

«Первый случай, когда мы принесли себя въ жертву отечеству, былъ день св. Александра Невскаго; въ тотъ день мы присутствовали въ полномъ парадѣ на архіерейской службѣ и на завтракѣ у митрополита То было чистымъ испытаніемъ для



Ворота Александро-Невской лавры.

меня, бѣдной женщины, всю жизнь не имѣвшей достаточно силъ, разъ приходилось выстаивать длинныя церковныя церемоніи [1]). Помню, что я испугалась собственнаго лица, по возвращеніи съ этой утомительнѣйшей церемоніи. Завитые мои волосы совсѣмъ распустились, я была мертвенно блѣдна и во-

ванія торговли невольниками. Согласно желанію Императора Александра I былъ рѣшенъ вопросъ о немедленномъ очищеніи Франціи отъ союзныхъ войскъ, съ условіемъ опредѣлить способъ и порядокъ уплаты остальнаго французскаго долга, который въ размѣрѣ 280 милліоновъ франковъ и былъ выплаченъ въ 18 мѣсяцевъ.

[1]) Камеръ-пажъ А. С. Гангебловъ, сынъ генерала 1812 г., женатаго на кн. Е. С. Манвеловой, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» пишетъ, что «Великая Княгиня Александра Өеодоровна не могла переносить запаха ладона и потому въ Аничковской церкви никогда имъ не кадили». «Рус. Арх.», 1886 года т. III, стр. 195.

все не интересна въ розовомъ глазетномъ сарафанѣ съ токомъ, шитымъ серебромъ, на головѣ».

Если физически страдала иногда Великая Княгиня въ новой своей роли, то еще болѣе приходилось страдать нравственно ея супругу, который вотъ какъ вспоминалъ это время:

«Осенью 1818 года Государю угодно было сдѣлать мнѣ милость, назначивъ командиромъ 2-ой бригады 1-ой гвардейской дивизіи, т. е. Измайловскаго и Егерскаго полковъ. За нѣсколько передъ этимъ вступилъ я въ управленіе инженерною частію. Только-что вступилъ я въ командованіе, Государь,



Входъ отъ св. воротъ въ лавру.

Императрица и матушка уѣхали въ чужіе края; тогда былъ конгрессъ въ Ахенѣ. Я остался съ женою и сыномъ, одни въ Россіи изъ всей семьи. И такъ при самомъ моемъ вступленіи въ службу, гдѣ мнѣ наинужнѣе было имѣть наставника, брата-благодѣтеля, оставленъ былъ я одинъ съ пламеннымъ усердіемъ, но съ совершенною неопытностію. Я началъ знакомство съ своей командой и не замедлилъ убѣдиться, что служба шла вездѣ совершенно иначе, чѣмъ слышалъ волю Государя, чѣмъ самъ полагалъ, разумѣлъ ее, ибо правила были въ насъ твердо влиты. Я началъ взыскивать—одинъ, ибо, что я по долгу совѣсти порочилъ, дозволялось вездѣ, даже моими начальниками. Положеніе было самое трудное; дѣйствовать иначе было про-

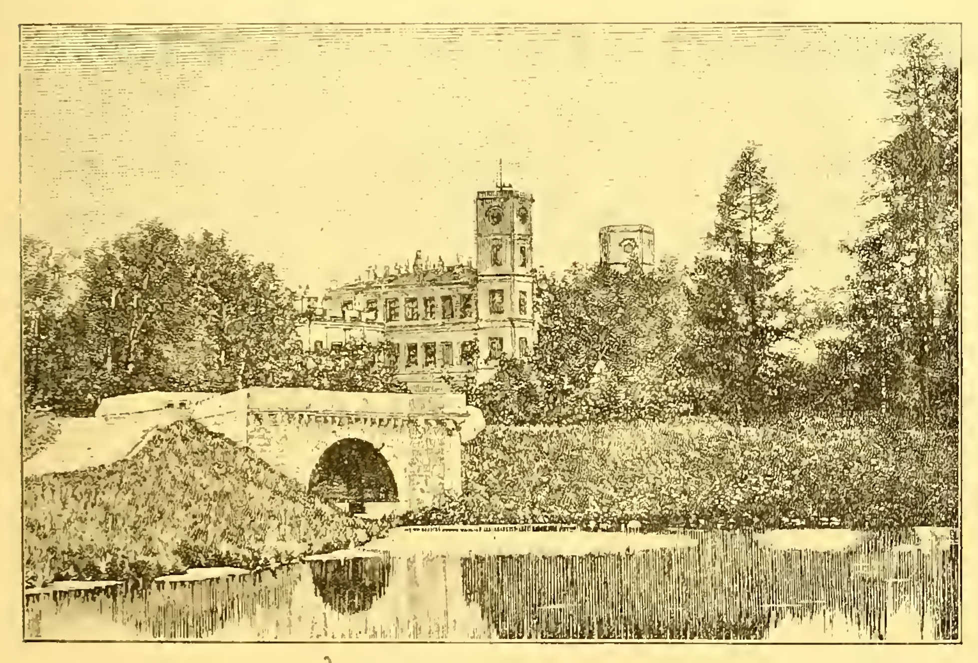
тивно моей совѣсти и долгу; но симъ я явно ставилъ и начальниковъ и подчиненныхъ противъ себя, тѣмъ болѣе, что меня не знали и многіе не понимали, или не хотѣли понимать. Корпусомъ начальствовалъ тогда генералъ-адъютантъ Васильчиковъ [1]); къ нему я прибѣгъ, ибо ему порученъ былъ какъ начальнику матушкою. часто изъявлялъ ему свои сомнѣнія; онъ входилъ въ мое положеніе, во многомъ соглашался и совѣтами исправлялъ мои понятія. Но сего не доставало, чтобъ исправить дѣло; даже рѣшительно сказать можно, не зависѣло болѣе отъ генералъ-адъютанта Васильчикова исправить порядокъ службы, распущенный и испорченный до невѣроятности съ самаго 1814 г., когда по возвращеніи изъ Франціи, гвардія осталась въ продолжительное отсутствіе Государя, подъ начальствомъ графа Милорадовича. Въ сіе-то время, и безъ того уже разстроенный трехъ-годовымъ походомъ порядокъ совершенно разстроился и, къ довершенію всего, дозволено было офицерамъ носить фраки [2]).

[1]) Илларіонъ Вас. Васильчиковъ началъ службу въ 1792 г. унтеръ-офицеромъ въ л. г. конномъ полку; въ 1798 г. былъ произведенъ въ ротмистры, а въ слѣдующемъ пожалованъ камергеромъ. Общая служба при дворѣ и въ гвардіи сблизила его съ Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ, который, при вступленіи на престолъ, произвелъ его въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ своимъ генералъ-адъютантомъ. Въ войнахъ съ Наполеономъ Васильчиковъ принималъ участіе какъ командиръ Ахтырскаго гусарскаго полка, и за сраженіе при Фершампенуазѣ получилъ орденъ св. Георгія 2 ст. Въ 1817 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Гвардейскаго корпуса, которымъ командовалъ 5 лѣтъ. При вступленіи на престолъ Императора Николая I, 14 дек. 1825 г., когда молодой Государь хотѣлъ самъ ѣхать къ бунтовщикамъ, то И. В. Васильчиковъ взялъ его лошадь подъ узцы и остановилъ такое намѣреніе (см. письмо отца А. С. Хомякова въ «Рус. Ар.» 1893 г. т. II стр. 122). Въ 1831 г. Васильчиковъ былъ возведенъ въ графское достоинство, а въ 1833 г. назначенъ генералъ-инспекторомъ кавалеріи и шефомъ Ахтырскаго гусарскаго полка; въ 1838 г. назначенъ предсѣдателемъ Госуд. Совѣта и Комитета министровъ; въ началѣ же слѣдующаго 1839 г. былъ возведенъ въ княжеское достоинство, † 21 февр. 1847 г. Старшій сынъ его—Илларіонъ Илларіоновичъ былъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ; второй Александръ Илл., извѣстный земскій дѣятель и писатель, а третій Викторъ начальникомъ штаба Севастопольскаго гарнизона въ войну 1853—55 гг. Его записки о Севастополѣ напечатаны въ «Рус. Архивѣ» за 1891 годъ

[2]) Въ это время въ обществѣ носился даже глухой ропотъ за прослав-

«Было время (повѣритъ ли кто сему!), что офицеры ѣзжали на ученіе во фракахъ, накинувъ на себя шинель и надѣвъ форменную шляпу! Подчиненность исчезла и сохранялась только въ фронтѣ; уваженіе къ начальникамъ исчезло совершенно, и служба была—одно слово, ибо не было ни правилъ, ни порядка, а все дѣлалось совершенно произвольно и какъ бы по неволѣ, дабы только жить со дня на день» [1]).

Возвращаемся къ разсказу Великой Княгини Александры Θеодоровны:



Видъ Гатчинскаго дворца.

«Maman разрѣшила своему сыну провести нѣсколько дней въ Гатчинѣ для охоты. Мы съ радостью приготовились вос-

леніе Карамзинымъ въ его Исторіи самодержавія. Изъ знакомыхъ историка недовольны были его приверженностью къ самодержавію гр. Н. П. Румянцевъ, извѣстный ревнитель русской исторіи, и Козодавлевъ; послѣдній принялъ Карамзина очень холодно, объявивъ, что знаетъ его образъ мыслей, contraire aux idées liberales, т. е. образъ мыслей Фуше, Карно, Грегуара, поясняетъ въ письмѣ къ женѣ Н. М. Карамзинъ. (См. книгу Погодина, Карамзинъ т. II, стр. 205 и 138).

[1]) См. «Рус. Вѣстникъ» 1896. Іюнь, статью Н. К. Шильдера «Столѣтній юбилей рожденія Императора Николая I».

пользоваться этимъ позволеніемъ и провели въ Гатчинѣ время весьма пріятно въ тѣсномъ кружкѣ, который составляли оберъ-церемоніймейстеръ князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ [1]), сынъ его, флигель-адъютантъ князь Александръ Лобановъ, графъ Рибопьеръ и нашъ маленькій Аничковскій Дворъ. Мнѣ чрезвычайно понравилась эта жизнь въ загородномъ замкѣ и охота; всѣ были веселы, любезны, каждый по своему, разговорчивы и всѣ разстались довольные другъ другомъ.

«Ко времени этого пребыванія въ Гатчинѣ относится мое знакомство съ графомъ Рибопьеромъ [2]), который, несмотря на частыя отлучки, всегда былъ для меня другомъ, а впослѣдствіи любезнымъ чтецомъ. Мы были какъ нельзя болѣе довольны графомъ Моденомъ [3]), заступившимъ мѣсто Кирилла Нарышкина; онъ отличался изысканными манерами стариннаго версальскаго двора, былъ до-нельзя вѣжливъ даже въ шуткахъ, услужливъ безъ низкопоклонства и умѣлъ устраивать все, какъ нельзя лучше. Его можно было упрекнуть развѣ въ излишней обидчивости. Мнѣ, женщинѣ наименѣе взыскательной и честолюбивой, судь-

---

[1]) Женатъ былъ на дочери Ник. Ник. Салтыкова.

[2]) До воцаренія, говоритъ гр. Алек. Ив. Рибопьеръ, съ согласія гр. Гурьева, министра финансовъ, объяснялъ я В. К. Николаю Павловичу предпринимаемыя финансовыя операціи и такимъ образомъ первый посвятилъ его въ тайны этой важной отрасли государственнаго управленія. Въ то время мы часто видались и безъ насъ съ женою не бывало праздника или бала въ Аничковскомъ дворцѣ. Мы часто втроемъ, Государь, Государыня и я пивали чай и вели долгія бесѣды; и такимъ образомъ Ихъ Вел. ко мнѣ привязались силою привычки. «Рус. Ар.» т. II 1877, ст. 16. Гр. Рибопьеръ былъ женатъ на внучкѣ князя Таврическаго Ел. Мих. Потемкиной; мать ея Татіана Васильевна вторично вышла замужъ за князя Н. Б. Юсупова. Домъ Рибопьера находился на Большой Морской, гдѣ потомъ помѣщался магазинъ Кумберга

[3]) Гр. Моденъ, какъ и гр. Лаваль былъ женатъ на русской, кн. Елиз. Ник. Салтыковой — кавалерственная дама, ум. 8 марта 1852. Дочери ея Аделаида Гавриловна (1803†1844) была замужемъ за генералъ-маіоромъ Андреемъ Ив. Пашковымъ, а Александра Гавриловна (1807†1839) за гр. Алек. Ник. Зубовымъ. Отецъ, мать и дочери похоронены въ Сергіевской пустынѣ, близъ Петербурга; на могилѣ гр. Модена слѣдующая надпись: «оберъ-егермейстеръ гр. Гавріилъ Карловичъ Рамондъ-Моденъ, род. въ Парижѣ 17 октября 1774 г.; выѣхалъ изъ Франціи въ 1793 г. и вступилъ въ томъ-же году въ россійскую службу, въ ней прослужилъ 40 лѣтъ, умеръ 11 мая 1833 года».

ба судила всю жизнь быть окруженной людьми подозрительными и обидчивыми. Я, неизмѣнно желавшая всѣмъ лишь добра и думавшая какъ бы сдѣлать пріятное другимъ, напротивъ того нерѣдко имѣла несчастіе оскорблять и дѣлать непріятное людямъ, на которыхъ считала возможнымъ вполнѣ полагаться; мнѣ пришлось не мало прожить, прежде чѣмъ я пріобрѣла знаніе людей,—науку весьма полезную, но составляющую плодъ многихъ неудачъ и разбитыхъ заблужденій!»

Въ отсутствіе Императора Александра I и обѣихъ Императрицъ молодой великокняжеской четѣ предстояло принять на себя болѣе самостоятельную и видную роль, нежели ту, какую Ихъ Высочествамъ до тѣхъ поръ приходилось исполнять, и раскрыть залъ Аничковскаго дворца многочисленному и блестящему обществу, которое обыкновенно толпилось въ пріемные дни и парадные званые вечера въ залахъ Зимняго дворца. Тутъ впервые Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна сблизилась съ болѣе обширнымъ числомъ лицъ, чѣмъ какое составляло ея собственный избранный кружокъ, собиравшійся вечерами въ ея кабинетѣ и молодая Великая Княгиня перестала быть чужестранкою въ государствѣ, во главѣ котораго ей суждено было стоять цѣлыхъ тридцать лѣтъ.

«Въ городѣ, говоритъ Александра Ѳеодоровна, сезонъ баловъ начался рано и открылся баломъ въ Аничковскомъ дворцѣ 3-го (15-го) октября, въ день рожденія моего брата, наслѣднаго принца. Это было событіемъ для нашего Аничковскаго дворца, такъ какъ то былъ нашъ первый пріемъ въ Петербургѣ, и меня впервые тогда увидѣли исполняющею обязанности хозяйки дома! Ко мнѣ были снисходительны, очень хвалили нашъ балъ, нашъ ужинъ, нашу любезность; это явилось какъ-бы поощреніемъ, которое дало намъ охоту принимать и веселить людей, у себя [1]). Когда человѣкъ молодъ и красивъ, когда сама любишь танцовать, не трудно угодить всѣмъ безъ особенныхъ напряженій.

---

[1]) «По приказанію Великаго Князя, говоритъ Дараганъ, камеръ-пажи В. К. Александры Ѳеодоровны являлись въ Аничковскій дворецъ безъ пудры, и ихъ служба тамъ ограничивалась выходами въ церковь по воскресеньямъ, да на балахъ, которые иногда давали Ихъ Высочества».

«Тутъ кстати упомяну о семействѣ Кочубей. Оно находилось въ отсутствіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и только въ 1818 г. графъ и графиня Кочубей и красивая ихъ дочь Nathalie [1]) были мнѣ представлены въ Павловскѣ, причемъ maman и Императоръ отозвались объ этой семьѣ самымъ лестнымъ образомъ. Вскорѣ я сама почувствовала къ нимъ расположеніе; ихъ я посѣщала всего охотнѣе и мы приглашали ихъ чаще другихъ. Графъ обладалъ въ высшей степени изысканными манерами и свѣтскостью въ обращеніи, отличавшей людей прошлаго вѣка, жившихъ при Екатеринѣ II и при ея Дворѣ и бывшихъ въ ея интимномъ кругу. Графъ имѣлъ счастье, будучи еще весьма молодымъ человѣкомъ, сопровождать Императрицу въ качествѣ камеръ-юнкера въ ея путешествіи въ Крымъ (въ 1787 году); ему было тогда всего 18—19 лѣтъ. Въ то время, какъ я познакомилась съ нимъ, онъ состоялъ, кажется, министромъ Внутреннихъ Дѣлъ».

Домъ графа Кочубей [2]) отличался замѣчательною роскошью убранства и широкаго гостепріимства, а хозяева его, говоритъ Гриммъ, зная страсть Великой Княгини Александры Өеодоровны къ цвѣтамъ, къ пріѣзду ея превращали залы свои въ душистыя рощи, и нерѣдко освѣщали весь путь отъ самаго Аничковскаго дворца, обозначая его насаженными по сторонамъ елками и факелами.

Супруга Виктора Пав. Кочубей была Марья Вас. Васильчикова, племянница Натальи Кирилловны Загряжской, урожденной гр. Разумовской, дочери послѣдняго гетмана Малороссіи, Кирилла Григорьевича и жены его Екатерины Ив. Нарышкиной, которая приходилась внучатною сестрой Императрицы Елизаветы Петровны. Домъ Н. К. Загряжской былъ однимъ изъ

[1]) Вышла потомъ замужъ за графа А. Г. Строгонова.

[2]) О графѣ Кочубеѣ (впослѣдствіи князь) пользовавшемся авторитетомъ въ глазахъ женскаго персонала Императорской фамиліи, высшая полиція (см. «Истор. Вѣст.» 1889 книга I, стр. 173) писала, что онъ въ особенности обращалъ на себя вниманіе публики. Его опредѣляли то къ одному, то къ другому мѣсту, наконецъ жаловали даже въ государственные канцлеры.— Однако открывали въ немъ слабости, какъ-то: непостоянство въ правилахъ, страсть къ новостямъ, безпрерывную перемѣнчивость въ системахъ. «Нѣтъ великой націи, коей кафтанъ онъ бы не носилъ, исключая русскаго, отзывался о немъ весьма знатный государственный человѣкъ».

главныхъ центровъ для свѣтскаго петербурскаго общества, но бракъ Кочубея, состоявшійся въ 1799 г., не понравился Павлу I, такъ какъ Государь имѣлъ въ виду для Кочубея другую невѣсту.

«Неудовольствіе Павла, говоритъ А. А. Васильчиковъ, авторъ «Семейства Разумовскихъ», — высказалось немедля. Натальѣ Кирил. дано было знать отъ имени Государя что ему из-



Князь В. П. Кочубей.

вѣстно, что она на балахъ проходитъ мимо статсъ-дамы кн. Е. И. Лопухиной, ей не кланяясь. Въ тотъ-же день вечеромъ былъ, чуть ли не при дворѣ, многолюдный балъ. Загряжская туда отправилась и, подмѣтивъ ту минуту, когда кн. Лопухину окружали всѣ царедворцы, она къ ней подошла, низко поклонилась и громко во всеуслышаніе проговорила:

«По именному Е. И. В. приказанію, мною сегодня полученному, честь имѣю поклониться вашей свѣтлости». На другое

утро Наталья Кирил. получила приказаніе немедля выѣхать изъ Петербурга. Но не слишкомъ вѣря послушанію Загряжской, Императоръ Павелъ послалъ вечеромъ своего флигель-адъютанта князя П. М. Волконскаго [1]), приказавъ узнать что̀ она дѣлаетъ. Волконскій, пріѣхавъ въ домъ, съ удивленіемъ увидѣлъ, что пріемъ происходилъ по обыкновенному, что гостиныя были наполнены гостями... Испуганный посланецъ спросилъ у приближенныхъ что̀ это значитъ, а они подвели его тихонько къ окошку и показали на дворѣ уже готовую къ отъѣзду дорожную карету. Князь поспѣшилъ извѣстить о томъ Государя, который отправилъ обратно Волконскаго къ Натальѣ Кирилловнѣ съ извѣщеніемъ, что онъ ей прощаетъ. Вскорѣ однако Загряжская все-таки уѣхала сперва къ отцу въ г. Батуринъ, а оттуда черезъ Кіевъ за границу. По возвращеніи въ Россію Н. К. Загряжская поселилась въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ Кочубеями и скончалась 19 марта 1837 г. Князь П. А. Вяземскій въ своей «Старой записной книжкѣ», говоритъ: «въ новомъ обществѣ, въ домѣ родственниковъ своихъ, князя и княгини Кочубеевъ, у которыхъ жила, Загряжская (родилась 5-го сентября 1747 г.) была какою-то историческою представительницею временъ и царствій давно прошедшихъ», Свѣтскій авторитетъ Загряжской и въ описываемое нами время стоялъ незыблемо; недаромъ Сперанскій, въ 1818 г., писалъ изъ ссылки своей дочери: «Одно изъ первыхъ вашихъ посѣщеній вы должны сдѣлать Натальѣ Кирилловнѣ, а если она по болѣзни не принимаетъ, то графинѣ Кочубей. Я увѣренъ, что вы приняты будете со всѣмъ возможнымъ благопріятствомъ». Покровительство Загряжской много значило, и когда она не въ силахъ была сама писать, говоритъ Васильчиковъ, то записочки, писанныя чужою рукою, но съ ея подписью N. Z, часто доставляли бѣднымъ существованіе. Отказывать Натальѣ Кирилловнѣ въ ея просьбахъ было очень трудно, и самъ Императоръ Николай Павловичъ ихъ опасался.—«Хочется мнѣ заѣхать къ Кочубею», говорилъ онъ однажды князю С. М. Голицыну—«какое бы было время удобнѣе, а то Наталья Кирилловна меня, пожалуй, встрѣтитъ».

[1]) Въ 1794 г. князь Волконскій сопровождалъ своего дядю въ Берлинъ, который былъ посланъ поздравить Наслѣднаго принца прусскаго, т. е. Фридриха Вильгельма III съ бракосочетаніемъ.

Другой домъ, служившій сосредоточіемъ лучшаго общества въ Петербургѣ, былъ княгини Натальи Петр. Голицыной, прозванной la princesse Moustache [1]) (такъ какъ лицо ея было съ замѣтными усами), который находился на углу малой Морской и Гороховой и впослѣдствіи былъ купленъ Императоромъ Николаемъ I и подаренъ военному министру графу Чернышеву. Отецъ ея, гр. П. Гр. Чернышевъ, былъ нашимъ посломъ при дворахъ датскомъ, прусскомъ и англійскомъ, умеръ въ 1773 году. Умерла княгиня Наталія Петровна 20 декабря 1837 г., на 97 году своей жизни; въ дни семейныхъ праздниковъ около нея собиралось такое количество внуковъ и правнуковъ, что она не безъ труда различала ихъ. У нея были дѣти, также извѣстныя въ свое время. Во 1-хъ сынъ, князь Дм. Вл. Голицынъ свѣтлѣйшій, московскій генералъ-губернаторъ, послѣ гр. Тормасова; во 2-хъ, дочь Ек. Вл. Апраксина, въ дни молодости извѣстная по роскошной жизни въ Москвѣ, а подъ старость статсъ-дама при дворѣ В. К. Елены Павловны, и въ 3-хъ, Софія Вл. жена гр. Павла Алекс. Строгонова, друга и товарища дѣтства Императора Александра I. Г-жа Смирнова въ своихъ «запискахъ» разсказываетъ [2]), о посѣщеніи Императрицы Александры Θеодоровны Голицыной въ день ея имянинъ. Когда Ея В. спросила ее о здоровьѣ, она вздохнула и сказала: «Все больна изъ за этихъ проклятыхъ французовъ; я была такъ поражена, когда они увезли королевскую семью изъ Версаля, что выкинула и до сихъ поръ еще не оправилась». Въ каретѣ Государыня сказала Смирновой: «съ тѣхъ поръ, какъ я знаю кн. Голицыну—она всегда отвѣчаетъ мнѣ одно и то же». Обыкновенно говорятъ, что въ «Пиковой Дамѣ» образъ старой графини напоминаетъ кн. Н. П. Голицыну, которую знавалъ Пушкинъ. «Одна его собственная замѣтка, говоритъ академикъ Л. Н. Майковъ, подала поводъ къ такому заключенію, и нѣтъ причины не вѣрить автору; но Н. К. Загряжскую онъ зналъ ближе (она приходилась родственницею жены поэта), чѣмъ Голицыну и трудно не допустить предположенія, чтобы Пушкинъ не вспоминалъ и Загряжскую, когда писалъ «Пиковую Даму».

---

[1]) О ней уже упомянуто на стр. 85.

[2]) Ч. I, стр. 97.

Въ описываемое нами время скончался пятый сынъ вышеупомянутаго К. Г. Разумовскаго—Левъ Кирилловичъ (1757 г. умеръ 21 ноября 1818 г.), который былъ женатъ на княгинѣ Маріи Гр. Голицыной (1772—1865) рожденной кн. Вяземской. Князь А. Н. Голицынъ отличался безумной расточительностью; про него разсказывали, что онъ ежедневно отпускалъ своимъ кучерамъ шампанское, крупными ассигнаціями зажигалъ трубки гостей и горстями бросалъ золото на улицу, чтобы извозчики толпились у его подъѣзда и въ концѣ концовъ разорился. Разводъ состоялся въ 1802 г. Л. К. Разумовскій любилъ книги, науки, художества, музыку и природу, у него, едва-ли не перваго въ Москвѣ, былъ зимній садъ при домѣ, на Тверской, въ которомъ теперь помѣщается англійскій клубъ. Великолѣпная подмосковная Петровско-Разумовское, хранила библіотеку, оцѣненную въ 400 тысячъ руб. и разграбленную французами. По смерти мужа М. Г. Разумовская уѣхала за границу, а въ царствованіе Николая I возвратилась въ Россію и Государь и Императрица Александра Ѳеодоровна особенно были къ ней милостивы и удостоивали ея празднества своимъ присутствіемъ графиня Разумовская крестила гр. Елену Григорьевну Строгонову [1]).

Нельзя также не отмѣтить одно нововеденіе, которымъ Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна примѣромъ своимъ обогатила общественныя увеселенія этой зимы въ Петербургѣ. Она стала часто посѣщать различные театры; каждую недѣлю и даже два раза въ недѣлю появлялась она въ одномъ изъ нихъ, запросто безъ торжественныхъ встрѣчъ и проводовъ, вошедшихъ въ обыкновеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда Дворъ присутствовалъ на какомъ либо представленіи.

«Каждое воскресенье, разсказываетъ камеръ-пажъ Дараганъ, были спектакли въ Эрмитажѣ, давали, оперы, водевили и балеты. Въ операхъ партію тенора пѣлъ Самойловъ (Вас. Мих., утонувшій въ бурю 1 іюля 1831 г., поѣхавъ на гулянье въ Петергофъ); первой пѣвицей была Сандунова. Объ итальянцахъ не было и помину. Какъ нравились тогда оперы, о которыхъ теперь всѣ забыли и которыя едва-ли когда и появятся

---

[1]) «Истор. Вѣст.» 1899 г. мартъ, стр. 849.

вновь на сценѣ: «Водовозъ», «Швейцарское семейство», «Прекрасная мельничиха» и особенно «Сандрильона»—Штейбельта, которую переводчикъ ложно окрестилъ Пепелиною. Смыслъ этого названія объясняла сама Сандрильона, руссифицированная въ Пепелину, въ своемъ романсѣ, которымъ всѣ тогда восхищались, напѣвая:

Я скромна и молчалива,
Рѣдко видитъ свѣтъ меня,
Но, вѣдь, это и не диво,
Все сижу здѣсь у огня.
Сіе мѣсто не завидно,
Но мое все счастье тутъ,
Вотъ зачѣмъ меня, какъ видно,
Попелиною зовутъ.

«Балеты ставилъ Дидло. Сюжетъ ихъ большею частію онъ бралъ изъ миѳологіи: «Венера и Адонисъ», «Пирамъ и Тизба», «Амуръ и Психея» и проч.»

Чтобы оцѣнить вполнѣ какое благодѣтельное вліяніе имѣло для актеровъ появленіе въ театрахъ Великой Княгини Александры Ѳеодоровны, приведемъ нѣсколько строкъ изъ письма А. С. Пушкина [1]) «Мои замѣчанія объ русскомъ театрѣ», написанномъ на бумагѣ съ водяными знаками 1818 года: [2]) «Значительная часть нашего партера слишкомъ занята судьбою Европы и отечества, слишкомъ утомлена трудами, слишкомъ глубокомысленна, слишкомъ важна, слишкомъ осторожна въ изъявленіи душевныхъ движеній, дабы принимать какое-нибудь участіе въ достоинствѣ драматическаго искусства (къ тому же русскаго) и если въ половинѣ седьмаго часа одни и тѣ же лица являются изъ казармъ и Совѣта занять первые ряды абонементныхъ креселъ, то это болѣе для нихъ условный этикетъ, нежели пріятное от-

[1]) Актеръ П. А. Каратыгинъ (см. «Рус. Стар.» 1872 г., т. VII, стр. 304) разсказываетъ, что проѣзжая противъ Большаго театра, гдѣ жилъ Никита Всевол. Всеволожскій, котораго училъ танцовать Дембровскій, послѣдній, увидя въ окнѣ Всеволожскаго сталъ ему кланяться, а стоявшій возлѣ него Пушкинъ, снявъ съ себя парикъ сталъ имъ махать надъ своей головой и кричать что-то Дембровскому. Это было весною 1818 г.

[2]) Это письмо напечатано въ декабрьской книжкѣ «Недѣли» за 1895 г., съ примѣчаніями г. редактора и г. Онѣгина, владѣтеля письма.

дохновеніе. Ни въ какомъ случаѣ невозможно требовать отъ холодной ихъ разсѣянности здравыхъ понятій и сужденій, и того менѣе движенія какого-нибудь чувства. Слѣдовательно, они служатъ только почтеннымъ украшеніемъ Большаго театра, но вовсе не принадлежатъ ни къ толпѣ любителей, ни къ числу просвѣщенныхъ или пристрастныхъ судей.—Сіи великіе люди нашего времени, носящіе на лицѣ своемъ однообразную печать скуки, спѣси и заботъ, неразлучныхъ съ образомъ ихъ занятій, сіи всегдашніе передовые зрители, нахмуренные въ комедіяхъ, зѣвающіе въ трагедіяхъ, дремлющіе въ операхъ, внимательные, можетъ быть, въ однихъ только балетахъ, не должны ли необходимо охлаждать игру самыхъ ревностныхъ нашихъ артистовъ и наводить лѣнь и пошлость на ихъ души, если природа одарила ихъ душою!» Затѣмъ поэтъ разбираетъ игру актрисы Е. С. Семеновой [1]) (за которой онъ въ то время ухаживалъ) и далѣе пишетъ о 17-ти лѣтней Сашенькѣ Колосовой (впослѣдствіи ставшей женою трагика Каратыгина), явившейся только-что на поприщѣ Мельпомены (дебютировала въ концѣ 1818 года), актерѣ Яковлевѣ, Брянскомъ, а также Щениковѣ, Глухаревѣ, Каменогорскомъ и Толченовѣ, говоря о которыхъ Пушкинъ замѣчаетъ, что ихъ «оставляю на жертву Бенуару», т. е. само собою разумѣется зрителямъ бенуарныхъ ложъ [2]).



А. М. Каратыгина.

[1]) Вышедшей впослѣдствіи за мужъ за князя Ив. Алексѣевича Гагарина (1771—1832).

[2]) Г-нъ редакторъ книжекъ «Недѣли» (1895 г. декабрь стр. 6—12) пишетъ въ примѣчаніи: «Къ сожалѣнію, намъ не удалось выяснить, что́

Вѣчнымъ памятникомъ любви Великой Княгини Александры Ѳеодоровны къ театру служитъ Александринскій театръ названный ея именемъ, построенный въ царствованіе Императора Николая I архитекторомъ Росси и открытый 31-го августа 1832 г., трагедіею Крюковскаго «Пожарскій».

Такимъ образомъ начало зимняго сезона 1818 года было ознаменовано неподдѣльнымъ оживленіемъ и отличалось блескомъ и великолѣпіемъ, среди которыхъ являлась царицею молодая Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна. «Но вскорѣ я должна была, говоритъ она, перестать танцовать, такъ какъ почувствовала себя въ интересномъ положеніи и даже съ приступами тошноты встрѣтила мою свекровь на лѣстницѣ при ея возвращеніи изъ Германіи [1]). Какъ интересны были ея разсказы о ея путешествіи, удовлетворившемъ ее во всѣхъ отношеніяхъ.

«Императоръ Александръ, возвратившійся незадолго до пріѣзда maman, которую видѣлъ во время путешествія въ Ахенѣ и Брюсселѣ, проявлялъ братскую доброту къ Николаю и ко мнѣ; онъ заходилъ къ намъ довольно часто по утрамъ, и его политическіе разговоры были въ высшей степени интересны. Возвратясь наканунѣ Новаго года, maman 1-го января 1819 г. уже присутствовала на выходѣ и въ церкви».

Вечеромъ 1-го января 1819 г. былъ данъ въ залахъ Зимняго дворца обычный маскарадъ, который совершенно былъ тождественъ петергофскому [2]). Доступъ въ царскія палаты былъ открытъ для каждаго прилично одѣтаго. Билетовъ раздавалось до 30.000 тысячъ. У дверей ихъ отбирали только для счета числа посѣтителей и записывали лишь имена перваго вошедшаго и послѣдняго вышедшаго. «Случилось въ этомъ году, говоритъ Дараганъ, что первый и послѣдній былъ одно и то же лицо, что̀ очень забавляло Государя.

такое бенуаръ. Журнала такого не было». Примѣчаніе курьезное, чтобы не сказать болѣе.

[1]) Письма о этомъ путешествіи фрейлины кн. Туркестановой къ графинѣ Литта напечатаны въ «Русск. Арх.» 1884 г.

[2]) Эти маскарады были и въ царствованіе Павла I; см. описаніе одного изъ нихъ въ «запискахъ» академика А. В. Ступина «Худож. Хроникеръ», изданіе И. Н. Божерянова, 1887 г., № 6, стр. 65.

Для ужина Императорской фамиліи въ театральномъ залѣ Эрмитажа разбивали стеклянную палатку, которой потолокъ и бока представляли разнообразные узоры изъ плотно связанныхъ граненыхъ стеклышекъ. Сквозь эту стеклянную ткань освѣщалась палатка снаружи, а внутри горѣли канделябры на столѣ. На сценѣ, за палаткой, играла роговая музыка оберъ-егермейстера Нарышкина [1]). Эта необыкновенная и невидимая музыка и этотъ стеклянный шатеръ, невольно переносили воображеніе въ сказочный волшебный міръ.

Точно также вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна оказалась въ состояніи присутствовать 6-го января на всѣхъ церемоніяхъ водосвятія и шествовала за процессіей. «Я имѣла честь вести ее подъ руку, говоритъ Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна, и приходила въ восторгъ отъ прекрасной погоды,— такъ какъ былъ только градусъ мороза—отъ солдатъ, словомъ отъ всего, потому что все это было мнѣ въ диковинку; вѣдь мнѣ всего было только 20 лѣтъ. Уже тогда дѣлались предположенія насчетъ празднествъ, но вдругъ извѣстіе [2]) о кончинѣ королевы Виртембергской Екатерины Павловны повергло все семейство въ горе и трауръ. Никогда я не забуду той ужасной минуты, когда Императору Александру пришлось объявить объ этой жестокой потерѣ матери».

Жуковскій на смерть Екатерины Павловны написалъ прекрасные стихи, при чтеніи которыхъ, по словамъ П. А. Плетнева [3]), надо имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: «Три

---

[1]) Роговая музыка у отца Нарышкина была составлена чехомъ Марекомъ; пользовалась особенною славою и была воспѣта Ломоносовымъ:

«Что было грубости въ охотничьихъ трубахъ
Нарышкинъ умягчилъ при Невскихъ берегахъ,
Чего и дикія животны убѣгали,
Въ томъ слухи нѣжныя пріятности сыскали

[2]) Извѣстіе это было получено 24-го января 1819 г.; см. записки квакера Греллэ-де Монбилье («Русск. Стар.» 1874 г., т. I, стр. 10). Біографическій очеркъ Великой Княгини Екатерины Павловны, составленный нами въ 1888 г. указанъ на стр. 20; онъ переведенъ на нѣмецкій языкъ въ 1891 г. Меркле: «Katharina Pawlowna Königen von Würtemberg. Beträge zu einer Lebensbeschreibung der Fürstin besonders nach neueren russische Quellen».

[3]) «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ» т. I, стр. 226.

первыя строфы изъ Мессинской невѣсты Шиллера: «Кого спѣшишь ты, прелесть молодая» и проч. относится къ Великой Княгини Александрѣ Θеодоровнѣ, у которой сидѣлъ Жуковскій въ кабинетѣ, когда Великій Князь Николай Павловичъ постучался, чтобы ее вызвать и объявить о смерти королевы Виртембергской; «Судьба смѣяться любитъ намъ» и проч. говорится о томъ, что, когда въ городѣ и во дворцѣ всѣ знали объ этой смерти, Марія Θеодоровна одна не знала, ибо никто не имѣлъ духу ей объявить. Она даже болѣе обыкновеннаго была успокоена на счетъ больной дочери, которая незадолго до смерти своей написала къ ней, что ей лучше. «Ты, знавшая житейское страданье» и проч. обращено къ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, которая тогда, бывъ за границей, ѣхала по назначенію обѣдать къ Екатеринѣ Павловнѣ въ день, въ которой пришлось ей умереть. «Чего надъ ней ты такъ упорно ждешь?» говорится къ мужу королевы [1]) и послѣ ея смерти невѣрившему



Великая Княгиня Екатерина Павловна.

[1]) Король Вильгельмъ былъ сыномъ брата Императрицы Маріи Θеодоровны—Фридриха, отъ брака его съ дочерью герцога Брауншвейгскаго—Зельмирою (Августою); сестра Вильгельма—Екатерина вышла замужъ за брата Наполеона, короля Вестфальскаго Жерома, а братъ его Павелъ былъ отцомъ Великой Княгини Елены Павловны, супруги Великаго Князя Михаила Павловича. Екатерина Вестфальская, на тронѣ и послѣ его потери, выказала столько твердости духа и благородства характера, что даже Наполеонъ ска-

своему несчастію и сидѣвшему надъ мертвою и ждавшему что она очнется».

«Императрица Марія Θеодоровна также не хотѣла и не могла понять, говоритъ Александра Θеодоровна, что Екатерина Павловна умерла [1]), и только восклицала хриплымъ голосомъ: «Като не умерла, нѣтъ, нѣтъ, она не умерла!»

«Понятно, что Императрицѣ трудно было освоиться съ мыслію, что красивой и блестящей Екатерины Павловны, съ которой она недавно еще разсталась въ Германіи, уже не было на свѣтѣ! Мы окружали maman нашими попеченіями, нашими ласками; Императоръ сталъ относиться къ ней съ удвоенною нѣжностью и предупредительностью, и благодаря этому она имѣла силы перенести свое горе и возвратиться къ обычнымъ занятіямъ, отнимавшимъ у нея большую часть дня.

«Странные слухи ходили по поводу причинъ, вызвавшихъ смерть королевы Екатерины Павловны; имя принца Павла Виртембергскаго произносилось шопотомъ, разсказывали о балѣ, который онъ задалъ въ Парижѣ въ тотъ день, когда пришло туда извѣстіе о ея кончинѣ. На самомъ дѣлѣ она скончалась отъ рожи на головѣ, проболѣвъ всего сутки».

На кончину Екатерины Павловны, кромѣ Жуковскаго [2]) написалъ стихи и князь Ив. Долгорукій, восклицавшій:

Чрезъ долгій рядъ вѣковъ въ молвѣ земныхъ судьбинъ
Сольются имена тѣхъ двухъ Екатеринъ,
Изъ коихъ во Второй духъ творческій познали,
Подобіе Ея-жъ въ послѣдней обожали.

залъ: она будетъ украшеніемъ исторіи; ея переписка издана въ 1888 году, «Correspondance de la reine Catherine de Westphalie».

[1]) Мать перваго супруга Великой Княгини Екатерины Павловны—Георга Ольденбургскаго—Фредерика († 13-го ноября 1785 г.) была сестра Императрицы Маріи Θеодоровны.

[2]) Жуковскому пришлось вѣнчаться въ церкви, сооруженной надъ ея могилой на Красной горѣ (Rothenberg) близь Штутгардта, на которомъ нѣкогда стоялъ замокъ фамиліи Виртембергской. Въ Штугардтской же русской церкви, въ которую ходила молиться Екатерина Павловна, все осталось, какъ было при ней. «Нельзя безъ грустнаго чувства, говоритъ Жуковскій, смотрѣть на образъ, которымъ въ послѣдній разъ благословилъ ее Александръ I: на немъ изображенъ св. Александръ Невскій, видны Нева, Зимній дворецъ и надъ ними радуга». Стих. Жуковскаго, изд. 1835 г., т. II, стр. 256.

А при жизни королевы Виртембергской, бывшей сперва замужемъ за герцогомъ Ольденбургскимъ, ей посвятилъ два стихотворенія Н. И. Гнѣдичъ: «Екатеринѣ Павловнѣ, королевѣ Виртембергской» и «Приношеніе».

Вслѣдствіе наложеннаго траура при дворѣ увеселеній никакихъ не было и Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна записала: «Зима прошла скучно и тяжело для меня; когда я не ѣздила къ maman, то оставалась дома одна, съ преданною моею подругою Цециліей, въ то время, какъ мужъ мой игралъ у себя въ à la guerre съ нѣсколькими офицерами или ѣздилъ верхомъ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ въ манежѣ. По утрамъ я брала уроки у Жуковскаго, или урокъ музыки и пѣнія и писала письма въ Берлинъ, имѣя обширную корреспонденцію, и съ особымъ нетерпѣніемъ ожидала весны, чтобы уѣхать на дачу.

«Наконецъ эта желанная минута настала; я могла вновь пользоваться прогулками, часто присаживалась съ Цециліей въ саду, гдѣ мы читали вмѣстѣ. Будучи обѣ въ интересномъ положеніи, мы тяжело ступали по хорошенькимъ дорожкамъ Павловскаго парка и обѣ посмѣивались надъ своими фигурами. Этой же весною, если не ошибаюсь, пріѣзжалъ сюда молодой графъ Вильгельмъ Гохбергъ [1]), близкій родственникъ великаго герцога Баденскаго. Онъ ѣздилъ отъ одного двора къ другому, чтобы устроить передачу по наслѣдству баденскихъ владѣній въ пользу семейства Гохбергъ, такъ какъ у царствовавшаго герцога не было мужскаго потомства, а страна должна была достаться, кажется, во владѣніе Баваріи. Эта вѣтвь фамиліи Гохбергъ, впрочемъ законная, не пользовалась титуломъ принцевъ по причинѣ неравнаго брака, заключеннаго отцомъ графа.

---

[1]) Людовикъ Августъ, маркграфъ баденскій (до 1817 г. графъ Гохбергъ), второй сынъ великаго герцога Карла Фридриха, отъ второго брака родился въ Карлсруэ, 9-го апрѣля 1792 г. Въ 1812 г. онъ сражался противъ Россіи, командуя баденскою бригадою, и въ 1814 г. онъ съ войсками германскаго союза блокировалъ Страсбургъ, Ландау, Пфальцбургъ, Бичъ и др. крѣпости. Союзные монархи, уважая его заслуги украсили макграфа орденами св. Анны и св. Стефана. Впослѣдствіи онъ два раза пріѣзжалъ въ Петербургъ по дѣламъ Баденскаго дома, и при благорасположеніи Императора Александра I успѣлъ дать этимъ дѣламъ выгоднѣйшій оборотъ.

Хлопоты графа увѣнчались успѣхомъ, и по смерти великаго герцога баденскаго [1]), брата Императрицы Елизаветы Алексѣевны, маркизъ Леопольдъ Гохбергъ сдѣлался великимъ герцогомъ Баденскимъ.

«Въ іюнѣ мѣсяцѣ, бригада моего мужа, состоявшая изъ полковъ Измайловскаго и Егерскаго, выступила въ лагерь, въ Красное Село, я послѣдовала туда за моимъ Великимъ Княземъ. Maman, который принадлежала прелестная красносельская дача, помѣстила меня въ маленькомъ домикѣ, который сама нѣкогда занимала при жизни Императора Павла, во время военныхъ маневровъ. Этотъ маленькій домикъ понравился мнѣ, я поселилась въ немъ на три недѣли, которыя пролетѣли для меня слишкомъ скоро,—такъ нравилась мнѣ эта военная жизнь.

«Я проводила утро у себя или въ прогулкахъ, остальную часть дня просиживала въ палаткѣ моего мужа; близость хорошенькой Дудергофской горы съ ея дикой долиной не мало способствовала нашимъ удовольствіямъ, въ сущности довольно невиннымъ.

«Мнѣ немного требовалось, чтобы быть довольной,—разъ я могла быть съ моимъ мужемъ, мнѣ не нужно было ни празднествъ, ни развлеченія; я любила простоту и была домосѣдкою. Но когда нужно было выѣзжать въ свѣтъ, то я предпочитала ужъ скорѣе веселиться, нежели скучать, и находила балъ веселѣе вечерняго собранія съ придворными людьми натянутыми и церемонными. Зато многіе любезно отзывались обо мнѣ, будто вся моя жизнь прошла въ танцахъ [2]), хотя я предпочитала хорошій лѣтній вечеръ всѣмъ баламъ въ мірѣ, а задушевную бесѣду осенью у камелька,—всѣмъ зимнимъ нарядамъ.

«Я была въ послѣднемъ періодѣ беременности, поэтому

---

[1]) Въ Баденѣ великому герцогу Карлу, въ 1818 г., наслѣдовалъ Людвигъ; а за нимъ вскорѣ Леопольдъ I изъ дома Гохберскаго.

[2]) Въ «запискахъ» своихъ А. О. Смирнова приводитъ ея разсказъ Жуковскому: «какъ въ Москвѣ кто-то, въ присутствіи митрополита Филарета, сказалъ, что Государыня все еще танцуетъ и прибавилъ: «и притомъ вѣдь она уже не молода». Филаретъ отвѣтилъ: «я думаю, что многія молодыя и не молодыя входятъ въ рай танцуя, тогда какъ другія никогда въ него не попадутъ, хотя бы шли въ церковной процессіи». Жуковскій былъ въ восторгѣ отъ этого отвѣта». (Часть II, стр. 75).



Императрица Марія Θеодоровна на утренней прогулкѣ въ Павловскѣ.

Рисунокъ профессора А. І. Шарлемань.

всякая другая прогулка въ окрестностяхъ была тягостна для меня, но все обошлось безъ малѣйшаго приключенія, безъ малѣйшаго испуга. Мы наслаждались нашей независимостью, такъ какъ въ Павловскѣ надобно было жить при Дворѣ, и какъ ни была добра къ намъ maman[1]), но придворная жизнь и близость Двора были неизбѣжны съ нею, а мы оба боялись того, что́ называется Дворомъ».

Этому настроенію В. К. Александры Ѳеодоровны вполнѣ соотвѣтствовало стихотвореніе Жуковскаго, поднесенное ей въ день ея рожденія и названное «Цвѣтокъ»[2]).

Мой милый цвѣтъ, былинка полевая,
Скорѣй покинь пріютъ твой луговой;
Теперь тебя нашла рука родная;
Донынѣ ты, съ непышной красотой,
Цвѣла въ тиши, очей не привлекая,
И путника не радуя собой;
Ты здѣсь была желанью непримѣтна,
Чужда любви, и сердцу безотвѣтна.

* * *

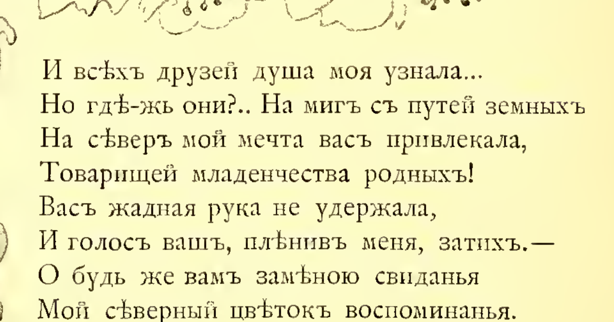
Но для меня твой видъ очарованье!
Въ твоихъ листкахъ вся жизнь минувшихъ лѣтъ,
Въ нихъ тайное цвѣтетъ воспоминанье,
И вѣетъ съ нихъ бывалаго привѣтъ.
Смотрю... и все, что мило, на свиданье
Съ моей душой, къ тебѣ родимый цвѣтъ,
Воздушною примчалося толпою,
И прошлое воскресло предо мною

* * *

---

[1]) Императрица Марія Ѳеодоровна вставала рано и ежедневно совершала прогулку верхомъ, сидя по мужски, въ сопровожденіи гофмаршала и пажа, послѣднему давался кошелекъ съ деньгами, которыя по приказанію государыни были даваемы тому или другому инвалиду; кромѣ того пажъ, идя впереди, вертѣлъ при проѣздѣ государыни вертушки—кресты на пѣшеходныхъ дорожкахъ, по которымъ императрица любила ѣздить.

[2]) Это цвѣточекъ Ländler-grass (изъ породы злаковъ), когда его находили дѣти Александры Ѳеодоровны, говоритъ Смирнова, то это очень радовало ея, ибо эта травка напоминала ей дѣтство (Часть I, стр. 175).



И всѣхъ друзей душа моя узнала...
Но гдѣ-жь они?.. На мигъ съ путей земныхъ
На сѣверъ мой мечта васъ привлекала,
Товарищей младенчества родныхъ!
Васъ жадная рука не удержала,
И голосъ вашъ, плѣнивъ меня, затихъ.—
О будь же вамъ замѣною свиданья
Мой сѣверный цвѣтокъ воспоминанья.

* * *

Онъ вспомнитъ вамъ союза часъ священный,
Онъ возвратитъ вамъ прошлы времена...
О сладкій часъ! О вечеръ незабвенный!
Какъ Божій рай, цвѣла тамъ сторона.
Безоблаченъ былъ западъ озаренный,
И свѣжая на землю тишина,
Какъ тайное предчувствіе, сходила:
Природа вся съ душею говорила.

* * *

И къ намъ тогда, какъ геній, прилетало
За пѣснею веселой старины,
Прекрасное, что нѣкогда бывало
Товарищемъ младенческой весны;
Отжившее опять тамъ оживало;
Минувшихъ лѣтъ семьей окружены,
Все лучшее мы зрѣли настоящимъ,
И время намъ казалось не летящимъ.

* * *

И *Вѣрная* была незрима съ нами...
Сіи окрестъ волшебныя мѣста,



Сей тихій блескъ заката за горами,
Сія небесъ вечернихъ красота,
Сей миръ души, согласный съ небесами,
Со всѣмъ была, какъ таинство, слита
Ея душа присутствіемъ священнымъ,
Невидимымъ, но сердцу откровеннымъ.

* * *

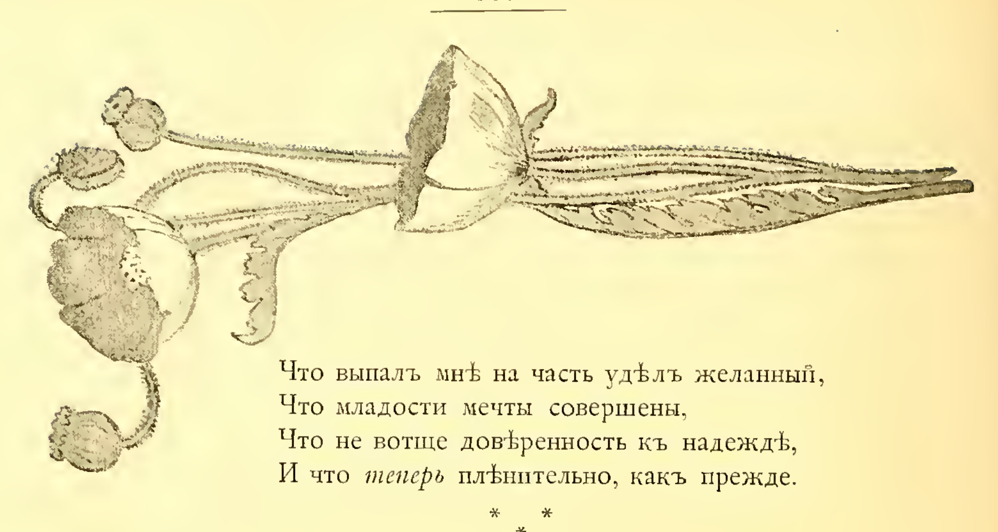
И насъ Ея любовь благословляла;
И ободрялъ на благо милый гласъ...
Друзья, тогда судьба еще молчала
О жребіяхъ, назначенныхъ для насъ;
Неизбраны на днѣ фіала
Они еще таились въ оный часъ;
Играли мы на тайномъ прагѣ свѣта...
Тогда былъ данъ вамъ мною цвѣтъ завѣта.

* * *

И гдѣ же вы?.. Разрозненъ кругъ нашъ тѣсный;
Разлучена веселая семья;
Изъ области младенчества прелестной
Разведены мы въ разные края;
Но розно-ль мы?.. Повсюду въ поднебесной,
О вѣрные, далекіе друзья,
Прекрасная всѣхъ благъ земныхъ примѣта,
Для насъ цвѣтетъ намъ милый цвѣтъ завѣта

* * *

Изъ сѣверной, любовію избранной,
И промысломъ указанной страны,
Къ вамъ нынѣ шлю мой даръ обѣтованный;
Да скажетъ онъ друзьямъ моей весны,



Что выпалъ мнѣ на часть удѣлъ желанный,
Что младости мечты совершены,
Что не вотще довѣренность къ надеждѣ,
И что *теперь* плѣнительно, какъ прежде.

* * *

Да скажетъ онъ, что въ нашъ союзъ прекрасный
Еще одинъ товарищъ приведенъ:
На путь земной изъ люльки безопасной
Ужъ подаетъ младую руку онъ;
Его лице невинностію ясно
И жизнь надъ нимъ какъ легкій вѣетъ сонъ;
Безпечному предавъ его веселью,
Судьба молчитъ надъ тихой колыбелью.

* * *

Но сладостнымъ предчувствіемъ тѣснится
На сердце мнѣ грядущаго мечта;
Веселый день младенчества промчится,
Разоблачатъ житейское лѣта,
Огнемъ души сей взоръ воспламенится,
И мужески созрѣетъ красота;
Услышитъ онъ возвышенныя вѣсти
О праотцахъ, о доблести, о чести...

* * *

О, да пойметъ онъ ихъ знаменованье,
И жизнь его да будетъ имъ вѣрна!
Да перейдетъ, какъ чистое преданье
Прекрасныхъ дѣлъ, въ другія времена!
Чтобъ ни было судьбы обѣтованье,
Лишь благомъ будь она освѣщена!..
Вы-жь, милые, товарища примите,
И путь его земной благословите.

* * *

А ты, нашъ цвѣтъ, питомецъ скромный луга,
Символъ любви и жизни молодой,
Отъ сѣвера, отъ запада, отъ юга
Летай къ друзьямъ желанною молвой;
Будь голосомъ привѣтствующимъ друга;
Посолъ души, внимаемый душой,
О вѣрный цвѣтъ, безъ словъ бесѣдуй съ нами
О томъ, чего не выразить словами.

1-го іюля 1819 г.



Въ бытность же Великаго Князя Николая Павловича съ супругою въ Красномъ Селѣ, «однажды Императоръ Александръ I, говоритъ Александра Ѳеодоровна, отобѣдавъ у насъ, сѣлъ между нами и, бесѣдуя, вдругъ перемѣнилъ тонъ и сталъ, приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ, говорить намъ, что онъ остался доволенъ поутру командованіемъ надъ войсками Николая и вдвойнѣ радуется, что онъ хорошо исполняетъ свои обязанности, ибо на него со времеменъ ляжетъ

большое бремя, такъ какъ Императоръ смотритъ на него, какъ на своего наслѣдника [1]), и это произойдетъ гораздо скорѣе, нежели можно ожидать, такъ какъ Николай заступитъ его мѣсто еще при его жизни».

«Мы сидѣли словно окаменѣлые, широко раскрывъ глаза, и не были въ состояніи произнести ни слова. Императоръ продолжалъ:

— Кажется, вы удивлены, такъ знайте же, что братъ Константинъ [2]), который никогда не хлопоталъ о престолѣ, порѣшилъ нынѣ, тверже чѣмъ когда либо, формально отказаться отъ него, передавъ свои права брату своему Николаю [3]) и его потомкамъ. Что же касается меня, то я рѣшилъ отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра. Европа теперь, болѣе чѣмъ когда-либо нуждается въ Государяхъ молодыхъ, вполнѣ обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ удалиться

---

[1]) Князь А. Н. Голицынъ разсказывалъ, что Императоръ Александръ I посылалъ В. К. Николая Павловича въ Линархъ къ философу Овэну, который былъ пораженъ Его Высочествомъ и сказалъ о немъ: «Онъ созданъ, чтобы повелѣвать». Это было въ 1814 г. когда никто еще не подозрѣвалъ, что ему придется царствовать.

[2]) Былъ женатъ на 3-й дочери герцогини Кобургской—Юліанѣ, получившей имя Анны Феодоровны, которая въ 1802 г. вернулась въ Кобургъ, а формально была разведена съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ манифестомъ 20-го марта 1820 г. Сестры Юліаны: Антуанета была замужемъ за герцогомъ Александромъ Виртембергскимъ, братомъ Императрицы Маріи Феодоровны; Викторія—за принцемъ Карломъ Лейнингенскомъ, а вторымъ бракомъ за Эдуардомъ Кентскимъ, королева Викторія ихъ дочь. Четвертая сестра была женою австрійскаго ротмистра Эммануила Менсдорфа, сынъ котораго графъ Менсдорфъ-Пульи былъ, въ 1852 г., посланникомъ въ Петербургѣ. Императоръ Николай I питалъ къ нему большую симпатію, а женщины влюблялись въ него, словно по командѣ, и единственнымъ соперникомъ ему былъ тогдашній пѣвецъ Маріо-ди-Кандіа.

[3]) Письмо Цесаревича Константина Павловича къ Императору Александру I объ его отреченіи помѣченное 14-го (26-го) января 1822 г., было найдено въ пакетѣ, на которомъ была сдѣлана собственноручная надпись Государя: «Хранить въ Государственномъ Совѣтѣ до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть, прежде всякаго другого дѣйствія, въ чрезвычайномъ собраніи». Въ романѣ Грегора Самарова «Die Krone der Jagellonen» описана интимная жизнь Великаго Князя Константина Павловича и его супруги, княгини Ловичъ.

во-время. Я думаю то же самое сдѣлаетъ и король прусскій, передавъ свою власть Фрицу».

«Видя, что мы готовы разрыдаться, онъ постарался утѣшить насъ, и въ успокоеніе сказалъ намъ, что это случится не тотчасъ, и пожалуй пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ будетъ приведенъ этотъ планъ въ исполненіе; затѣмъ онъ оставилъ насъ однихъ. Можно себѣ представить, въ какомъ мы были состояніи. Никогда ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову, даже во снѣ. Насъ точно громомъ поразило; будущее показалось намъ мрачнымъ и недоступнымъ для счастья. Это была минута памятная въ нашей жизни.

«Послѣдній мѣсяцъ моей беременности я провела возлѣ свекрови, но такъ какъ не могла ходить вслѣдствіе опухоли и боли въ ногахъ, то меня усаживали днемъ въ бесѣдкѣ у Розоваго павильона, гдѣ растянувшись на кушеткѣ, я могла дышать воздухомъ, не двигаясь съ мѣста».

«Послѣ долгаго ожиданія, 5-го августа, я почувствовала боли, но рѣшила объ этомъ не говорить и каталась даже два раза въ линейкѣ; вечеромъ, когда я ужинала вдвоемъ съ m-lle Вильдерметъ [1]), вдовствующая Императрица прислала мнѣ камеръ-пажа сказать, что она разложила большой пасьянсъ и что такъ онъ сошелся, то я должна разрѣшиться въ ту же ночь. Я приказала отвѣтить, что чувствую себя превосходно. Дѣйствительно, я легла и немного задремала, но вскорѣ наступили серьезныя боли. Императрица, предупрежденная объ этомъ, явилась чрезвычайно скоро, и 6-го августа, въ третьемъ часу ночи явилась на свѣтъ дочь Марія [2]), рожденіе которой было встрѣчено ея отцомъ не съ особенной радостью; онъ ожидалъ сына; впослѣдствіи онъ часто упрекалъ себя за это и, конечно, горячо полюбилъ дочь. Едва успѣла я оправиться

[1]) Госпожу Вильдерметъ и Жуковскаго фрейлина А. О. Россетъ прозвала «M-r и M-lle Ninette при Дворѣ», потому что они сохраняли святую простоту, которую такъ превозноситъ St. François de Sales. Г-жа Вильдерметъ умерла въ Бернѣ. («Записки А. О. Смирновой», т. I, стр. 42).

[2]) По случаю рожденія Великой Княгини Маріи Николаевны данъ былъ въ г. Олонцѣ, 8-го августа, Высочайшій Государя Императора манифестъ, а крестины новорожденной были совершены 17-го августа («Спб. Вѣдом.» за 1818 г. № 65 и 67).

отъ родовъ, какъ Дворъ maman переѣхалъ въ Гатчино [1]), куда мы послѣдовали за нею съ обоими дѣтьми. Мой мужъ и Михаилъ Павловичъ ненавидѣли Гатчинскій дворецъ, вспоминая проведенныя въ немъ скучныя зимы 1810, 1811 и 1812 гг., посвященныя исключительно воспитанію. Вдовствующая Императрица рѣшилась покинуть Петербургъ даже на зимнее время и избрала Гатчину, какъ мѣсто, гдѣ для молодыхъ людей не могло представляться никакихъ развлеченій, почему эта мѣстность и представлялась особенно удобной для завершенія образованія младшихъ сыновей.

«Я нашла Гатчинскій дворецъ дѣйствительно скучнымъ, но собранія въ такъ называемомъ арсеналѣ показались мнѣ весьма пріятными по своей простотѣ въ сравненіи съ другими мѣстами. Всевозможныя игры, размѣщенныя въ разныхъ отдѣленіяхъ арсенала — нѣкогда это былъ простой сарай, — доставляли намъ развлеченія. Я попробовала тутъ впервые скатиться съ деревянной горы стоя. Наша добрая maman радовалась, видя меня въ своемъ домѣ такой веселой и юной. Наше всегдашнее общество было немногочисленное; по воскреснымъ днямъ оно увеличивалось пріѣзжими изъ города.

«14-го октября, день рожденія Императрицы (Маріи Θеодоровны), былъ день торжественный и утомительный. Наканунѣ были танцы, и я познакомилась съ Александромъ Бенкендорфомъ [2]), котораго видѣла мелькомъ въ Москвѣ. Я много слышала о немъ еще въ Берлинѣ и Добберанѣ; всѣ превозносили

---

[1]) Названіе Гатчины образовалось изъ села Хотчино, существовавшаго еще въ XV вѣкѣ и Хотчино превратилось въ Гатчину лишь въ XVIII в. въ угоду нѣмецкому произношенію, отъ слова: Hat Schöne (имѣетъ красоту). Гатчину Императрица Екатерина II купила послѣ смерти гр. Г. Г. Орлова.

[2]) Гр. Алек. Христоф., впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, шефъ жандармовъ (род. 1783 г. † 1844 г.). Отецъ его генералъ-аншефъ былъ женатъ на подругѣ дѣтства Императрицы Маріи Θеодоровны, дѣвицѣ Аннѣ-Юліанѣ Шиллингъ фонъ Канштадтъ, пріѣхавшей въ Петербургъ въ 1781 г. Г-жа Бенкендорфъ, считавшаяся какъ бы членомъ Монбельярскаго семейства подъ именемъ Тилль, была женщиной съ сильнымъ умомъ и, по пріѣздѣ своемъ съ мужемъ въ Россію, возъимѣла большое вліяніе на свою царственную подругу Императрицу Марію Θеодоровну (См. Шумигорскій «Императрица Марія Θеодоровна», т. I, стр. 153). Бабкѣ гр. А. Х. Бенкен-

его храбрость и сожалѣли о его безолаберной жизни, въ то-же время подсмѣивались надъ нею. Меня поразила его степенная наружность, вовсе не соотвѣтствовавшая установившейся за нимъ репутаціи повѣсы. Я могла бесѣдовать съ нимъ по нѣмецки, что̀ для меня было вдвойнѣ удобно, такъ какъ я все еще чувствовала стѣсненіе и нѣсколько затруднялась говорить по французски въ Россіи,[1]) гдѣ почти всѣ изъяснялись на этомъ салонномъ языкѣ изящно и изысканно. Въ то время мало еще говорили по русски, тогда какъ въ настоящее царствованіе (Николая I) на нашемъ національномъ языкѣ говорятъ чаще и болѣе правильно, а это очень хорошо, ибо вполнѣ естественно.

«Maman часто приглашала графа и графиню Литта; трудно было встрѣтить болѣе красивую бѣлолицую старушку, нежели графиня Литта. Въ концѣ октября мы переѣхали изъ Гатчины, и обычный образъ жизни вступилъ въ свои права». Занятія Великой Княгини русскимъ языкомъ съ Жуковскимъ, хотя и съ перерывами продолжались. 26-го ноября Ея Высочество писала поэту:

> «Я очень несчастлива. Завтра мнѣ совсѣмъ невозможно взять урокъ, потому что я буду танцовать нынче вечеромъ во дворцѣ».

а три дня спустя, 29-го числа, извѣщала:

> «Бала не было; теперь я еще несчастливѣе, мы въ траурѣ, и вотъ на нѣсколько недѣль не будетъ ни бала, ни театра; но я надѣюсь, что пятницы во дворцѣ не разстроятся».

Упоминаемый трауръ при дворѣ былъ наложенъ на 4

дорфъ—Софьѣ Ив., рожденной Левенштернъ, вдовѣ Ревельскаго коменданта, Императрица Екатерина II поручила со дня рожденія своего внука Александра Павловича.

[1]) Даже Шамбо, секретарь, Александры Ѳеодоровны, говорилъ французскимъ языкомъ XVII вѣка. Это удивляло Пушкина и А. О. Смирнова (см. «Записки» ея т. I стр. 168) поясняла поэту что онъ гугенотъ и, по словамъ его, существуетъ селеніе у воротъ Берлина, въ которомъ пріютились изгнанники послѣ уничтоженія Нантскаго эдикта—французскій Бухгольцъ и тамъ есть еще Мольеры, есть директоръ г. Ансильонъ и Ларошламберы.

*

недѣли, съ 2-го декабря, по случаю кончины Великаго Герцога Мекленбургъ Шверинскаго Фридриха Людвига.

Жуковскій, занимаясь съ Великою Княгинею, продолжалъ выпускать для нея книжечки «Для немногихъ», по прочтеніи которыхъ Пушкинъ написалъ ему стихотвореніе [1]), въ которомъ говорилъ·

«Ты правъ! творишь ты для *немногихъ*;
Не для подкупленныхъ судей,
Ревнивыхъ милостью своей,
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей.
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей!
Не всякаго полюбитъ счастье
Не всѣ родились для вѣнцовъ.
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ!
Кто наслажденіе прекрасномъ
Въ завидный получилъ удѣлъ,
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ сладостнымъ и яснымъ!
Смотри какъ пламенный поэтъ,
Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
На свитокъ генія склоненный,
Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ.
Онъ духомъ тамъ—въ дыму столѣтій
Предъ нимъ волнуются толпой
Злодѣйства, мрачной славы дѣти
Съ сынами доблести прямой;
Отъ сна воскресшими вѣками
Онъ бродитъ тайно окруженъ,
И благодарными слезами
Карамзину приноситъ онъ

[1]) Было напечатано безъ подписи автора въ «Сынѣ Отечества» 1821 г. № 52,

Живой души благодаренье
За мигъ восторга золотой,
За благотворное забвенье
Безплодной суеты земной—
И въ немъ трепещетъ вдохновенье».

Несомнѣнно Жуковскій эти стихи показывалъ своей царственной ученицѣ, такъ какъ получить ихъ ему было крайне пріятно, ибо князь П. А. Вяземскій говоритъ, что при появленіи въ свѣтъ первой книжечки «Для немногихъ» князь А. Н. Голицынъ, встрѣтясь съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, спросилъ его: «Читали-ли вы «Для немногихъ»?

«Для немногихъ, да и немного», отвѣтилъ послѣдній. Но Н. М. Карамзинъ, о которомъ упоминаетъ въ своемъ стихотвореніи Пушкинъ, писалъ [1]) Жуковскому: «Вмѣсто»: «Для немногихъ», я поставилъ бы *не много да хорошо*».

Зима 1819 г. не походила на прошлогоднюю. Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія была принуждена отказаться отъ всѣхъ приглашеній и ограничить свои вечерніе выѣзды лишь посѣщеніемъ театровъ, и то изрѣдка, едва высиживая лишь два дѣйствія. Къ счастію Великій Князь Николай Павловичъ могъ больше, чѣмъ прежде посвящать времени домашней жизни. Начались по прежнему

[1]) «Рус. Арх.» 1868 г. стр. 1835. Въ этомъ же письмѣ (1818 г.) Карамзинъ сообщалъ: «Я два раза былъ здѣсь у Великаго Князя Николая Павловича, не заставалъ его и отдалъ два экземпляра «Исторіи» камердинеру его для него и для Великой Княгини, но не имѣлъ никакого отзыва отъ ихъ Высочествъ: дошли-ли до нихъ экземпляры»? Какая была простота, а вмѣстѣ съ тѣмъ невольно съ этими строками вспоминаются слова историка С. М. Соловьева, что приготовленные имъ экземпляры его исторіи для Высочайшихъ лицъ, посланные въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, были тамъ оставлены, а историкъ получилъ бумагу отъ его сіятельства, чтобы онъ «не смѣлъ безпокоить присылкою подносныхъ экземпляровъ своей исторіи, что они поднесенны быть не могутъ до окончанія сочиненія. («Рус. Вѣстн.» 1896 г. № 5 стр. 123 изъ неизданныхъ бумагъ С. М. Соловьева»).

чтенія и другія занятія: Александра Θеодоровна занималась музыкою, а супругъ, ея рисованіемъ. Онъ обладалъ бойкостью въ изображеніи военныхъ сценъ, причемъ его руководителемъ былъ художникъ Зауервейдъ — человѣкъ замѣчательно прямой и даже рѣзкій самостоятельностію своего характера. Великій Князь сошелся съ нимъ еще во время своего путешествія въ Англію, въ 1817 г.,[1]) и уже не разставался съ Зауйвердомъ, который во всю свою жизнь ни на минуту не измѣнилъ своего независимаго тона и обращенія съ Его Высочествомъ, когда Великій Князь сталъ даже Императоромъ.



Собственноручная гравюра Великаго Князя Николая Павловича.
(изъ коллекціи Императ. Публич. Библіотеки).

«Зима эта, говоритъ Великая Княгиня Александра Θеодоровна, была довольно весела, но неособенно блестяща. Признаки новой беременности испортили мнѣ все, хотя я и не была въ ней вполнѣ увѣрена. Я очень мало интересовалась политикой; Императоръ, напротивъ того, съ неослабнымъ интересомъ слѣдилъ за европейскими дѣлами. Священный союзъ, мысль прекрасная и идеальная, былъ результатомъ его сокровеннѣйшихъ убѣжденій въ дѣлѣ христіанской вѣры. Люди набожные и мистически настроенные утвердили его въ этихъ мысляхъ, доказавъ ему, на основаніи священнаго писанія, будто онъ предназначенъ судьбою сдѣлаться и пребыть умиротворителемъ Европы и бойцомъ за правое дѣло противъ революціоннаго прин-

---

[1]) Вмѣстѣ съ Зауервейдомъ Великій Князь Николай Павловичъ въ Эдинбургѣ посѣтилъ шотландскаго художника Аллана (1782†1850), друга Вальтеръ-Скотта, который 10 лѣтъ провелъ въ Польшѣ и Россіи, и пріобрѣлъ у него двѣ картины. Въ 1841 г. Уйльямъ Алланъ вторично пріѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ по заказу Николая I написалъ: «Петра Великаго обучающаго своихъ подданныхъ караблестроенію».

ципа Этими лицами были: вначалѣ г-жа Крюднеръ, [1]) а впослѣдствіи Кошелевъ и добрый князь Александръ Голицынъ».

«Весною мужъ мой покидалъ меня почти всегда въ одно и то-же время, для осмотра, въ качествѣ генералъ-инспектора по инженерной части, крѣпостей – Динабургской и Бобруйской или Рижской, Ревельской и т. п. Это бывало въ маѣ, во время переѣзда на дачу; я пробыла короткое время въ Гатчинѣ и Царскомъ Селѣ, а затѣмъ поселилась въ Павловскѣ у maman. Весна была ужасная, холодная и скучная; зелень появилась только въ іюнѣ. Императоръ Александръ, столь добрый ко мнѣ, былъ, однако, для меня причиною большаго огорченія. Оставаясь всегда самой собою, т. е. дѣйствуя безъ расчета и показывая себя такою, какова я была на самомъ дѣлѣ, въ надеждѣ быть понятой, я не уразумѣла подозрительнаго характера Государя, недостатка вообще присущаго людямъ глухимъ. Не будучи положительно глухимъ, Императоръ съ трудомъ могъ разслушать своего визави за столомъ, и охотнѣе разговаривалъ съ глазу на глазъ съ сосѣдомъ. Эму казались такія вещи, о которыхъ никто и недумалъ, будто надъ нимъ смѣются, будто его слушаютъ затѣмъ только, чтобы посмѣяться надъ нимъ и будто мы дѣлаемъ другъ другу знаки украдкою отъ него. Эта подозрительность доходила до того, что становилось прискорбно видѣть подобныя слабости въ человѣкѣ съ прекраснымъ сердцемъ и умомъ. Я расплакалась, когда онъ сдѣлалъ мнѣ подобныя замѣчанія и выговоръ; я чуть не задохнулась отъ слезъ, но затѣмъ между нами не пробѣгало уже ни малѣйшаго облачка; онъ повѣрилъ моему чистосердечію и моей дружбѣ къ нему граничившей скорѣе съ восторженнымъ обожаніемъ, чѣмъ съ насмѣшкою. Мы называли его въ нашихъ интимныхъ

[1]) Съ г-жею Крюднеръ императоръ Александръ I познакомился въ Гейдельбергѣ. Государь жилъ въ живописной виллѣ близь Карловыхъ воротъ (Karlsthor), у подошвы горной цѣпи, между замкомъ и Вольфсбрунномъ. Недалеко оттуда, въ крестьянской избѣ, въ деревнѣ Шліербахъ жила и г-жа Крюднеръ, урожденная Юліана фонъ-Фитингофъ, вышедшая замужъ за барона Крюднера. Ночью она явилась къ Александру I, въ бѣломъ одѣяніи, съ вѣнкомъ на головѣ и тономъ пророчицы возвѣстила ему, что онъ избранъ судьбою къ тому, чтобы положить основаніе религіознохристіанскому государственному строю, который долженъ лечь въ основу всей политики будущаго.

письмахъ просто ангелъ, а не императоръ, и, разумѣется, онъ не могъ бы найти людей болѣе преданныхъ ему, чѣмъ Николай и я.

«Волненіе, причиненное мнѣ этими маленькими сценами, было настолько сильно, что оно подѣйствовало на мое здоровье; и мнѣ пришлось пустить кровь гораздо ранѣе, нежели во время прежнихъ беременностей. Дурная погода, во время пребыванія въ Красносельскомъ лагерѣ также дурно повліяла на меня. Я пріѣхала въ Петергофъ къ 25-му іюня съ опухшими ногами и съ страшной мигренью, которая продолжалась три дня и сопровождалась приливами къ головѣ, вслѣдствіе чего я не могла появиться ни на обѣдахъ ни на маленькихъ балахъ. Императоръ разъ вечеромъ навѣстилъ меня и поцѣловалъ мою ногу, когда я лежала въ кровати, и это весьма меня разсмѣшило. Двѣ ночи спустя я была при смерти; судороги, случившіяся со мною 27-го іюня, въ то время, какъ я впала въ обморокъ, были причиною смерти ребенка который родился въ Павловскѣ 10-го іюля. Я провела обычныя шесть недѣль въ деревянномъ Константиновскомъ дворцѣ довольно тоскливо, но пользуясь самымъ заботливымъ уходомъ со стороны мужа и вдовствующей императрицы. Въ то время производили фуроръ романы Вальтеръ-Скотта, и Никсъ читалъ мнѣ ихъ. Я была очень слаба, очень блѣдна и интересна, какъ сказывали, когда появилась вновь при дворѣ. Со стороны нѣкоторыхъ, а именно Орлова и Бенкендорфа, я была встрѣчена косыми взглядами и минами. Чтобы утѣшить меня въ горѣ, мнѣ обѣщали поѣздку зимою въ Берлинъ. Дѣйствительно, три года прошло уже со времени моего замужества, и было вполнѣ естественно сдѣлать маленькій визитъ отцу и предпринять лѣтомъ 1821 г. лѣченіе для возстановленія моего здоровья».

Императоръ Александръ особенно сочувствовалъ болѣзни и горю Великой княгини Александры Ѳеодоровны, такъ какъ самъ находился въ мрачномъ настроеніи по случаю пожара, въ іюнѣ 1820 г., части дворца и лицея въ Царскомъ селѣ. «До сихъ поръ, говорилъ онъ, я былъ столько избалованъ счастіемъ, что теперь страшусь себѣ противнаго». Послѣ обычной поѣздки по Россіи, во время которой Александръ былъ въ Москвѣ, Воронежѣ, Курскѣ, Харьковѣ, Полтавѣ и Кременчугѣ, онъ воз-

вратился въ Петербургъ ко дню тезоименитства супруги, 5-го сентября. Присутствовалъ въ этотъ день на спускѣ 100 пушечнаго корабля «Твердый» и въ ночь на 6-е число уѣхалъ въ Варшаву на сеймъ. Вѣроятно въ это время Императоръ ускорилъ отъѣздъ своей невѣстки въ Берлинъ, чему не мало способствовали и просьбы гостившаго у своей сестры ея младшаго брата, принца прусскаго Карла, на котораго государь, 9-го іюня 1820 [1]) возложилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Въ половинѣ сентября Великокняжеская чета оставила Павловскъ, 18-го числа проѣхала Ямбургъ, 19-го ночевала въ Нарвѣ, 21-го миновала Ригу, 22-го остановилась на ночлегъ въ Митавѣ, и 14-го октября, въ 5-мъ часу пополудни, прибыла въ Берлинъ. Великій Князь Александръ Николаевичъ и его сестра Марія Николаевна были оставлены на попеченіе вдовствующей императрицы Маріи Θеодоровны съ которою и провели осень сперва въ Павловскѣ, а потомъ въ Гатчинѣ. Н. И. Гречъ [2]) разсказывалъ что осенью 1820 г. «Однажды послѣ обѣда въ Гатчинѣ, нянька-англичанка принесла маленькаго Великаго Князя въ такъ называемый арсеналъ нижній этажъ Гатчинскаго дворца, въ которомъ была столовая Государыни Маріи Θеодоровны и залъ вечернихъ ея собраній. Императрица удалилась. Осталось нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ адъютантъ Великаго Князя Михаила Павловича, Илья Гавриловичъ Бибиковъ и еще гусарскіе офицеры. Г. И. Романовъ нянчилъ младенца и Великую Княжну Марію Николаевну; потомъ офицеры. а за ними и я, окружили Великаго Князька и начали играть съ нимъ. Шевичъ сказалъ ему: «Ваше Высочество представьте дядюшку Константина Павловича». Ребенокъ поднялъ и сжалъ носикъ. Всѣ расхохотались. «Смотрите сказалъ Бибиковъ нянькѣ,—чтобы онъ не былъ похожъ на этого дядюшку»... Потомъ говорено было еще многое на этотъ счетъ; между прочимъ смѣялись, что ребенокъ назвалъ снѣгъ бѣлыми мухами. Я спросилъ у няньки, каковъ у него нравъ. «Предобрый» отвѣтила она, «онъ очень жалостливъ и, увидѣвъ недавно нищаго мальчика, сказалъ съ сожалѣніемъ «poor boy» (бѣдный мальчикъ). У него былъ въ рукѣ кусочекъ кренделя. Я протянулъ къ нему руку и сказалъ

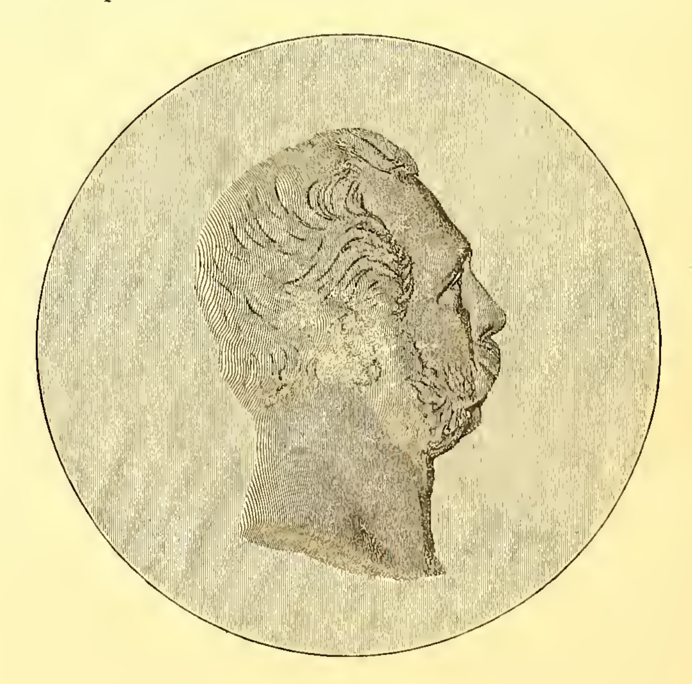
[1]) См. «С.-Петерб. Вѣд.» 1820 г. № 55.

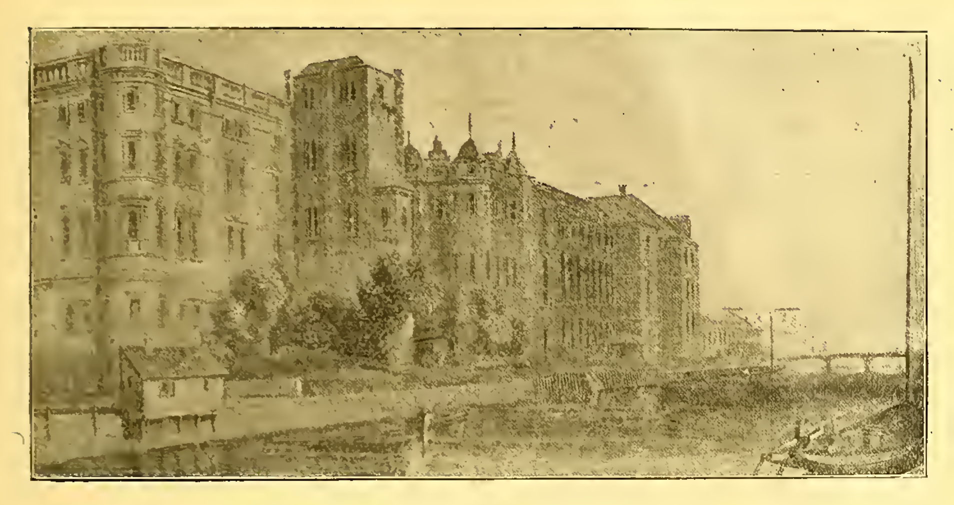
[2]) «Рус. Арх.» 1884 г.т. III стр. 58.

«пожалуйте мнѣ!» Онъ тотчасъ отдалъ... Такъ вы знаете, прибавилъ я, что значитъ и good boy? (добрый мальчикъ).

Изъ этихъ невинныхъ словъ сплели предлинную сказку, приписали мнѣ все сказанное офицерами и донесли. Въ синедріонѣ у княгини Ливенъ положено мое отчужденіе, что̀ и исполнено въ точности. Главнымъ орудіемъ въ томъ былъ гофмаршалъ баронъ Альбедиль, котораго всѣ рабочіе и мастеровые называли баронъ Обидѣлъ».

Конечно объ этомъ ничего не знали родители юнаго Великаго Князя Александра Николаевича, но будучи уже Императоромъ Александръ II отлично помнилъ свое пребываніе въ Гатчинѣ и Павловскѣ въ 1820 годахъ, что видно изъ сдѣланныхъ въ Бозѣ почивающимъ Монархомъ собственноручныхъ замѣчаній къ книгѣ «Павловскъ», изданной Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ подъ редакціею М. Семевскаго (см. его «біографію» стр. 153), въ которыхъ императоръ Алеxандръ II дѣлалъ поправки о времени прибытія или отъѣзда тѣхъ или другихъ особъ Августѣйшей фамиліи 1820 годовъ и собственномъ пребываніи въ тѣже годы въ Павловскѣ.





Видъ королевскаго замка въ Берлинѣ со стороны рѣки Шпрее.
(Съ гравюры 1820-хъ годовъ).

Глава V.

ПОѢЗДКА НА РОДИНУ.



ерлинъ сильно измѣнился въ пять лѣтъ, прожитыхъ страною въ мирѣ. Пріѣхавъ въ столицу осенью 1820 года, Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна нашла родной свой городъ уже не тѣмъ, какимъ его оставила: это время сказалось не только въ матеріальномъ ростѣ столицы, но и въ умственномъ развитіи, сдѣланномъ Пруссіею, которая спѣшила поравняться съ остальной Европой, едва ослабѣлъ гнетъ, принуждавшій ее, съ самаго вступленія въ разрядъ европейскихъ державъ, отдаться исключительно военной дисциплинѣ, въ ущербъ другимъ отраслямъ государственнаго строя.

Правда, вскорѣ по вступленіи на престолъ [1]) Фридриха-

---

[1]) Съ извѣстіемъ о вступленіи короля Фридриха-Вильгельма III въ Петербургъ былъ посланъ генералъ Клейстъ фонъ Коллендорфъ (1762 † 1823), бывшій впослѣдствіи фельдмаршаломъ.

Вильгельма III кружокъ берлинскихъ писателей приступилъ къ изданію новаго журнала «Jharbucher der preussischen Monarchie unter der Regierung Friedrich-Wilchelm's III»; это изданіе должно было шагъ за шагомъ сопровождать правленіе короля и давать новую пищу тому пламени патріотизма, которое, само собою разумѣется, все ярче пылало въ столицѣ. На первомъ планѣ—король и его высокій домъ, на второмъ—государство, воспринимающее духъ правителя въ законахъ и его управленіи. Личный культъ короля проходилъ, говоритъ Гаймъ, по всѣмъ мѣстамъ изданія. Самыя обширныя, резонирующія статьи писалъ Энгель [1]) (воспитатель короля), Граве и Эбергардтъ. Перваго изъ нихъ называли тогда «современнымъ Цицерономъ», и, дѣйствительно, Энгель подкупалъ читателей красотою изложенія. Меркель противопоставлялъ его даже Гёте и романтикамъ, но впослѣдствіи авторитетъ Энгеля, какъ писателя, былъ потрясенъ именно романтиками.



Энгель,
(воспитатель Фридриха Вильгельма III).

Вообще девять лѣтъ царствованія Фридриха-Вильгельма III, предшествовавшихъ Іенской катастрофѣ, составляли несомнѣнный поворотъ къ лучшему въ сравненіи съ предъидущимъ царствованіемъ Фридриха-Вильгельма II, добраго, мягкаго, полнаго хорошихъ намѣреній; но слабаго и неразборчиваго въ вы-

[1]) Энгель одно время управлялъ берлинскимъ театромъ и особенно ратовалъ за прозаическую форму драмы; его теорія, враждебная Шекспиру, содѣйствовала упроченію на берлинскомъ театрѣ «семейной драмы» Коцебу и Иффланда, послѣдній, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ актеромъ, и по просьбѣ королевы Луизы, впервые изъ актеровъ въ Пруссіи получилъ орденъ Чернаго орла.

борѣ совѣтниковъ [1]), а также не обращавшаго никакого вниманія на договоры. Король этотъ въ грошъ не ставилъ свою подпись и нарушалъ трактаты, когда это было ему выгодно. Онъ дошелъ до того, что французскій посланникъ въ Берлинѣ, Валори, прямо укорялъ Фридриха II въ обманѣ—«Mais ce n'est pas tromper cela,—отвѣчалъ король,—c'est se tirer d'affaire». Erst nehmen und dann unterhandeln—былъ его политическій девизъ, выражающійся въ наши дни въ пресловутомъ beati possidentes.

Про Фридриха-Вильгельма III графъ Н. П. Панинъ писалъ князю А. Б. Куракину: «Новый король не хочетъ торопиться ни въ чемъ: таково его правило; онъ открыто его выражаетъ и подтверждаетъ съ первыхъ же своихъ дѣлъ» [2]).

Вслѣдъ за паденіемъ Наполеона, въ Германіи насталъ наибольшій подъемъ духа, когда, въ видѣ несокрушимаго фундамента, заложена была идея національнаго «единства» [3]). И это слово раздалось какъ разъ въ тотъ моментъ, когда нѣмцы съ отчаяніемъ и горечью должны были созерцать свою разрозненность, сдѣлавшую ихъ легкою добычею непріятельской арміи.

Но этому страстному, лихорадочному увлеченію близкимъ осуществленіемъ идеи нѣмецкаго *единства* подрѣзалъ крылья вѣнскій конгрессъ, помѣстивъ въ трактатѣ статью, гласившую: «les états allemands seront indépendants et unis par un lien fédératif». Нѣмцы понимали, какая пропасть раздѣляетъ «независимыя нѣмецкія государства, соединенныя федеративною связью», отъ той единой нѣмецкой родины, о которой они мечтали и бредили.

---

[1]) Между такими совѣтниками былъ любимецъ короля Бишофсвердеръ († 1803) и номинальный мужъ королевской фаворитки Рицъ, которые явились участниками хищеній, производившихся съ имѣніями, въ провинціяхъ, пріобрѣтенныхъ Пруссіею отъ Польши; въ это дѣло они втянули даже Блюхера (См. Ppilippson «Geschichte des preussischen Staats-wessen von Tode Friedrich des Grosen»). Фридрихъ-Вильгельмъ III уволилъ Бишофсвердера отъ службы за дряхлостью и слабоуміемъ, который вѣрилъ въ алхимію и универсальное лекарство.

[2]) «Рус. Стар.» 1873 г., т. VIII, стр. 355.

[3]) Въ силу 13 статьи Союзнаго германскаго акта во всѣхъ государствахъ нѣмецкаго союза должно быть учреждено земское управленіе; это привело умы въ необычайное броженіе.

«Неудовлетворительность результатовъ вѣнскаго конгресса для Германіи, пишетъ Трейчке [1]), обусловливалась не внутреннимъ несогласіемъ нѣмцевъ, но тѣмъ, что Австрія отпала отъ Германіи. Старинная династическая политика Габсбурговъ, которая такъ часто предоставляла иноземцамъ имперскія земли въ замѣнъ императорскихъ наслѣдственныхъ областей, на этотъ разъ, когда не было въ виду никакого желательнаго пріобрѣтенія для этого дома, попросту отреклась отъ нѣмцевъ».

Австрійскій Императоръ Францъ [2]), флорентинецъ по рожденію, уже молодымъ человѣкомъ переселился на Дунай, но маска чистосердечнаго австрійца сидѣла на немъ крѣпко. Никто въ мірѣ не былъ способенъ извлечь изъ него чувства сердечнаго расположенія. Онъ потерялъ двухъ женъ и скоро долженъ былъ похоронить третью, чтобы снова обвѣнчаться съ четвертою [3]). Не смотря на злой взглядъ его холодныхъ, жесткихъ глазъ, весь міръ вѣрилъ въ дѣтскую невинность его. Политическая система Франца была какъ нельзя болѣе проста. Послѣ всѣхъ мученій и заботъ онъ желалъ наконецъ опять имѣть покой, желалъ снова въ часы досуга играть на скрипкѣ, вырѣзать изъ картона и полировать клѣтки. Онъ очень вѣрно понималъ, что его династія уже пріобрѣла почти все, что только было желательно и должна была опасаться всякой перемѣны въ политическомъ строѣ Европы. Такимъ образомъ онъ сдѣлался, по принципу и разсчету, заклятымъ врагомъ всякой новизны, рѣшительно всякой перемѣны и подозрительнымъ противникомъ обѣихъ сосѣднихъ державъ, Россіи [4]) и Пруссіи.

---

[1]) Treitschke «Deutsche Geschichte in XIX Jahrhundert». Erster Theil.

[2]) Во время вѣнскаго конгресса ежедневно выдавалъ 50.000 гульденовъ на столъ, а на весь конгрессъ истратилъ 16 милліоновъ.

[3]) Вторая супруга его, Марія-Терезія, принцесса обѣихъ Сицилій, скончалась 13 апрѣля 1807 г. Въ 1808 г., 6 іюня, онъ женился на своей кузинѣ, принцессѣ моденской—Беатриче. Четвертая же супруга Франца была Каролина, принцесса баварская, которая развелать съ виртембергскимъ наслѣднымъ принцемъ Вильгельмомъ, ставшимъ въ 1816 г. мужемъ Великой Княгини Екатерины Павловны.

[4]) Послѣдняя по вѣнскому конгрессу уступила обратно Австріи княжество Торнопольское въ Галиціи съ 400 тысячъ жителей, пріобрѣтенное по Тильзитскому миру.

Одна свобода можетъ доставить, думали пруссаки, осуществленіе идеи нѣмецкаго единства [1]). Отсюда народился лозунгъ: Einhect durch Freiheit! Были люди и иного мнѣнія. Эти другіе полагали, что не политическая свобода поведетъ къ



Принцъ прусскій Вильгельмъ.
(Съ портрета Лебепа).

объединенію Германіи, а сила и военное могущество государства. Воспоминаніе еще свѣжѣе въ то время о Фридрихѣ II,

[1]) Въ концѣ 1808 г. Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ расположенъ въ пользу конституціонной идеи; по совѣту Гарденберга король обѣщалъ возстановить провинціальныя собранія. Общественное мнѣніе приняло королевское обѣщаніе съ шумнымъ ликованіемъ, но скоро оказалось, что обѣщали невозможное. Затѣмъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1815 г., король обѣщалъ даровать своему народу земское управленіе и предварительныя работы продолжались до 1823 г., когда 5 іюня король утвердилъ изготовленное «уложеніе объ областныхъ сословіяхъ», но рѣшеніе вопроса когда нужно будетъ общее созваніе государственныхъ сословій король предоставлялъ себѣ и откладывалъ его съ года на годъ.

создавшемъ прусскую армію, подсказывало, что изъ всѣмъ нѣмецкихъ государствъ такимъ сильнымъ и могущественнымъ можетъ сдѣлаться скорѣе другихъ одна лишь Пруссія и къ этимъ-то другимъ принадлежалъ второй братъ Великой Княгини Александры Ѳеодоровны, принцъ Вильгельмъ, который съ той поры и до конца своей жизни весь отдался служенію силѣ и военному могуществу своей родной страны. Армія стала его религіею, ею онъ дышалъ, ею онъ жилъ.

Указывая на законъ 1814 г., установившій въ Пруссіи всеобщую воинскую повинность, Трейчке замѣчаетъ, что «этотъ законъ опредѣлилъ на цѣлыя поколѣнія нравственныя и политическія воззрѣнія жителей Пруссіи и проникъ болѣе глубоко во всѣ ихъ житейскія условія, чѣмъ какое-либо научное открытіе или техническое изобрѣтеніе. Этотъ законъ принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣшающихъ (epochemachend) дѣйствій законодательной власти, которыя доказываютъ съ неопровержимымъ краснорѣчіемъ, что настоящая исторія есть въ сущности политическая исторія».

Впослѣдствіи этотъ порядокъ началъ было исчезать и знаменитый историкъ Гервинусъ, говоря о событіяхъ 1866 г., писалъ: «Послѣ того, какъ въ теченіе полувѣка все желало, стремилось, надѣялось постепенно освободиться отъ духа солдатчины старыхъ временъ и если не уничтожить, то облегчить, по крайней мѣрѣ, обременительное и изнуряющее страну содержаніе постоянныхъ войскъ—возникла постоянная военная сила въ такихъ страшныхъ, все остальное превосходящихъ размѣрахъ, какихъ не зналъ міръ даже во время существованія всѣхъ военныхъ государствъ прошлаго вѣка, дѣятельность которыхъ вся направлена была лишь къ завоеваніямъ и расширенію владѣній. Будь высказано прежде такое пониманіе дѣлъ, его назвали бы сумасброднымъ» [1]).

Но въ описываемое время, молодому поколѣнію болѣе уже не нужно было вступать въ ряды ополченія, и оно спѣшило въ университетскія аудиторіи слушать Гумбольдта, творца берлинской «Hochschule», и его ученыхъ собратій, которые, отли-

---

[1]) Посмертная статья его «Къ прусскому королевскому дому». «Бесѣда» 1872 г., № 2.

чаясь знаніемъ свѣта, придавали общежитію Берлина новое значеніе и привлекательность обществу, отличавшемуся до тѣхъ поръ разрозненностью и обособленностью кружковъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь о Карлѣ-Фридрихѣ Альтенштейнѣ (1770†1840), который своимъ политическимъ возвышеніемъ былъ обязанъ Гарденбергу. Съ 1817 г. Альтенштейнъ, цѣлыхъ 23 года, стоялъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, при немъ возникли впервые народныя училища, а число гимназій увеличилось. Главная его заслуга, еще въ 1809 г., состояла въ содѣйствіи основанію берлинскаго университета и Вильгельмъ Гумбольдтъ, которому поручено было составить первый планъ этого учрежденія, находилъ въ немъ самую ревностную опору [1]).

Дюбокъ указываетъ [2]), какъ въ XIX в. постепенно измѣнялись въ Германіи общественные взгляды на разные культурные вопросы. Въ первой четверти столѣтія, въ литературѣ и наукѣ было полное господство метафизической философіи, благодаря дѣятельности Канта и Гегеля. Всякій мало-мальски образованный нѣмецъ интересовался главнымъ образомъ трансцендентальными вопросами, и этому не могли воспрепятствовать ни политическія бѣдствія—результатъ наполеоновскихъ войнъ,— ни появленіе романтизма, обязаннаго своимъ началомъ подъему патріотизма. Общественной жизни Берлина было положено блестящее начало съ той минуты, когда открылись такіе дома, какъ государственнаго канцлера Гарденберга, англійскаго посла Розе; мецената, прекраснаго портретиста и музыканта, князя Антона Радзивилла (1775†1833), женатаго на принцессѣ Фридерикѣ-Доротеѣ-Луизѣ (1770†1837), дочери прусскаго принца Фердинанда и сестрѣ принца Людвига, убитаго подъ Іеной; и племянника короля Карла Мекленбургъ-Стрелицкаго, который, по словамъ Каролины Бауеръ, превосходно игралъ Мефистофеля въ Гётевскомъ Фаустѣ; написалъ балетъ: «Теа, фея цвѣтовъ»,

---

[1]) Въ 1818 г., 18-го октября, Пруссіею былъ открытъ еще университетъ въ Бонѣ, на берегу Рейна. Книжныхъ лавокъ въ Германіи въ 1778 г. было всего 282, а въ 1821 г. уже 506. См. «Исторію Германіи» Кольрауша, т. 2, стр. 214, переводъ П. Бартенева, 1865 г.

[2]) «Hundert Jhare Zeitgleist in Deutschland» Julius Duboc. Leipzig. 1889.

и съ Каролиною Фуке, романъ въ письмахъ, замѣчательный тѣмъ, что письма героя составляла Фуке, а отъ имени героини писалъ принцъ.

Но самъ король прусскій не измѣнялъ простоты образа жизни, хотя не безъ участія слѣдилъ за движеніемъ общества и радушно содѣйствовалъ ему. Пріѣздъ Великой Княгини Александры Өеодоровны немного измѣнилъ придворный ходъ жизни, такъ какъ первымъ условіемъ для ея выздоровленія было полнѣйшее спокойствіе. Болѣе двухъ мѣсяцевъ провела она въ необходимой ей тишинѣ и уединеніи, такъ какъ вскорѣ послѣ ея пріѣзда, король-отецъ долженъ былъ спѣшить на конгрессъ въ Троппау, куда за нимъ 2-го декабря поѣхалъ и Великій Князь Николай Павловичъ. Прибывъ въ Троппау, 5-го числа, онъ остановился въ домѣ барона Гастгейма и оставался тамъ до 19-го декабря.

Троппаускій конгрессъ привелъ къ подписанію тремя союзными державами двухъ протоколовъ, которыми право вмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ государствъ получило формальное утвержденіе. Но англійское правительство наотрѣзъ отказалось подписать эти акты. Воздѣйствовать черезъ короля на министровъ также было невозможно, ибо: «умъ короля, писалъ Ливенъ графу Каподистріа,—или скорѣе остатокъ ума у него сохранившійся—совершенно подавленъ его страстью къ леди Кэнигэмъ. Его мысли и занятія исключительно ее имѣютъ предметомъ, и никакое другое дѣло, кромѣ негласнаго процесса съ королевою, не можетъ его интересовать. Величайшая трусость одолѣваетъ его. Онъ приказалъ окружить свою дачу (cottage) кавалерійскими пикетами[1]) и перемѣнить замки у воротъ своего парка».

Во время пребыванія Великаго Князя Николая Павловича въ Берлинѣ вспыхнуло греческое возстаніе, которое встрѣтило сочувствіе въ придворныхъ кружкахъ, руководимыхъ двумя женщинами высокаго ума и образованія: женою брата короля, принца Вильгельма и принцессою Луизою, супругою кн. Радзивилла. Великому Князю дѣло грековъ представилось симпатичнымъ съ общечеловѣческой стороны и онъ съ радостію

---

[1]) «Собр. трактатовъ и конвенцій» Ф. Мартенса, т. XI, стр. 279.

принялъ участіе въ устроенномъ въ Берлинѣ денежномъ сборѣ въ пользу борцовъ за вѣру Христову и неустрашимость Эллады.

Жуковскій сопровождалъ Великую Княгиню въ ея путешествіи. 3-го октября онъ выѣхалъ изъ Дерпта, а 15-го числа былъ уже въ Берлинѣ.

Въ свой дневникъ поэтъ занесъ слѣдующія строки, рисующія царственную семью:

«Герцогиня Кумберландская напоминаетъ нашу императрицу Елисавету своими манерами: она не имѣетъ ея прекраснаго стана и величества, но имѣетъ ея привлекательность. Королевское семейство вообще мило тою дружбою, которою всѣ въ немъ связаны; они веселятся вмѣстѣ жизнію; король между ними есть добрый отецъ семейства; при дворѣ много нѣмецкаго этикета, но между собою они просты, дружны, счастливы. Принцесса Александрина [1]) доброе, милое созданіе; принцесса Фридерика имѣетъ что-то нѣжное и тонкое; Альбрехтъ живъ и необыкновенно, какъ говорятъ, уменъ, онъ не ходитъ, а прыгаетъ; Карлъ—доброе дитя; Вильгельмъ—степеннѣе; принца наслѣднаго я не знаю [2]). Но всѣхъ милѣе наша Великая Княгиня; она идеалъ привлекательнаго добродушія: весело видѣть, какъ она здѣсь счастлива. Въ ея душѣ все прекрасное на своемъ мѣстѣ. Ее надобно чувствовать, тогда будешь и знать ее».

На обѣдахъ у принцессы Александрины и у нашего посла

---

[1]) Сестра Великой Княгины Александры Ѳеодоровны, въ то время невѣста наслѣднаго герцога Павла Фридриха Мекленбургъ-Шверинскаго, отецъ котораго Фридрихъ-Людвигъ былъ женатъ на Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ († 1803 г.).

[2]) Впослѣдствіи наслѣдный принцъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ. Плетневъ приводитъ въ письмѣ къ Гроту (см. I т. ихъ переписки, стр. 130), слѣдующія строки: «Надѣюсь, что никогда васъ не заставлю краснѣть при мысли, зачѣмъ вы обнимали меня, какъ друга. Знаю, что, посылая вамъ орденъ, я мѣшаю васъ съ толпою, но я свято исполняю узаконеніе отца моего». Отвѣтное письмо Жуковскаго на французскомъ языкѣ, 1 іюня 1838 г. см. въ его «Сочиненіяхъ», изд. 7-е 1878 г. т. VI, стр. 550.

въ Берлинѣ, гр. Давида Макс. Алопеуса (1782 † 1831), Жуковскій познакомился съ Ансильономъ и Гуфеландомъ[1]).

Первый изъ нихъ, т. е. Ансильонъ, прусскій министръ и писатель, который, по окончаніи богословскаго образованія въ Женевѣ, былъ нѣкоторое время проповѣдникомъ французской общины въ Берлинѣ, не произвелъ чарующаго впечатлѣнія на поэта. Вотъ что внесъ Жуковскій о немъ въ свой дневникъ: «Ансильонъ[2]) имѣетъ умъ и знанія, и характеръ добродушія. Онъ, мнѣ кажется, изображенъ какъ нельзя лучше счастливымъ словомъ княжны Туркестановой[3]): «il a beaucoup d'esprit, beaucoup de connaissance et d'éloquence, mais il fait sur moi l'effet d'un homme qui dicte». Et d'un homme qui dicte bien — надобно прибавить. Этотъ человѣка много знаетъ, изъ пріобрѣтеннаго сдѣлалъ нѣчто цѣлое и порядочное, одаренъ памятью и въ немъ, кажется, до сихъ поръ сохранился прежній проповѣдникъ; но онъ проповѣдовалъ по правиламъ краснорѣчія на заданную тему, которую всю употребилъ; изъ него не родится собственнаго; его душа не чувствуетъ и душа къ нему не стремится. Знакомство съ нимъ есть ужасная рѣдкость, которую хорошо видѣть разъ, но не встрѣча съ человѣкомъ, съ которымъ радъ бы пройти часть дороги».

Совершенно другое впечатлѣніе произвелъ на Жуковскаго Гуфеландъ, который, какъ замѣчаетъ поэтъ, «говорилъ прекрасно о ложныхъ мѣрахъ правительствъ насчетъ притѣсненія свободы печатанія[4]). Кончилось разговоромъ о религіи. Я ска-

---

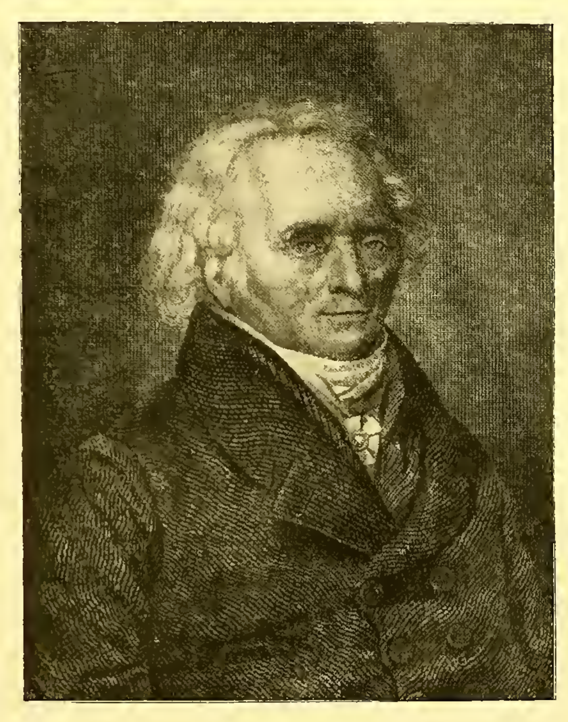
[1]) Христофоромъ-Вильгельмомъ, извѣстнымъ врачемъ и писателемъ, съ сочиненіями котораго Жуковскій былъ давно знакомъ, такъ какъ изъ соч. его «Die Kunst des menschliche Leben zu verlärgern», дѣлалъ извлеченія еще въ 1810 г. Кромѣ того, въ С.-Петербургѣ въ 1816 г. явилось въ переводѣ соч. Гуфеланда: «Описаніе главныхъ цѣлительныхъ водъ въ Германіи».

[2]) Въ 1813 г. былъ изданъ переводъ эстетики Ансильона, который вызвалъ строгую критику со стороны архимандрита Филарета, впослѣдствіи митрополита.

[3]) Фрейлина Императрицы Маріи Θеодоровны; ея интересная переписка съ Фердинандомъ Кристиномъ (Christin) печаталось въ теченіе многихъ лѣтъ въ «Русскомъ Архивѣ».

[4]) Разговоръ этотъ веденъ былъ по уходѣ дипломата и писателя, А. С. Стурдза, женатаго на дочери Гуфеланда. Изданное въ 1849 г. соч.

залъ ему мысль Вейрауха о Троицѣ, которой красота меня поразила. Онъ съ милою довѣренностію сообщилъ мнѣ свою собственную мысль о томъ-же, которая разительна своею простотою. «Все понятіе о Троицѣ заключилъ я въ трехъ нѣмецкихъ L. Leben—Богъ-Отецъ (Создатель и Хранитель); Liebe—Богъ-Сынъ; Licht—Святый Духъ. Въ этихъ трехъ L вся жизнь человѣчества и ея великое назначеніе; ея начало и конецъ». Встрѣча съ человѣкомъ по сердцу есть то же, что вдругъ открывшійся глазамъ прекрасный видъ съ горы на поля, долины и рѣки. И то и другое удивительно дѣйствуетъ на душу, и то и другое пробуждаетъ въ ней все хорошее; становишься чувствительнѣе выше, пробуждается мысль о Богѣ о счастіи, о друзьяхъ, пробуждается возвышенная, довѣренность къ самому себѣ. Смотря въ глаза старику Гуфеланду, у меня вертѣлось на языкѣ слово Vater; онъ имѣетъ для меня прелесть Краузе (знаменитый философъ); но онъ въ другомъ родѣ. Но въ



Гуфеландъ.

Стурдзою «Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne» вызвало противъ него такое всеобщее неудовольствіе въ Германіи, что онъ принужденъ былъ ее покинуть. Н. И. Пироговъ въ бытность свою въ Берлинѣ видѣлъ «Гуфеланда, сроднившагося съ нашимъ извѣстнымъ Стурдзою:

Я на Стурдзу гляжу библеическаго
Вокругъ Стурдзы хожу монархическаго. (Пушкинъ).

Высокій, сѣдой, нѣсколько блѣдный, съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ, Гуфеландъ импонировалъ своимъ лбомъ, виднѣвшимся выше зонтика и подбородкомъ. Онъ говорилъ торжественно и спокойно» («Рус. Стар.», 1885 г., т. 45, стр. 519).

чемъ же эта прелесть? не въ умѣ, не въ знанiи, но въ сердцѣ, которымъ мы живемъ сами и которое въ другихъ животворитъ насъ и притягиваетъ. Сердце есть истинный магнитъ человѣка, имѣющiй свою отрицательную и притягательную силу. Прощаясь съ старикомъ, я отъ души пожалъ его руку, а онъ мнѣ сказалъ съ какимъ-то прелестнымъ доброжелательствомъ: Adieu, sie haben mich sehr erfreuet!»

Авторъ «Ундины», которую перевелъ Жуковскiй — Ла-Мота-Фуке произвелъ на поэта иное воздѣйствiе. «Въ его лицѣ, записалъ Жуковскiй, нѣтъ ничего, останавливающаго вниманiе. Есть живость въ глазахъ; онъ имѣетъ талантъ, и талантъ необыкновенный; онъ способенъ, разгорячивъ воображенiе, написать прекрасное; но это не есть всегдашнее, зависитъ отъ расположенiя, находитъ вдохновенiемъ. Авторъ и человѣкъ не одно, и лицо его мало изображаетъ то, чтò чувствуетъ и мыслитъ авторъ въ нѣкоторыя минуты. Разговоръ нашъ состоялъ изъ комплиментовъ и продолжался недолго».

1-го ноября у Великой Княгини Александры Θеодоровны состоялся уже первый урокъ; съ ней Жуковскiй посѣщалъ театры, кунсткамеру и прочiя достопримѣчательности Берлина.

Передъ Рождествомъ возратились въ Берлинъ король и Великiй Князь Николай Павловичъ, и застали Великую Княгиню Александру Θеодоровну уже съ значительно возстановившимися силами, и тогда семейныя и придворныя празднества не замедлили смѣнять другъ друга.

Если представлялся случай достойнымъ образомъ принять высокаго гостя, Фридрихъ-Вильгельмъ III умѣлъ соединять великолѣпiе съ величайшей простотою. Онъ рѣшилъ для развлеченiя дочери устроить что-нибудь выходящее изъ ряда обыкновенныхъ увеселенiй и при содѣйствiи замѣчательныхъ лицъ, составлявшихъ прусскiй дворъ, устроилъ празднество совершенно въ новомъ родѣ, полное поэзiи.

Берлинскiй театръ былъ въ то время, безспорно, первымъ въ Германiи, такъ какъ король посѣщалъ его аккуратно каждый вечеръ, если ему не мѣшали особо важныя дѣла. Даже изъ Потсдама, въ лѣтнiе вечера онъ прiѣзжалъ смотрѣть пiесу, которую видѣлъ двадцать разъ. Онъ приходилъ на сцену, болталъ съ актерами, и, случалось, заговаривался до того, что при

поднятіи занавѣса зрители видѣли ноги съ лампасами, быстро уходившія со сцены. Чѣмъ смѣшнѣе была піеса, тѣмъ болѣе нравилась она королю. Кромѣ фарсовъ король любилъ балеты и возилъ съ собою даже въ Теплицъ, гдѣ лѣчился водами, главныхъ балеринъ своего театра: Лемберъ и Гоге. Но всѣ онѣ должны были отличаться безукоризненнымъ поведеніемъ. Танцорка, имѣвшая какой-нибудь романъ, не могла попасть на королевскую сцену. Даже Лемберъ принуждена была оста-



Видъ Жандармской площади въ Берлинѣ (съ гравюры 1820-хъ годовъ).

вить Берлинъ, потому что вышла замужъ за игрока Дезаргюса.

Король былъ упоренъ въ своей страсти къ театру, а когда, въ 1817 г., сгорѣлъ театръ на Жандармской площади, пожаръ котораго приписывали Божьему гнѣву, такъ какъ онъ былъ построенъ между двухъ церквей, Фридрихъ-Вильгельмъ III приказалъ возобновить театръ на томъ-же мѣстѣ [1]). Любовь свою къ театру король объяснялъ такъ: «Я потому хожу вся-

[1]) Театръ этотъ послѣ пожара сооруженъ по проекту Шинкеля, въ 1821 г., а оперный подъ липами построенъ въ царствованіе Фридриха II и на фронтонѣ его надпись: «Fridericus Rex Apolloni et Musis».

кій вечеръ въ театръ, что мнѣ тамъ никто не мѣшаетъ думать. Тамъ я слышу рѣчи, обращенныя не ко мнѣ и, которыя не говорятся для того, чтобы я ихъ слышалъ. Тамъ не обращаются поминутно ко мнѣ и ничего у меня не просятъ».

Знаменитый химикъ Бунзенъ († 1899 г.) еще въ 1827 г. писалъ, что Берлинъ все свое образованіе получаетъ только въ театрѣ и со сцены узнаетъ онъ что-нибудь и чему-нибудь научается. Дѣйствительно въ городѣ было два театра и о нихъ лишь говорили двѣ единственныя ежедневныя газеты Фосса и Шпенера.

Кромѣ драмы процвѣтала и опера, а знаменитая актриса Гендель-Шюцъ только-что ввела на драматической сценѣ новый родъ пластическихъ представленій, или живыхъ картинъ и поэмъ, и эти представленія не только были приняты съ восторгомъ публикою, но сдѣлались предметомъ подражаній и въ частныхъ кружкахъ. По совѣту герцога Карла Мекленбургскаго, рѣшено было устроить именно такое представленіе съ рядомъ живыхъ картинъ и выбрать предметомъ его поэму Мура «Лала Рукъ». Дѣйствующихъ лицъ имѣлся полный комплектъ: всѣ принцы, весь дворъ могли участвовать въ празднествѣ. Графу Брюлю, директору королевскихъ театровъ, было поручено завѣдывать всѣмъ устройствомъ, декоративная же часть и составленіе группъ было ввѣрено знаменитому Шинкелю, пояснительные же романсы положены на музыку композиторомъ Спонтини [1]).

Замѣтимъ здѣсь, что бережливый до крайности Фридрихъ-Вильгельмъ III, который требовалъ, чтобы ему ставили заплаты на старые сюртуки и сапоги, не жалѣлъ денегъ на постановку оперъ Спонтини, которыя не смѣли бранить въ газетахъ,

[1]) Нашъ композиторъ Сѣровъ говоритъ, что мѣсто Спонтини потомъ занялъ Мейерберъ, который написалъ оперу «Силезскій лагерь». Въ эффектъ ея входили военные марши и игра на флейтѣ Фридриха II съ своимъ учителемъ Кванцомъ; соединеніе двухъ флейтъ съ голосомъ пѣвицы Женни Линдъ явилось само собою, но вскорѣ Линдъ оставила сцену и опера Мейербера поступила въ архивъ. Автору жаль было своей работы; онъ обратился къ Скрибу, и явилась «Сѣверная Звѣзда», облетѣвшая всю Европу и явившаяся въ Берлинѣ и Вѣнѣ. (Т. II. Собранія его «Критикъ», изданныхъ на средства, дарованныя Императоромъ Александромъ III, стр. 1011).

равно какъ и писать вообще рецензіи о представленіяхъ новыхъ піесъ, ранѣе третьяго представленія.

Пѣвицами въ новомъ произведеніи Спонтини явились Мильдеръ, Шульцъ, Зейдлеръ и Бадеръ.

Содержаніе самой поэмы тонко было примѣнено къ присутствующимъ высокимъ гостямъ—великокняжеской четѣ.

Вотъ ея содержаніе:

Бухарскій князь, Абдаллахъ, ѣдетъ въ Дельги, къ властителю Индіи, Аурунгзебу. Бухарецъ проситъ руку Лалла Рукъ, дочери индійскаго шаха, для сына своего, Америса. Шахъ соглашается; женихъ и невѣста должны свидѣться въ первый разъ въ Кашмирѣ, и тогда уже долженъ совершиться бракъ. Они отправляются въ путь каждый со своей стороны, другъ другу на встрѣчу. Невѣсту сопровождаетъ бухарская свита въ числѣ которой находится молодой поэтъ. Юноша разнообразитъ долгій путь разсказами, которые иллюстрируются наглядно живыми картинами, и до нѣкоторой степени изображаютъ отдѣльныя дѣйствія одной большой драмы. Во время представленія, пѣніе изъ-за кулисъ поясняетъ каждую картину. Первый разсказъ повѣствуетъ о «Хорасанскомъ пророкѣ, подъ покрываломъ», второй—о «Пери и раѣ», третій — о «гебрахъ или огнепоклонникахъ», четвертый, наконецъ,— о «праздникѣ розъ въ Кашмирѣ». Каждая картина въ то же время служитъ знакомъ того, что принцесса окончила часть пути. Послѣ послѣдняго разсказа, Лалла Рукъ пріѣзжаетъ на берегъ озера, черезъ которое перевозитъ ее челнъ. По ту сторону возвышается дворецъ; съ высокихъ ступеней сходитъ къ ней на встрѣчу Америсъ, нареченный ея женихъ—и она узнаетъ въ немъ поэта и пѣвца, оживлявшаго ея путешествіе прелестями своей богатой фантазіи.

Въ двѣ недѣли удалось кончить всѣ приготовленія къ этому празднику, достать все нужное для великолѣпныхъ и роскошныхъ восточныхъ костюмовъ, перевести романсы на нѣмецкій языкъ; въ этотъ же короткій срокъ Спонтини успѣлъ положить ихъ на музыку, а пѣвицы выучить: и всѣ 123 роли были розданы и разучены. Все общество распалось на два лагеря: индійскій и бухарскій.

Женщины всѣ безъ исключенія носили волосы раздѣлен-

ными проборомъ и ниспадающими по плечамъ безъ всякихъ украшеній; самая же голова была убрана нитями жемчуга и тоненькими золотыми филиграновыми цѣпочками; платья у всѣхъ были изъ тончайшей кисеи, плотно прилегая къ тѣлу, и обхватывались поясомъ, завязаннымъ подъ самой грудью и спускающимся до ногъ двумя длинными, широкими концами; обнаженныя руки у всѣхъ роскошно были украшены золотомъ и жемчугомъ. Царица праздника въ то же время была и царицею блестящаго пластическаго представленія.

Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ шелъ двадцать третій годъ и она находилась въ полномъ разцвѣтѣ ея рѣдкой красоты. Ростъ ея и вся фигура были величественны.

Въ день, назначенный для представленія, она явилась съ короной на головѣ; раздѣленные по серединѣ волосы, безъ всякихъ украшеній падали по сторонамъ лица, и локонами ложились по ея дивнымъ плечамъ. Лифъ изъ золотой парчи плотно облегалъ станъ ея, перехваченный широкимъ поясомъ, концы котораго ниспадали по бѣлой одеждѣ; на всемъ нарядѣ ея сіяли жемчугъ и драгоцѣнные камни, даже восточныя ея туфли были осыпаны изумрудами. Розовое газовое покрывало, затканное серебряными нитями, облегало прозрачнымъ флеромъ всю ея фигуру.

Имя Лаллы Рукъ сохранилось за Великою Княгинею Александрою Ѳеодоровною и поэты Жуковскій и Пушкинъ такъ въ стихахъ называли Императрицу, Супругу Императора Николая I.

Въ «Онѣгинѣ» Пушкинъ упоминаетъ объ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, говоря:

...Въ залѣ яркой и богатой,
Когда въ умолкшій тѣсный кругъ,
Подобно лиліи крылатой
Колеблясь входитъ Лалла-Рукъ
И надъ поникшею толпою
Сіяетъ царственной главою,
И тихо вѣетъ и скользитъ
Звѣзда—харита межъ харитъ,—
И взоръ смѣшенныхъ поколѣній
Стремится, ревностью горя,
То на нее, то на Царя...



Шопенъ у князя Радзивилла.

(Съ картины Г. И. Семирадскаго).

Великій Князь Николай Павловичъ, исполнявшій роль Америса, на столько же выдавался между мужчинами своей красотою и ростомъ, на сколько его супруга выдавалась между женщинами своей граціей. Онъ самъ составилъ себѣ костюмъ, состоявшій изъ голубого кафтана и широкаго пояса, желтыхъ восточныхъ туфель и зеленой чалмы.

Остальныя роли были розданы принцамъ и принцессамъ королевскаго дома. Аурензеба игралъ принцъ Вильгельмъ, старшій братъ короля, сестеръ этого султана представляли герцогиня Кумберландская, супруга принца Вильгельма старшаго и дочь короля, Александрина; сыновей султана—четыре сына короля: наслѣдный принцъ Вильгельмъ и принцы Альбрехтъ и Карлъ и князья Сольмсъ и Радзивиллъ; Абдаллаха, отца Америса, изображалъ герцогъ Кумберландскій [1]), супругу Абдаллаха—принцесса Луиза Радзивиллъ.

Праздникъ этотъ происходилъ 27-го января 1821 года; для него былъ избранъ рядъ комнатъ, выходящихъ окнами въ садъ. Въ самый обширной изъ залъ устроена была сцена, а за кулисами размѣщены пѣвицы; между сценой и помѣщеніемъ для зрителей было оставлено свободное пространство для танцевъ, происходившихъ во время антрактовъ.

На лицѣ короля никогда еще не видали такого душевнаго волненія, какъ въ этотъ памятный вечеръ: къ радости, съ которою онъ смотрѣлъ на свою любимую дочь, сіявшую счастьемъ, невольно примѣшивалось воспоминаніе о королевѣ Луизѣ—ея матери.

11-го февраля празднество это было повторено при 3000 приглашенныхъ зрителей; въ числѣ ихъ находился, пріѣхавшій въ Берлинъ французскій посланникъ поэтъ Шатобріанъ. Насколько сильно запечатлѣлось у Александры Өеодоровны воспоминаніе объ этомъ костюмированномъ праздникѣ, тому лучшимъ подтвержденіемъ служитъ запись въ дневникѣ А. О. Смирновой [2]) которая, описывая подобный балъ у Великой Княгини Елены Павловны, бывшій въ 1841 г., говоритъ: «Императрица, позвавъ меня, пошла отдыхать въ маленькую гостинную Великой Княгини. Тамъ мы разговорились. Сесиль была тоже, и мы

[1]) Эрнестъ-Августъ вступилъ на престолъ Ганновера 10-го іюня 1837 г.

[2]) Часть II, стр. 51.

вспоминали о прошломъ, о костюмированныхъ балахъ у насъ и въ Берлинѣ, гдѣ Государыня была одѣта Лалла Рукъ.— Какъ все это кажется далекимъ и прошлымъ [1]). Мы естественно разговорились о празднествахъ у Князя Антонія Радзиллъ, о знаменитой шахматной кадрили, когда онъ былъ одѣтъ магомъ и игралъ партію противъ принца Адальберта [2]); танцующіе въ персидскихъ и индійскихъ костюмахъ, исполняя ходы, двигались по черному и бѣлому полю. Это было чудно исполнено, въ бѣлой дворцовой залѣ,—зрители расположены были кругомъ на эстрадахъ. Потомъ, понятно, разговоръ перешелъ на Элизу, на ея внезапную смерть, скоро послѣ бала, на которомъ она съ отцомъ и Арнимомъ исполняли балладу Уланда [3]) «Goldschmiede Töchterlein», музыка принадлежала Князю Радзивиллу. Элиза была обворожительна, въ особенности прелестно было выраженіе ея личика, съ чистымъ нѣжнымъ взглядомъ. Совсѣмъ воздушное идеальное существо, и я вполнѣ понимаю страсть, которую питалъ къ ней принцъ Вильгельмъ» [4]).

---

[1]) Поэтъ Козловъ въ «Романсѣ» изъ Лалла Рукъ не даромъ говоритъ:

«Такъ памятью можно въ минувшемъ намъ жить
И чувствъ упоенья въ душѣ сохранить;
Такъ вѣетъ отрадно и поздней порой
Бывалая прелесть любви молодой!
Не вовсе же радости время возьметъ:
Пусть младость увянетъ, но сердце цвѣтетъ;
И сладко мнѣ помнить, какъ пѣлъ соловей,
И розы, и рощи у быстрыхъ ключей».

[2]) Былъ женатъ на танцовщицѣ Терезѣ Эльслеръ.

[3]) Уландъ написалъ свое знаменитое стихотвореніе «Katharina», въ 1819 г., на смерть королевы Виртембергской. Было ли оно извѣстно Пушкину или оба они сошлись во вдохновеніи, но только съ нимъ много общаго въ его стихахъ, рисующихъ образъ супруги Императора Александра I— Елизаветы Алексѣевны. Уландъ былъ далекъ отъ двора, а о добродѣтеляхъ Екатерины Павловны зналъ отъ отчима своей жены, который былъ воспитателемъ мужа королевы. Поэтому Уландъ, какъ и Пушкинъ Елизавету—пѣлъ втайнѣ.

[4]) Смирнова пишетъ, что у нея хранилось письмо Императрицы Александры Өеодоровны, въ которомъ она сообщаетъ о преждевременной кончинѣ княжны Элизы (часть I, стр. 197).

Но исполненіе своего долга относительно своей страны, относительно монархическаго начала, заставило принца Вильгельма принести тяжелую жертву и въ сферѣ его личной жизни, глубоко привязавшись къ дѣвушкѣ, блиставшей красотою и подчиняясь своему чувству со всею страстью, присущей молодости, принцъ Вильгельмъ, встрѣтивъ сначала сильную оппозицію въ королевской семьѣ, рѣшилъ преодолѣть всѣ затрудненія и сломить сопротивленіе своего отца, противившагося этому браку исключительно въ виду государственныхъ, или, скорѣе, династическихъ соображеній. Принцы королевскаго дома не могли вступать въ бракъ иначе, какъ съ принцессами крови. Созваны были юристы. Одни изъ нихъ, при попомощи родословныхъ изысканій, доказывали, что княжна Радзивиллъ принадлежитъ къ вѣтви, происходящей отъ одной изъ старинныхъ польскихъ династій, и что поэтому вступленіе принца Вильгельма въ бракъ съ княжною Радзивиллъ ни въ чемъ не нарушитъ постановленій прусскаго королевскаго дома. Другіе юристы, однако, отвергали такое толкованіе, доказывая, что княжна Радзивиллъ не должна быть признана принцессою крови. Тогда обратились къ другому средству, чтобы обойти затрудненіе, вызванное рѣшеніемъ Вильгельма жениться на княжнѣ Радзивиллъ. Это новое средство состояло въ усыновленіи Княжны Радзивиллъ принцемъ Августомъ, братомъ короля Фридриха Вильгельма III. Усыновленіе—отвѣчали противники не можетъ замѣнить происхожденія.

Во время перепетій этого романа, младшій братъ принца Вильгельма, принцъ Карлъ [1]), успѣлъ уже жениться на Ма-

---

[1]) Родился 29 іюня 1801 г., вступилъ въ бракъ 26 мая 1827 г. Въ 1897 г., въ газетѣ Münchner Neueste Nachrichten напечатано интересное письмо къ нему Вильгельма I отъ 2 марта 1814 г. Вотъ начало его. «Очень благодарю за твои письма, помѣченныя 1-го и 12-го февраля. Никакъ не могъ раньше отвѣтить тебѣ на нихъ. Не могъ найти счета Геноха за аксельбанты, хотя пересмотрѣлъ всѣ квитанціи, о которыхъ ты мнѣ пишешь, почему и не могу утверждать, что по счету уплачено. Я продолжаю писать свой дневникъ, но только очень кратко. Посылаемая тебѣ реляція о послѣднемъ нашемъ дѣлѣ при Bar-sur-Aube. принадлежитъ къ дневнику, почему и прошу тебя когда ты сообщишь о ней всѣмъ нашимъ, вернуть ее обратно. Форматъ реляціи тотъ самый, какимъ пишется дневникъ. За послѣдніе дни

ріи, дочери великаго герцога саксенъ-веймарскаго. Когда веймарскому двору стала извѣстна рѣшимость принца Вильгельма вступить въ бракъ съ кн. Радзивиллъ, тогда было заявлено, что если принцъ Вильгельмъ соединится бракомъ съ княжной Радзивиллъ, тогда право престолонаслѣдія должно будетъ перейти къ дѣтямъ жены принца Карла. Зная характеръ своего сына,

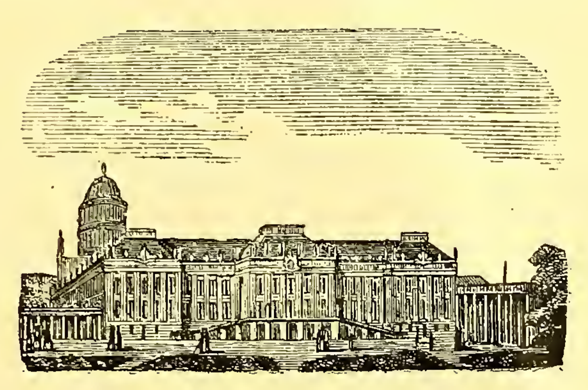


Принцесса Марія Веймарская.
Съ картины Гебауера гравюра Лелимана.

Фридрихъ Вильгельмъ III обратился къ принцу Вильгельму съ просьбою принести въ жертву, во имя дома, его личное счастіе. Сознаніе долга пересилило любовь и Вильгельмъ подчинился ему и чрезъ нѣкоторое время вступилъ въ бракъ со старшею дочерью герцога веймарскаго, принцессою Августою, племянницею Императора Николая I.

мы также порядкомъ измучились. 27-го числа въ 7 часовъ утра мы были въ полѣ до половины восьмаго вечера, не сходя съ коней. Въ теченіе всего дня я съѣлъ всего только два бутерброда, но я не чувствовалъ голода».

Сдѣлавъ маленькое отступленіе отъ описываемыхъ событій, спѣшимъ къ нимъ возвратиться. Итакъ, высокіе гости отправились на нѣсколько недѣль въ Потсдамъ [1]), дорога къ которому тогда пролегала по песчанымъ полямъ и угрюмымъ рощамъ. На половинѣ дороги въ Потсдамъ, лежитъ на рѣкѣ Гавелѣ небольшой островъ, называемый Павлиньимъ[2]) (Pfaueninsel); въ концѣ XVII вѣка жилъ на немъ знаменитый алхимикъ Кункель фонъ Левенштернъ, потомъ онъ поступилъ въ казну и, въ 1797 году, былъ превращенъ въ прекрасный садъ съ оранжереями и королевскимъ дворцомъ, построенномъ въ видѣ римской виллы, разрушающейся отъ ветхости. На этомъ островѣ король Фридрихъ Вильгельмъ III проводилъ время со своимъ семействомъ, въ удаленіи отъ свѣтскаго шума, и въ честь своего зятя здѣсь выстроилъ русскую избу, которую назвалъ «Николаевской».



Дворецъ въ Потсдамѣ.

Изъ зданій Потсдама самое замѣчательное — гарнизонная церковь, въ которой хранятся бренные останки королей прусскихъ. Церковь величественна и имѣетъ высокую башню, на

---

[1]) Въ 1856 г., 8 іюня П. А Плетневъ ѣздилъ въ Потсдамъ, въ русскую церковь и находившаяся тамъ Императрица Александра Θеодоровна, которой послѣ обѣдни онъ имѣлъ счастіе представиться, провела его по тѣмъ комнатамъ, «въ которыхъ живалъ здѣсь покойный Императоръ Николай Павловичъ. Потсдамъ не очень нравится мнѣ,—замѣчаетъ Плетневъ—быть можетъ, отъ того, что я гулялъ въ саду его подъ дождемъ». (Т. III. стр. 640 «Переписка Грота съ Плетневымъ»).

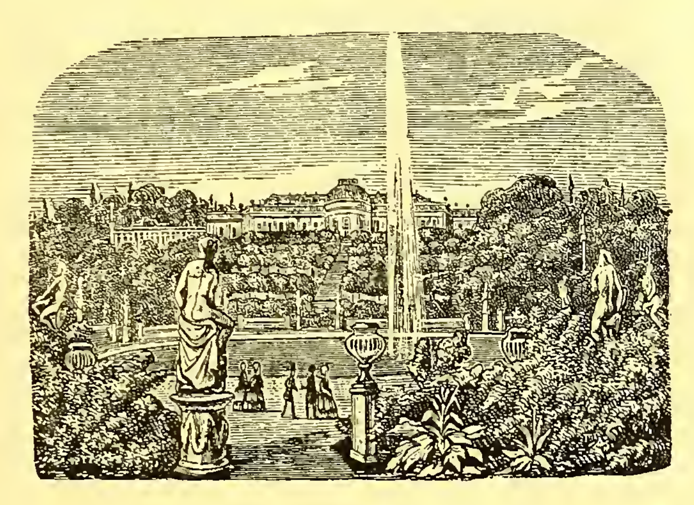
[2]) На этомъ островѣ, въ 1852 г., передъ Императрицею Александрой Θеодоровной и Николаемъ Павловичемъ, на дорожкѣ сада, освѣщенной лишь лампіонами, декламировала свои лучшіе монологи знаменитая Рашель (Louis Schneider: «Aus meinem Leben»), а въ 1848 г. здѣсь принцъ Вильгельмъ, второй братъ Александры Θеодоровны, подъ именемъ г. Эрлихса, скрывался у садовника до своего отъѣзда въ Англію («Ист. Вѣст». 1899, апрѣль, стр. 336).

которую ведутъ до 65 ступенекъ, но внутреннее убранство храма просто, согласно требованіямъ протестантскаго вѣроисповѣданія Король и его фамилія и сановники садятся на простыхъ старинныхъ стульяхъ. Великолѣпная каѳедра изваяна изъ бѣлаго мрамора. «За нею въ просторной нишѣ, говоритъ Н. И. Гречъ, описывая этотъ храмъ, стоятъ на полу два гроба— одинъ величины колоссальной, другой гораздо меньше: въ первомъ покоится Фридрихъ Вильгельмъ I, въ другомъ великій сынъ его, Фридрихъ II. Снаружи гробы обиты деревомъ темнаго цвѣта; на нихъ нѣтъ никакихъ украшеній, ни надписи. Гробъ отца выложенъ внутри мраморомъ, и оттого такъ огроменъ; тѣло Фридриха лежитъ въ простомъ свинцовомъ гробу. Всегдашній полусвѣтъ господствуетъ въ этомъ пріютѣ мертваго величія.—Подлѣ каѳедры висятъ французскіе орлы и знамена, взятые пруссаками въ 1813-15 гг. Подъ ними хранится мундиръ, который носилъ Императоръ Александръ I, въ званіи шефа прусскаго гренадерскаго полка своего имени».

Знаменитый историкъ Георгъ Веберъ писалъ, что въ Потсдамской церкви былъ заключенъ Императоромъ Александромъ I договоръ съ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, въ силу котораго рѣшено было предложить Наполеону I заключить миръ, обсудивъ главныя основы его на обще-европейскомъ конгрессѣ, а вслучаѣ отказа Наполеона, прусская армія должна была присоединиться къ войскамъ коалиціи. При этомъ произошла трогательная сцена, когда Монархи Пруссіи и Россіи скрѣпили свой договоръ рукопожатіемъ, въ присутствіи королевы Луизы, въ полночь, надъ могилою Фридриха Великаго. Но было уже поздно; въ слѣдующемъ мѣсяцѣ произошло сраженіе трехъ Императоровъ подъ Аустерлицемъ, безъ участія Пруссіи, а за нимъ послѣдовало заключеніе Пресбургскаго мира,—перваго шага къ распаденію Германской имперіи.

Не менѣе интереса представляетъ и знаменитый паркъ и дворецъ Санъ-Суси, построенный въ 1745 году по плану Кнобельсдорфа, въ которомъ жилъ великій Фридрихъ. Строеніе дворца въ одинъ этажъ, возвышается надъ садомъ, расположеннымъ по косогору, шестью уступами. Съ другой стороны дворецъ окруженъ открытою колоннадою, подъ которою, въ старости короля, бывали разводы въ дурную погоду. Свое названіе Санъ-Суси

получилъ отъ Фридриха Великаго, который особенно любилъ мѣстечко на востокъ отъ дворца, возвышенную площадку, украшенную статуей Флоры, сидя возлѣ которой король, по его выраженію, бывалъ sans soucis Въ прежнемъ видѣ сохраняется лишь библіотека, круглая комната, обставленная по сторонамъ до самого потолка шкапами. На столѣ лежитъ большая книга въ листъ, въ сафьяномъ переплетѣ: «Военное искусство». (L'art de la guerre Пюисегюра). Говорятъ, что великій Госу-



Видъ Санъ-Суси.

дарь читалъ ее за нѣсколько дней предъ своею кончиною. Въ другой комнатѣ показываютъ кресла, въ которыхъ онъ опочилъ на вѣки [1]), и столовые часы, остановившіяся въ минуту его смерти. Далѣе идетъ галлерея, украшенная во вкусѣ XVIII вѣ-

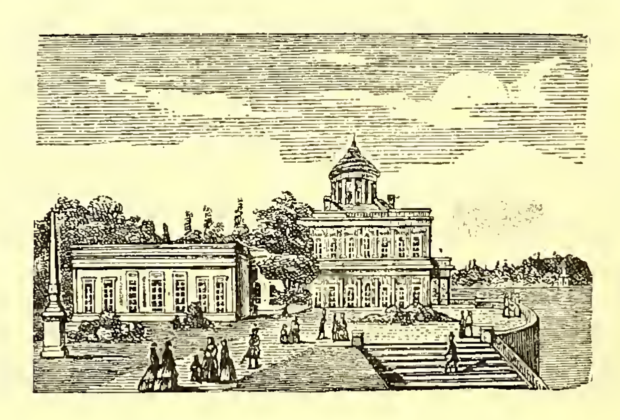
---

¹) Гр. Ѳ В. Растопчинъ въ своихъ «запискахъ о путешествіи по Пруссіи» разсказываетъ о посѣщеніи Санъ-Суси вскорѣ послѣ кончины Фридриха Великаго: «Прошедъ двѣ комнаты, вошли мы въ спальню. Я съ почтеніемъ обратилъ глаза на альковъ, въ коемъ стояла кровать, полагая, что тутъ лежало тѣло короля. Но въ самое то-же время увидѣлъ нѣчто походящее на человѣка, сидящаго въ креслахъ и покрытаго синимъ плащемъ.— Никогда бы я не имѣлъ духу просить, чтобъ его открыли, дабы взглянуть хотъ разъ, и то въ первый и послѣдній, на почтеннаго мертвеца; но швейцаръ, обратясь къ гусару, коего мы застали тутъ въ комнатѣ, свое платье надѣвающаго, спросилъ: «можно ли посмотрѣть покойника?».—«Для чего нѣтъ?—отвѣчалъ безчувственный слуга:—я его всѣмъ показываю» и за симъ словомъ потянулъ плащъ. Тѣло мое, повинуясь чувству души, склонилось къ землѣ»....

*

ка, по которой онъ прогуливался, играя на флейтѣ, а на уступѣ террасы, подъ небольшими плитами, зарыты любимыя его собачки: Алкмена, Филлида, Тизбе, Паксъ, Діана, Амурета. Бишь, Сюпербъ и др. Одинъ дипломатъ сказалъ Фридриху, что эта привязанность его къ собакамъ очень удивительна.—«Что тутъ удивительнаго? возразилъ король: «Алкмена обходится мнѣ гораздо дешевле, чѣмъ графиня Помпадуръ королю французскому, а любитъ меня нѣжнѣе и вѣрнѣе».

Въ Санъ-Суси все полно воспоминаніями о жизни короля философа. На сѣверъ отъ главной аллеи находится та мель-



Мраморный дворецъ въ Потсдамѣ.

ница, которую старикъ мельникъ ни за что не хотѣлъ продать королю и сталъ съ нимъ судиться. Мельница стоитъ въ такъ называемомъ Сицилійскомъ паркѣ, засаженномъ рѣдкими породами хвойныхъ деревъ; вблизи Санъ-Суси находится Мраморный дворецъ [1]) и русская колонія Александровка, о которой мы уже говорили.

Описаніе Шарлотенбурга, мы приводимъ изъ дневника 1820 г. Жуковскаго, который ѣздилъ туда вмѣстѣ съ Шамбо.

«Въ Шарлотенбургъ изъ Берлина ведетъ прекрасная липовая аллея. Городокъ маленькій, но пріятный. Одна главная широкая улица съ густыми липами. Прежде всего пошли мы къ памятнику. Архитектура зданія прекрасная снаружи; въ маломъ памятникъ Павла I въ Павловскѣ. Но тамъ поражаетъ душу величество зданія и мѣста; здѣсь душа напередъ уже

[1]) Въ немъ до 1826 г. находилась коллекція антиковъ, которая теперь украшаетъ Берлинскій Музей.

растроена; подходишь къ мѣсту, гдѣ спитъ любимая мать (королева Луиза), царица не забытая народомъ [1]), женщина украшеніе своего времени, жертва несчастія, и она погребена тамъ. гдѣ все полно ея воспоминаніемъ, гдѣ она была душою семьи своей и наслаждалась чистымъ семейнымъ счастьемъ. Внутренность зданія мнѣ не нравится. Нѣтъ простоты. Но самъ памятникъ прекрасный; видно, что сердце управляло рукою художника [2]): онъ былъ воспитаникъ Луизы, и первый трудъ его посвященъ ея гробу. Когда дверь отворятъ, то уже видишь на возвышеніи ложе спящей. Надобно взойти на нѣсколько ступеней, чтобы ее всю увидѣть. Голова ея склонена на одно плечо; руки положены крестомъ на груди; платье прекрасно скрываетъ и въ то же время показываетъ ея станъ; одна нога положена на другую [3]). Въ углахъ канделябры; на одномъ Часы, а на другомъ Парки; прекрасная мысль: *она* спитъ, а Часы бѣгутъ и Парки не дремлятъ. Гробъ, въ которомъ ея останки, находится внизу; дверь къ нему заперта, но мысль объ немъ заставляетъ смотрѣть съ особымъ чувствомъ на памятникъ. Надъ головою семь увядшихъ вѣнковъ: это первые сплетенные вѣнки въ первый день рожденія послѣ ея смерти. Король



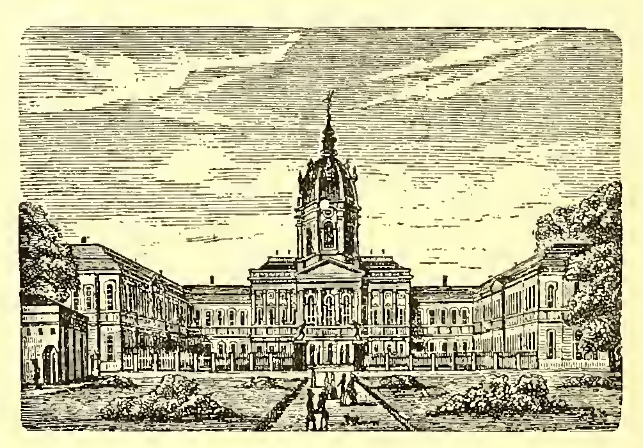
Мавзолей надъ гробницею королевы Луизы.

[1]) Гречъ въ IV ч. своихъ «писемъ» (стр. 968) говоритъ: «Мнѣ принесли завтракъ и афишку съ надписью крупными буквами: Sontag, den 19 July Kein Schauspiel» Это что спросилъ я у слуги. Онъ отвѣчалъ мнѣ печальнымъ голосомъ: «За двацать пять лѣтъ предъ симъ, 19 іюля скончалась королева». Въ этотъ день я помирился съ берлинцами Во всемъ городѣ господствовала тишина».

[2]) Шинкеля.

[3]) Работы скульптура Рауха, котораго посѣтилъ Жуковскій съ Перовскимъ и былъ восхищенъ въ его мастерской памятниковъ Шарнгорста. Но статуя Императора Александра I не удовлетворила поэта: «онъ представленъ въ порфирѣ, накинутой на мундиръ; вынимаетъ шпагу, на которой видна надпись: за Русь и славу; у ногъ двуглавый орелъ. Намъ стыдно передъ пруссаками: сколько уже у нихъ памятникомъ народной славы, они и Кутузова и Барклая не забыли, а мы не думаемъ отдать чести тѣмъ, которые положили за отечество жизнь свою».

со всею семьею бываетъ два раза у ея гроба: въ день ея смерти и въ день ея рожденія! Кладутъ на гробъ свѣжіе вѣнки. Потомъ я осматривалъ дворецъ. Прежде всего видѣлъ дворцовую церковь, гдѣ бюстъ королевы; въ ней крещены всѣ ея дѣти; коверъ, памятникъ маленькому принцу, съ смертью котораго начались несчастія королевскаго дома. Въ церкви (сказалъ кастелянъ) король любитъ работать въ лѣтніе дни. Японская горница; спальня строительницы Шарлотенбурга, жены



Дворецъ въ Шарлотенбургѣ.

Фридриха I, Софіи-Шарлоты; круглая зала съ видомъ на аллею и прудъ. Горницы наслѣднаго принца; его спальня въ той комнатѣ, гдѣ была прежде ванна покойной королевы; на столѣ нѣсколько книгъ и рисунковъ, между которыми забавныя каррикатуры. Въ горницы короля должно проходить черезъ билліардную, въ которой показываютъ кій Фридриха II съ черным деревомъ и перламутромъ. Онъ былъ увезенъ французами. Далѣе находятся всѣ горницы съ живописными картинами Фридриха Вильгельма I, которыя не показываютъ, чтобы онъ былъ великій художникъ и имѣлъ живое чувство красоты. Лучшее произведеніе его кисти есть ужасный русскій гренадеръ съ подписью: «Redionow» и еще «Курительное общество» [1]. Комната съ моделями прусскихъ мундировъ: здѣсь показывали намъ маленькое ружье, принадлежащее Фридриху II,

[1]) Извѣстно, что единственнымъ развлеченіемъ этого короля была охота, и единственный отдыхъ вечернія собранія преданныхъ друзей, носившія названіе «Табачныхъ коллегій».



Великая Княгиня Александра Θеодоровна на рукахъ матери и ея два старшіе брата возлѣ отца.

Съ портрета Клосса, писавшаго въ 1800 г.

какъ младенцу. Королевскія комнаты просты: въ одной части библіотеки Фридриха, стаканъ, сдѣланный Луизою, съ ея надписью; въ другой ея портретъ [1]): подлѣ китайская галлерея и кабинетъ Фридриха Вильгельма II. Спальня короля отдѣлана кисеею; на столѣ его фуражка и афиши театральныя (онъ бываетъ часто въ Шарлотенбургѣ и всегда въ театрѣ), на креслахъ лежитъ синяя венгерка, старая и очень поношенная; онъ носилъ ее, бывши въ Мемелѣ съ королевою. Черезъ огромныя сѣни, гдѣ находятся замѣчательно прекрасныя мраморныя статуи Экиры и Игеи (бывшія добычею французовъ), всходятъ вверхъ въ комнаты Фридриха II, въ которыхъ жилъ Великій Князь Николай Павловичъ женихомъ. Бѣлая галлерея съ статуями: мраморная съ золотомъ, напоминающая царскосельскую. Зеленая горница съ пюпитромъ Фридриха II, предъ которымъ онъ игралъ на флейтѣ; его спальня и постель: его бюро. Горницы королевы на противоположной сторонѣ: онѣ принадлежали королю Фридриху Вильгельму II. Въ первой, украшенной обоями ткаными, находится бюстъ Императора Александра I. Вторая украшена такими-же обоями. Третья съ альковомъ, въ которомъ находится постель королевы: четвертая большая горница, въ которой обыкновенно сидѣла королева; тутъ находится простая мебель изъ краснаго дерева съ краснымъ сафьяномъ, подаренная Александромъ I. На столѣ ея оставлены чернильница, бумага и два ея пера; въ углу чашки и самоваръ; передъ зеркаломъ въ рамкѣ нарисованные глаза короля съ четырьмя изъ дѣтей; я узналъ глаза Великой Княгини. Изъ этой горницы—входятъ въ ея спальню. Она передѣлана. Въ то время, когда несчастная семья короля находилась въ Мемелѣ, король велѣлъ ее передѣлать. Наполеонъ, бывъ въ Шарлотенбургѣ, велѣлъ перенести въ эту спальню постели Фридриха II и Фридриха Вильгельма III, изъ трехъ составилъ себѣ одну; вся мебель изъ этой горницы была выброшена; она прекрасно убрана бѣлою кисеею, просто и со вку-

[1]) Королева Луиза въ своихъ письмахъ къ графинѣ Фоссъ, напечатанныхъ въ мартовской книгѣ «Deutsche Rundschau» 1894 г., именно въ письмѣ отъ 19 ноября 1806 г., говоритъ, что трудно жить, не имѣя возможности мстить за оскорбленія, когда адъютанты Бонапарта валяются съ сапогами на диванахъ ея гобеленой гостиной въ Шарлотенбургѣ.

сомъ; но королева могла только три раза ночевать въ ней; она поѣхала къ своимъ роднымъ и не возвращалась уже. Мое путешествіе по замку я заключилъ комнатами Великой Княгини. Самыя простыя горницы, обитыя обыкновенными обоями; постель ея, съ простымъ ситцевымъ занавѣсомъ, оставлена въ спальнѣ принцессы Александрины. Тутъ я видѣлъ бюстъ королевы, сдѣланный съ ея маски; лицо мертвое, но прекрасное. Я видѣлъ часть сада: онъ простъ, но милъ: прудъ, островъ, видъ на г. Шпандау».

17-го марта возвратился къ своей супругѣ Великій Князь Николай Павловичъ, уѣзжавшій на нѣкоторое время въ Россію, откуда, изъ Петербурга, онъ выѣхалъ въ Берлинъ 2-го марта. По пріѣздѣ въ Берлинъ Ихъ Высочества вскорѣ предприняли путешествіе на Рейнъ, подъ именемъ генерала и генеральши Романовыхъ и по дорогѣ осчастливили своимъ посѣщеніемъ, 29-го мая, [1]) городъ Галле. По маршруту высокіе путешественники должны были миновать Галле, но такъ какъ они были встрѣчены внѣ города его властями, то Великая Княгиня изъявила желаніе посѣтить этотъ городъ и Ихъ Высочества медленно проѣхали по главнымъ улицамъ Галле [2]).

7-го іюня Великокняжеская чета прибыла въ Франкфуртъ на Майнѣ и остановилась въ гостинницѣ «Англійскаго двора». Относительно такого названія гостинницы приводимъ поясненіе изъ «путевыхъ писемъ» Н. И. Греча [3]), который говоритъ: «Россійскій министръ (баронъ Анштетъ) занимаетъ знаменитый *красный домъ*, первое зданіе въ городѣ. Не подумайте, что этотъ домъ въ самомъ дѣлѣ красный. Онъ *состоитъ* только подъ этимъ знакомъ, т. е. на фронтонѣ его изображенъ *красненькій домикъ*. Должно знать, что большая часть домовъ во Франкфуртѣ называется не по улицамъ и номерамъ, а по от-

---

[1]) Вскорѣ было получено извѣстіе о кончинѣ Наполеона I. († 21 мая) Графиня Шуазель-Гуфье говоритъ, что когда разнесся слухъ о смерти его въ Парижѣ, Марія Луиза выѣхала въ открытомъ экипажѣ, что сильно возмутило парижанъ. Послѣ смерти кавалера Нейперга, къ которому она благоволила, въ Парижѣ она вышла замужъ за своего камердинера де-Бонбелля. Ей тогда уже было 48 лѣтъ.

[2]) «СПб. Вѣд.» 1821 г. № 47.

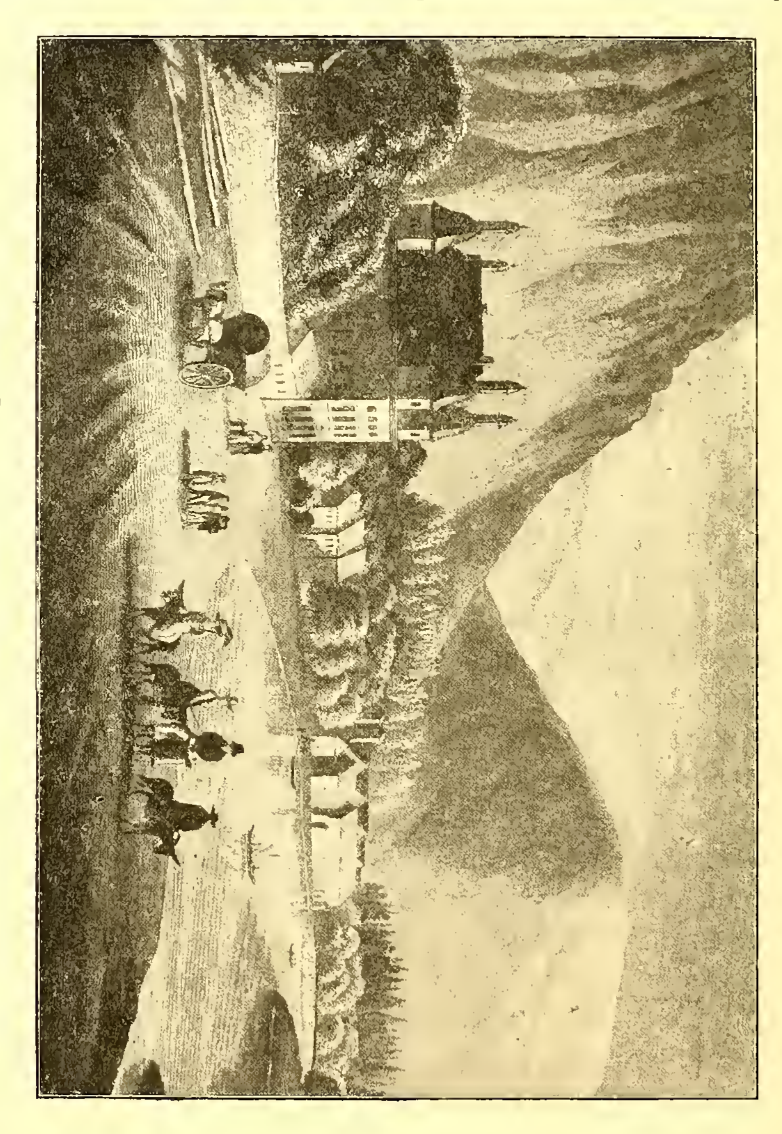
[3]) Томъ IV, стр. 130.

личительнымъ знакамъ. Напримѣръ на углу одного дома изображенъ турокъ, стрѣляющій изъ пистолета: это Türkeschuss (турецкій выстрѣлъ). Надъ другимъ домомъ виденъ *римскій императоръ*, въ естественную величину, въ коронѣ и порфирѣ; здѣсь *Ноевъ ковчегъ*, тамъ *Черный медвѣдь*, *Сѣрый козелъ*, *Красный пѣтухъ*, *Зеленый оселъ*, словомъ вся натуральная исторія, во всѣхъ возможныхъ краскахъ. Обыкновеніе это произошло въ средніе вѣка, и господствуетъ во многихъ (бывшихъ) вольныхъ городахъ.—Лучшіе дома города заняты гостинницами». Далѣе, описывая городъ Гречъ замѣчаетъ: «Вокругъ города построены прекрасные загородные дома, въ числѣ которыхъ отличается принадлежащій бывшему русскому консулу Бетману. Всѣ пріѣзжающіе во Франкфуртъ ходятъ смотрѣть на этой дачѣ статую Аріадны, превосходное произведеніе штутгардтскаго художника Деннекера [1]. Особеннаго вниманія достоинъ монументъ, воздвигнутый прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ II, въ память принца Гессенъ-Филипстальскаго и его храбрыхъ сподвижниковъ. Памятникъ этотъ поставленъ за городомъ, близъ Фридбергскихъ воротъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пали герои, сражаясь за освобожденіе Франкфурта 2-го декабря 1792 г. Онъ состоитъ изъ кубическаго цоколя, возвышающагося посреди дикихъ, неправильно взгроможденныхъ камней. Приличныя надписи изображены съ четырехъ сторонъ, посреди воинскихъ трофеевъ. Кромѣ этого памятника *славы*, есть во Франкфуртѣ памятникъ *безславія*. Прогуливаясь по многолюдной, тѣсно обстроенной Денгесской улицѣ, примѣтилъ я между высокими домами довольно большое пустое квадратное мѣсто. Мнѣ показалось страннымъ, что франкфуртцы, выигрывая мѣста на воздухѣ, не пользуются празднымъ мѣстомъ на землѣ. Но вскорѣ узналъ я, что эта пустота есть памятникъ наказанія одного франкфуртскаго гражданина Фетмильха, который уличенъ былъ въ мятежѣ и злоумышленіи противъ правительства. Его казнили, имѣніе описали, и даже срыли домъ его, постановивъ закономъ, чтобы никто не смѣлъ строиться на этомъ мѣстѣ, дабы оно пребыло навсегда памятникомъ его измѣны и грозной казни,

---

[1]) Императоръ Александръ I, какъ выше уже сказано (на стр. 94), заказалъ ему памятники героямъ 1812 года—Кутузову и Барклаю.

его постигшей. Наказаніе сильное и приличное клятвопреступнику; но, къ сожалѣнію, въ республикахъ нерѣдко слабость наказывается какъ преступленіе, и частная месть прикрывается личиною законнаго возмездія. Говорятъ, что Фетмильхъ, вздумалъ



Видъ Эмса, съ гравюры 1820-хъ годовъ.

слишкомъ жарко защищать права бѣдныхъ гражданъ противъ властолюбія богатыхъ и сильныхъ аристократовъ. Смѣлость назвали преступленіемъ. Фетмильхъ не имѣлъ покровителей, и палъ подъ мечемъ разгнѣванныхъ патриціевъ».

Проведя три дня во Франкфуртѣ, Великокняжеская чета

10-го іюня выѣхала въ Эмсъ, [1]) отъ цѣлебныхъ водъ котораго ожидалось окончательное возстановленіе силъ Великой Княгини Александры Ѳеодоровны, которая съ дѣтства мечтала увидать родной Рейнъ съ его городами, пережившими болѣе чѣмъ тысячелѣтіе германской исторіи.

Такимъ образомъ поѣздка въ Эмсъ осуществляла одно изъ самыхъ горячихъ желаній Великой Княгини и позже она вспоминала о ней какъ объ одномъ изъ самыхъ дорогихъ и пріятныхъ впечатлѣній молодости. Въ это время Александра Ѳеодоровна вела уже дневникъ, но тщательно скрывала его отъ всѣхъ.

Великолѣпная яхта, принадлежавшая нѣкогда курфюрсту Трирскому, была отдана Ихъ Высочествамъ для путешествія по Рейну, на которой провели они ночь при Лорхеръ-Вертѣ. Высокіе гости пристали къ правому берегу, близъ Эренбрейтштейна, противъ Кобленца, гдѣ были встрѣчены генералъ-лейтенантомъ Тилеманомъ и министромъ Ингерслебеномъ. Оба берега были усѣяны зрителями и до самаго Эренбрейтштейна былъ разставленъ баталіонъ 28-го пѣхотнаго полка. Новая дорога отъ пристани, открытая по случаю пріѣзда Ихъ Высочествъ, была названа именемъ Шарлотты [2]).

Что такое представлялъ собою въ то время Эмсъ, мы приведемъ описаніе его того-же Н. И. Греча, бывшаго въ немъ въ 1817 году. «Бьюсь объ закладъ, писалъ Гречъ, что вы не найдете ни на какой картѣ мѣста нынѣшняго моего пребыванія! Цѣлебный источникъ Эмса не можетъ сравниться славою съ другими курортами Германіи: Ахеномъ, Пирмонтомъ, Карлсбадомъ и пр. гдѣ шумныя веселости большого свѣта и развратъ многолюдныхъ столицъ селятся подлѣ болѣзни и страданій, куда стекаются министры и генералы, купцы и игроки. Эмсъ посвященъ исключительно облегченію страданій человѣчества. Мѣстоположеніе Эмса самое дикое, романическое. Унылая Лана медленно влачитъ струи свои между высокихъ горъ, коихъ сторона,

---

[1]) «СПб. Вѣд.» 1821 г. № 49. Эмсъ никогда не имѣлъ такого множества посѣтителей, какъ въ тотъ годъ, сообщали тѣ-же Вѣдомости (въ № 58). Кромѣ Ихъ Высочествъ сюда прибыли: герцогиня Нассауская со всѣми принцами и принцессою; владѣтельный князь Липпе Шаубургскій съ супругою; принцесса Гогенлоэ-Лангенбургская, князь Куракинъ съ супругою; графъ Гольцъ и г. Фостеръ, Великобританскій посланникъ въ Копенгагенѣ.

[2]) «СПб. Вѣд.» 1821 г. № 50,

обращенная къ полудню, покрыта виноградомъ, а другая лѣсомъ и кустарниками. Здѣшній цѣлебный источникъ извѣстенъ былъ уже древнимъ Римлянамъ, подъ именемъ Амбазиса. Въ разныхъ мѣстахъ подлѣ него находятъ въ землѣ римскія монеты, а недавно еще открыли рядъ древнихъ гробницъ. Онъ выходитъ на поверхность земли въ разныхъ пунктахъ на пространствѣ саженъ ста. Одинъ изъ ключей его бьетъ вверхъ въ самой Ланѣ; мѣсто можно узнать по выходящему изъ воды пару; въ ней купаютъ больныхъ лошадей. Вода эмская отличается изобиліемъ щелочной соли и угольной кислоты, а потому весьма полезна въ болѣзняхъ легкаго и раздражительности нервъ, а для женщинъ въ припадкахъ, слѣдующихъ за трудными родами. Эмсъ не городъ, не городокъ, не деревня, а такъ просто — Эмсъ. Надъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ключи выходятъ на поверхность земли, построенъ каменный, четырехъ-ярусный, нерегулярный домъ, состоящій изъ двухъ главныхъ корпусовъ, соединенныхъ между собою корридорами. Въ нижнемъ ярусѣ находятся залы для питья воды и купальни. Воду пьютъ изъ двухъ главныхъ ключей: Kesselbrunnen и Kränchen. Первый изъ нихъ проведенъ въ большую обширную залу или, лучше сказать, галлерею нижняго яруса, коей потолокъ, построенный сводомъ, поддерживается столбами. Тамъ, за балюстрадою, стоитъ опрятно одѣтая старушка (Trinkfrau), и въ чистыхъ стаканахъ подаетъ воду, которую черпаетъ въ самомъ источникѣ. Пользующіяся ходятъ по залѣ, которая по стѣнамъ уставлена подвижными лавками книгъ, модныхъ товаровъ, галантерейныхъ вещей и т. п. Другой ключъ не такъ важенъ, но достоинъ примѣчанія потому, что изъ него нацѣживаютъ въ годъ до 50.000 кувшиновъ, которые разсылаются по всему свѣту. Остальная часть нижняго яруса занята купальнями. Онъ разгороженъ каменными стѣнами въ полторы сажени вышиною, и заключаетъ въ себѣ ванны, въ которыя должно спускаться по ступенямъ. Второй, третій и четвертый ярусъ занимаются комнатками, въ которыхъ живутъ искатели здоровья. Эти комнаты сообщаются между собою посредствомъ длинныхъ корридоровъ. Въ среднемъ ярусѣ находится большая зала, въ которой почти всѣ, пользующіеся водами, обѣдаютъ за общимъ столомъ. Она имѣетъ сообщеніе съ большимъ круглымъ балкономъ Передъ

домомъ разведенъ, по берегу Ланы, небольшой садъ, имѣющій нѣсколько прекрасныхъ каштановыхъ деревъ. Въ концѣ сада, подлѣ самаго берега рѣки, построена бесѣдка въ два яруса: въ ней находится просторная зала, по которой прохаживаются въ дурную погоду, пьютъ чай, завтракаютъ. Въ двухъ примыкающихъ къ ней комнатахъ билліардъ и рулетка. Большой домъ заключаетъ въ себѣ болѣе 200 квартиръ; не смотря на то, въ немъ съ трудомъ можно найти мѣсто. По обѣимъ сторонамъ главнаго зданія построено еще нѣсколько двухъ-этажныхъ домовъ, въ которыхъ пріѣзжіе помѣщаются въ случаѣ нужды. Для больныхъ было бы мѣста довольно; къ сожалѣнію, многія праздныя особы, для перемѣны мѣста ѣздятъ по всѣмъ цѣлительнымъ водамъ, прихлебываютъ ихъ отъ скуки, морщатся недѣли двѣ, и спѣшатъ далѣе; между тѣмъ вездѣ и на все лѣто нанимаютъ комнаты» [1]).

Въ Эмсѣ здоровье Великой Княгини Александры Ѳеодоровны вполнѣ возстановилось, а присутствіе супруга и близость отца, съ которымъ были посѣщены лучшія мѣста Рейна, превратили ея пребываніе на водахъ въ земной рай.

То король наѣзжалъ къ ней въ Эмсъ, то она къ нему отправлялась въ Кобленцъ, то интимнымъ кружкомъ проводили день въ лѣсу, въ старомъ замкѣ, или на берегу Рейна.

21-го іюня Ихъ Высочества, въ сопровожденіи герцога и герцогини Нассаускихъ и другихъ лицъ, предпринимали увеселительное путешествіе въ замокъ Марксбургъ, находящійся близъ Браубаха. Вечеромъ все общество отправилось внизъ по теченію Рейна къЭренбретштейну, гдѣ ожидали экипажи для переѣзда въ Эмсъ [2]).

Въ Эмсѣ въ это время находился и князь А. Б. Куракинъ,

---

[1]) Гречь называетъ въ числѣ посѣтительницъ Эмса заштатную королеву испанскую, супругу Іосифа Бонапарте, подъ именемъ графини де-Сюрвилье, а вспоминая Парижъ, разсказываетъ, какъ онъ видѣлъ скачущаго вершника съ плетью разгоняющаго народъ За нимъ мчалась карета, окруженная полуэскадрономъ гусаръ. Это что? спросилъ я въ изумленіи. «Королевская фамилія прогуливается», отвѣчали мнѣ (Стр. 193.)

[2]) «СПб. Вѣд.» 1821 г. № 53, въ этомъ же номерѣ сообщалось, что надняхъ въ Эмсѣ умеръ принцъ Биронъ Курляндскій, генералъ-лейтенантъ прусской службы.

о которомъ мы говорили во II главѣ; онъ учился вмѣстѣ съ Императоромъ Павломъ I и въ царствованіе Екатерины II, когда Павлу Петровичу случалась нужда въ деньгахъ, то князь Куракинъ закладывалъ свои деревни для того, чтобы доставить

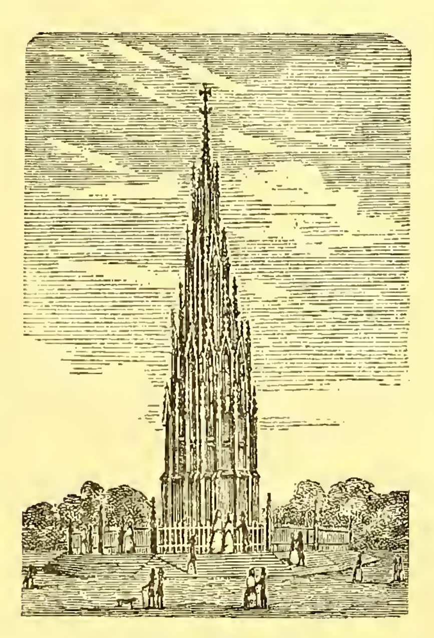


Князь А. Б. Куракинъ.
(Съ рѣдчайшей гравюры Уткина).

средства Цесаревичу. Извѣстно, что Куракинъ долго проживалъ, удаленный отъ Двора, въ одной изъ своихъ деревень въ Саратовской губ., которую назвалъ «Надеждино». И дѣйствительно, надежда не обманула его: по восшествіи на престолъ Павелъ I удивилъ людей того времени обиліемъ и разнообразіемъ наградъ, излившихся на преданнаго ему друга.

5-го іюля Великая Княгиня Александра Өеодоровна съ супругомъ посѣтила Ахенъ, гдѣ осматривали соборную церковь и ратушу, а предъ отъѣздомъ своимъ изъ Кельна Ея Высочество вторично посѣтила знаменитый соборъ. Иной разъ предъ нею вдругъ неожиданно являлся супругъ [1]) въ такую минуту, когда она считала его уѣхавшимъ куда нибудь на смотръ или парадъ.

Однимъ изъ такихъ парадовъ былъ замѣчателенъ парадъ, происходившій 18-го марта (день вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ въ 1815 г.) по случаю открытія на Крестовой горѣ памятника [2]) въ память освобожденія Пруссіи отъ Наполеона [3]); памятникъ этотъ представляетъ готическую башню, части которой отлиты изъ чугуна, по рисункамъ Шинкеля. Въ срединѣ башни находятся аллегорическія изваянія, въ 12-ти нишахъ, надъ коими начертаны имена 12-ти побѣдъ, одержанныхъ союзниками, а на главномъ фронтѣ надпись: «*Король народу, жертвовавшему, по его воззванію, достояніемъ и кровію для отечества; падшимъ въ память, живымъ въ признательность, грядущимъ вѣкамъ въ соревнованіе*».



Видъ памятника на Крестовой горѣ.

[1]) 17-го іюня Великій Князь Николай Павловичъ изъ Эмса отправился въ Штутдгартъ, а 26-го іюня пріѣхалъ туда наслѣдный принцъ прусскій Вильгельмъ.

[2]) Закладка котораго происходила 7-го сентября 1818 г. въ присутствіи Императора Александра I.

[3]) Строителю этого памятника, въ 1845 г. по плану архитектора Персіуса, въ южной сторонѣ парка Потсдама, сооружена церковь «Мира» (Fridens Kirche), вродѣ базилики св. Клемента въ Римѣ, при которой находится мавзолей Императора Фридриха III. Внутри храма 16-ть мраморныхъ колоннъ раздѣляютъ церковь на три части. Подъ алтаремъ покоются: Фридрихъ Вильгельмъ IV и супруга его Елисавета и два принца. Возлѣ церкви для покойнаго императора Фридриха воздвигается отдѣльный мавзолей, замѣчательной работы Бегаса и Пієта, надгробіе съ изображеніемъ императора.

Великій Князь Николай Павловичъ самъ командовалъ 6 мъ Кирасирскимъ полкомъ, котораго состоялъ шефомъ, съ 8-го апрѣля 1817 г.; полкъ этотъ былъ вызванъ въ Берлинъ изъ Бранденбурга, чтобы представиться своему Августѣйшему шефу. Его Высочество выѣхалъ на встрѣчу полку въ Потсдамъ и во главѣ его вернулся въ Берлинъ. Штандарты и литавры были отнесены въ королевскій замокъ, въ которомъ жилъ Великій Князь.



Видъ Бранденбургскихъ воротъ, въ Берлинѣ.

Вообще въ свое продолжительное пребываніе въ Берлинѣ Николай Павловичъ внимательно и прилежно изучалъ организацію прусской арміи и введенный въ ней порядокъ военной службы. Такъ, онъ съ интересомъ слѣдилъ за обученіемъ рекрутъ, опредѣленныхъ къ поступленію въ гвардію. Подъ руководствомъ командира лейбъ-роты 1-го гвардейскаго пѣхотнаго полка, капитана (впослѣдстіи генерала и командующаго гвардейскимъ корпусомъ) Меллендорфа, онъ не только присутствовалъ при ротныхъ ученьяхъ, но вникалъ во всѣ подробности ротнаго хозяйства и службы. Случалось также, что Великій Князь самъ трубилъ сигналы изъ Потсдамскаго дворца, пока рота производила стрѣлковое ученье. По окончаніи весеннихъ маневровъ, Великому Князю,близко сошедшемуся съ наслѣднымъ принцемъ, пришло на мысль повторить маневры съ одними офицерами, чтобы практически ознакомить ихъ со службою въ полѣ нижнихъ чиновъ. Король охотно далъ разрѣшеніе на такую военную игру, и однажды, послѣ полудня, т. е. по окончаніи гарнизон-

ныхъ ученій, всѣ свободные отъ службы офицеры берлинскаго гарнизона, пѣхотинцы, кавалеристы, артиллеристы, піонеры въ числѣ около 200 человѣкъ, вызваны были въ Потсдамъ и въ 2часа выстроились передъ «Новымъ дворцомъ» въ Санъ-Суси. Они были въ фуражкахъ. Въ Потсдамѣ имъ роздали взятые изъ фуражнаго баталіона 1-го гвардейскаго пѣхотнаго полка, сумки, тесаки и ружья и раздѣлили ихъ на двѣ партіи, изъ коихъ одна должна была маневрировать противъ другой, причемъ для отличія между собою одна партія сохранила фуражки, а другой дали кивера. Къ офицерамъ присоединились всѣ принцы прусскаго королевскаго дома, Великій князь и принцъ Георгъ Гессенскій. Штабъ-офицеры должны были исполнять обязанности унтеръ-офицеровъ, а оберъ-офицеры рядовыхъ, безъ различія родовъ оружія. Первою партіею (фуражки) командовалъ генералъ-адъютантъ короля Вицлебенъ, а въ его отрядѣ были взводными унтеръ-офицерами наслѣдный принцъ и братъ его, принцъ Вильгельмъ[1]). Командиромъ второй партіи (кивера) назначенъ былъ генералъБлокъ, а у него фланговымъ рядовымъ—Великій Князь Николай Павловичъ. На Великомъ Князѣ былъ кромѣ тесака и сумки, ранецъ со всѣми положенными предметами, въ который онъ уложилъ еще порцію рису для приготовленія себѣ пищи. Въ рукахъ у него было ружье русскаго пѣхотнаго образца. Ранецъ, киверъ и весь приборъ, бывшій въ этотъ день на Его Высочествѣ, до сихъ поръ сохраняются въ складѣ аммуниціи 1-го прусскаго гвардейскаго пѣхотнаго полка.

Продефилировавъ мимо короля, подъ звуки военнаго оркестра, оба отряда заняли назначенныя имъ позиціи. Первый отрядъ—фуражекъ приблизился къ мосту на рѣкѣ, отдѣлявшему его отъ непріятеля, а второй—кивёровъ выставилъ на противоположной сторонѣ ручья сторожевой пикетъ, въ составъ котораго вошелъ и Великій Князь. Пока съ обѣихъ сторонъ происходили рекогносцировки, Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна и принцессы въ придворномъ экипажѣ, посѣтивъ первый отрядъ, направились ко второму. Стоявшій на часахъ у моста Великій Князь Николай Павловичъ пропустилъ экипажъ съ Ихъ Высочествами, но остановилъ слѣду-

---

[1]) Который съ 30 марта 1818 года носилъ уже эполеты генералъ-маіора.

ющій за ними фургонъ съ кухнею и велѣлъ ему ѣхать обратно. Тогда, вынувъ изъ ранца запасъ риса и говядины, онъ самъ приготовилъ на разведенномъ кострѣ и предложилъ своей супругѣ раздѣлить съ нимъ его скромный солдатскій ужинъ.

Къ вечеру оба отряда сошлись, и между ними завязалась оживленная перестрѣлка. По окончаніи маневра, они возвратились въ Потсдамъ къ 11-ти часамъ, въ самомъ веселомъ настроеніи, распѣвая солдатскія пѣсни. Эта военная игра была повторена еще разъ до отъѣзда Великаго Князя Николая Павловича. Во второй маневръ кавалеристы были на лошадяхъ, артиллеристы везли небольшое орудіе и даже пѣхотинцы были распредѣлены по своимъ полкамъ. Однимъ отрядомъ командовалъ наслѣдный принцъ, другимъ генералъ Альвеслебенъ. Великій Князь Николай Павловичъ въ полной походной формѣ исполнялъ должность унтеръ-офицера [1]).

По возвращеніи въ Россію, Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна прислала въ подарокъ полку имени своего супруга богато вышитую перевязь къ штандарту, при слѣдующемъ письмѣ на имя полковаго командира.

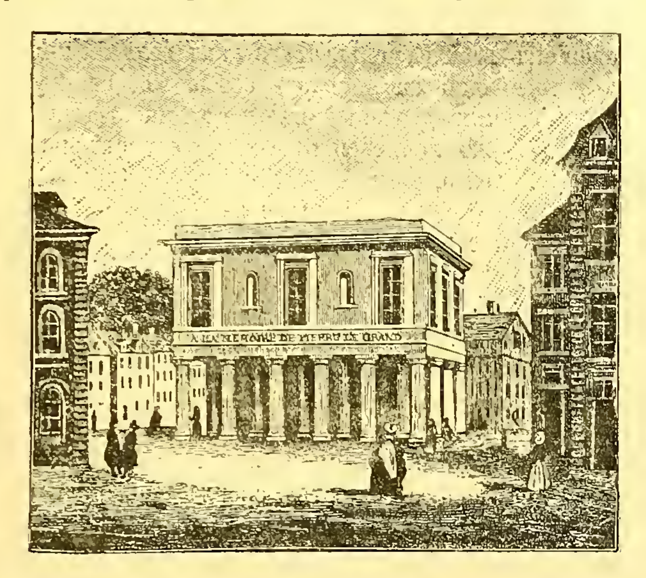
> «Расположеніе Государя и моего супруга, къ храброму полку извѣстно вамъ г-нъ полковникъ Цолликоферъ, а такъ какъ я знаю, какую цѣну вы имъ придаете, то мнѣ весьма пріятно передать вамъ вмѣстѣ съ его сердечнымъ поклономъ, увѣреніе, что его участіе и привязанность къ полку столь-же искренни, сколь и постоянны. Также точно и я съ отмѣннымъ уваженіемъ пребываю къ вамъ навсегда благосклонная»
>
> «Александра».

Лѣтомъ же 1821 г. великокняжеская чета посѣтила Спа, куда незадоло передъ тѣмъ съѣхалась цѣлая масса высокихъ особъ, такъ что они едва могли помѣститься по отелямъ и частнымъ квартирамъ. Тутъ были король и королева Нидерланд-

---

[1]) «Николай I и прусская армія» С. С. Татищева «Рус. Вѣст.» 1888 г. мартъ, стр. 134.

скіе [1]), принцъ Фридрихъ и принцесса Маріана Нидерландскіе, король Прусскій и два его старшіе сына; король Виртембергскій [2]) подъ именемъ графа Тека, наслѣдный принцъ Мекленбургъ-Шверинскій и герцогъ Нассаускій. На балѣ, данномъ королевою нидерландскою, присутствовали: три короля и четырнадцать принцевъ и принцессъ. Но къ пріѣзду Ихъ Высочествъ



Видъ зданія надъ источникомъ «Крапо» въ Спа.
(Сооружено въ память Петра I, лѣчившагося здѣсь въ 1717 г.; съ гравюры конца XVIII вѣка).

всѣ эти высокіе посѣтители разъѣхались. Великій Князь Николай Павловичъ съ супругою жилъ въ гостинницѣ «Ville Anvers». Онъ много гулялъ по живописнымъ окрестностямъ Спа, но

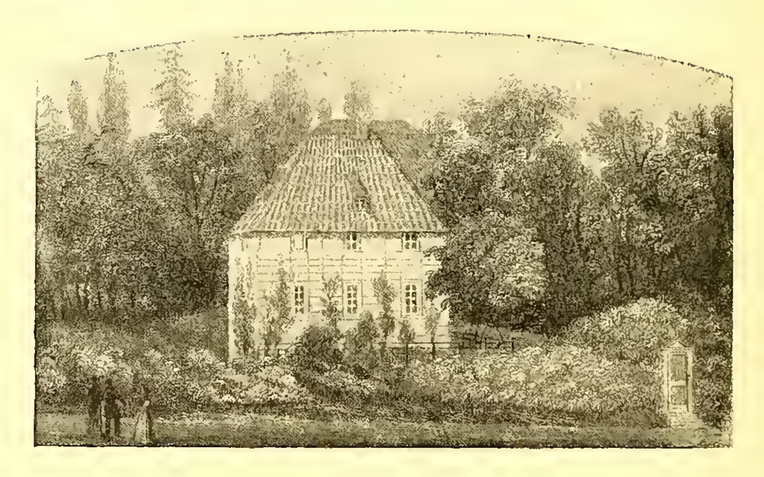
---

[1]) Вильгельмъ I Фридрихъ, старшій сынъ наслѣднаго штатгальтера Вильгельгема V, принца нассау-оранскаго и Фридерики Софіи, принцессы прусской, родился въ Гагѣ, 24-го августа 1772 г.; въ 1791 г. вступилъ въ бракъ съ Фридерикою Луизою Вильгельминою, сестрою отца Великой Княгини Александры Θеодоровны. Сынъ Вильгельма — Вильгельмъ II (1792 † 1849) въ 1816 вступилъ въ бракъ съ Великой Княгиней Анною Павловною, сестрою Великаго Князя Николая Павловича; въ 1840 г октября 7-го, онъ, по отреченіи отъ престола отца своего, возложилъ на себя Нидерландскую корону.

[2]) Мужъ Великой Княгини Екатерины Павловны, сочетавшійся 15-го апрѣля 1820 г. третьимъ бракомъ съ Паулиною, дочерью покойнаго его дяди, Людовика герцога Виртембергскаго, отъ котораго родился Карлъ, Фридрихъ Александръ вступившій въ бракъ съ Великою Княжною Ольгою Николаевною.

еще болѣе разъѣзжалъ по нимъ на привезенныхъ для него изъ Россіи за границу дрожкахъ, запряженныхъ парою лошадей, изъ которыхъ одна была бѣлой, а другая вороной масти. Особенно иностранцы дивились экипажу и длиннобородому, одѣтому по русски, кучеру, и той ловкости, съ какою онъ правилъ лошадьми, запряженными «пристяжкою».

Мѣстные фабриканты лакированныхъ вещей рисовали экипажъ Великаго Князя на своихъ произведеніяхъ, расходившихся въ громадномъ количествѣ. Николай Павловичъ обратилъ особое вниманіе на производство въ Спа лакированныхъ издѣлій,



Видъ домика Гёте близъ Веймара.

а впослѣдствіи Императрица Александра Ѳеодоровна, разсматривая на московской выставкѣ 1831 г., табакерки фабрики Лукутина, припомнила, что такія же дѣлаетъ въ Брауншвейгѣ Штаубвассеръ [1]).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна писала Жуковскому слѣдующія строки [2]):

Спа (31-го) 12-го іюня.

«Я получила письмо ваше въ Веймарѣ, гдѣ я часто думала объ васъ, особенно когда я познакомилась со вдовою и дочерью моего любимѣйшаго стихотворца Шиллера, и когда я была въ домѣ Гёте.

---

[1]) «Сѣверная Пчела» 1891 г. № 256.

[2]) Молодая ученица Жуковскаго уже въ то время писала много лучше по русски, чѣмъ когда либо ея свекровь, что видно изъ приводимаго письма, въ которомъ сохранена орѳографія подлинника.

Какъ жаль, что вы не со мною сдѣлали путешествіе по Рейну: вы лучше другого человѣка можете понимать мое счастіе въ то время.

Здѣсь я получила два письма ваши изъ Дрездена изъ Карлбада. Описаніе вашего путешествія по Саксонской Швейцаріи и чувства ваши при осмотрѣ превосходныхъ твореній живописи мнѣ очень понравились.

Теперь вы вѣрно въ настоящей Швейцаріи, гдѣ природа еще гораздо величественнѣе, чѣмъ въ Саксоніи и на Рейнѣ, но я довольна тѣмъ, что̀ я видѣла; ето для меня будетъ сокровищу для всей жизни моей. Когда вы увидите въ первый разъ Нидерваль діе-Рохусъ-Копелле умъ-Бингенъ [1]), тогда вспомните обо меня.

Спа вовсе не пріятенъ, окрестности не живописны, а общество очень малочиственно. Долина Емса узка, горы высоки, но весьма зеленыя, и рѣка довольно широка. Я тамъ была очень счастлива. Батюшка мой и братъ были нѣсколько дней, Фрицъ такъ же оставался въ Спа все время съ нами; онъ и Николай Павловичъ вамъ кланяются.

Мы выѣзжаемъ 5-го августа (н. ст.) и ѣдемъ Кобленцъ, гдѣ мы два дней останемся съ Маріей Павловной и Анна Павловна и послѣ прямо въ Берлинъ черезъ Кассель, гдѣ мы пріѣдемъ 15-го или 17-го августа и уже (29-го) 17-го августа я оставляю этотъ городъ и мой фамиліи!..

Es muss aber geschieden werden. Прощайте, Василій Андреевичъ «Александра».

Василій Алексѣевичъ (Перовскій) очень сердится на васъ».

Дѣйствительно 5-го августа Великая Княгиня Александра

[1]) Близь Бингена Рейнъ стѣсняется крутыми горами. По правую руку поднимается до облаковъ утесистая гора Рюдесгеймская; тамъ, гдѣ рѣка обхватываетъ подошву ея, глядитъ изъ-за скалъ древній замокъ Эренфельсъ. По лѣвую руку видны лѣсистыя горы. Рейнъ теряется между утесами; вездѣ громады камней, на которыхъ мѣстами видны сѣдыя развалины; узенькая тропинка вьется вверхъ къ опустошенной церкви, которая стоитъ уединенною посреди деревъ (Изъ описанія Греча).



Эрцъ-герцогъ австрійскій
Фердинандъ.

Θеодоровна, княгиня Волконская, графиня Шувалова и прочія лица свиты прибыли въ Ахенъ изъ Спа и продолжали путь свой далѣе черезъ Кельнъ въ Потсдамъ. Въ Кельнѣ Ея Высочество остановилась въ домѣ коммерціи совѣтника Геймана, гдѣ принимала представителей военныхъ и гражданскихъ чиновъ. 6 числа, въ половинѣ 8 утра, отправились въ Кобленцъ. Въ это время Великій Князь Николай Павловичъ посѣтилъ Брюссель, откуда выѣхалъ 7-го августа черезъ Намуръ.

10-го числа Ихъ Высочества прибыли во Франкфуртъ, съ наслѣднымъ принцемъ прусскимъ. Они посѣтили Нассаускій Дворъ въ Биберихѣ, а 11-го августа черезъ Кассель, Минденъ, Геттингенъ и Госларъ возвратились въ Потсдамъ, куда пріѣхали 13-го числа. Проведя здѣсь еще двѣ недѣли въ семейномъ кругу, послѣ слишкомъ десятимѣсячнаго отсутствія, направились въ Россію. 30-го августа Ихъ Высочества, по случаю своего отъѣзда, принимали различныхъ лицъ въ королевскомъ Берлинскомъ дворцѣ [1]).

1-го сентября Ихъ Высочества выѣхали изъ Берлина. Утромъ они присутствовали при вступленіи въ лагерь конныхъ полковъ, собравшихся въ окрестностяхъ Берлина для осеннихъ маневровъ, на которые, 28-го числа, пріѣхалъ эрцъ-герцогъ Фердинандъ, будущій Императоръ Австріи. Потомъ король и всѣ принцы и принцессы прусскіе провожали гостей до Фридрихсфельда, гдѣ произошло между ними трогательное прощаніе. «Одна только увѣренность, что Ея Высочество возвращается въ нѣдра такой фамиліи, которая соединена тѣсными узами родства и дружества съ королевскимъ домомъ, что съ несказанной радостію обниметъ она юныхъ дѣтей своихъ, кои во время ея отсутствія ввѣрены были нѣжнѣйшему попеченію Государыни, услаждала нѣкоторымъ образомъ горесть сего прощанія. Всѣ жители Берлина сопровождали высокихъ путешественниковъ искреннѣйшими благословеніями. Соединенный корпусъ офицеровъ здѣшняго и Потсдамскаго гарнизоновъ испросилъ у Ихъ Высочествъ позволеніе изъявить участіе свое,

---

1) «СПб. Вѣд.» 1821 г. №№ 66, 66 и 71. Причемъ гр. Моденъ, докторъ Крейтонъ и адъютантъ Великаго Князя Николая Павловича, полковникъ Кавелинъ получили прусскіе ордена.

вечеромъ наканунѣ ихъ отъѣзда, торжественною музыкою, игравшею въ шарлотенбургскомъ саду. Въ самую же минуту отъѣзда Ихъ Высочествъ, на дорогѣ между Шарлотенбургомъ и Берлиномъ поставленный полкъ Его Высочества Великаго Князя Николая Павловича, провозгласилъ Ихъ Высочествамъ троекратное ура». (СПб. Вѣд. № 71) Возвратились Ихъ Высочества черезъ Варшаву и 5-го Сентября были уже въ г. Ковно.









